Т.К. Гладков

Наш человек в Нью-Йорке

Судьба резидента

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя главного героя этой книги в нашей стране на протяжении шестидесяти с лишним лет замалчивалось. Между тем Яков Голос добрые десять лет (1933–1943) был самым крупным разведчиком-групповодом НКВД/НКГБ в США. Для агентов Голоса не было запретных зон — они проникали и в Белый дом, и в Госдепартамент, и в Управление стратегических служб (УСС), предшественник Центрального разведывательного управления (ЦРУ).

Настоящая книга — первое в нашей стране описание жизни и борьбы выдающегося революционера, антифашиста и разведчика Якова Голоса. Автор — известный писатель и историк разведки, член Общества по изучению истории отечественных спецслужб, действительный член Академии проблем национальной безопасности, лауреат Премий КГБ СССР и Службы внешней разведки Российской Федерации Теодор Гладков.

- Т. К. Гладков
  - Введение
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Послесловие
  - Фотографии
  - Библиография
  - Об авторе
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136

Т. К. Гладков
НАШ ЧЕЛОВЕК В НЬЮ-ЙОРКЕ
Судьба резидента

Введение

Лет пятнадцать назад мой старший друг Дмитрий Голос (он был другом еще моих покойных родителей, а подростком знавал и моего деда — одного из героев данной книги), очутившись в Нью-Йорке, зашел в Интернет. В нашей стране само это слово было еще мало кому известно. Из чистого любопытства сделал заказ на собственного отца — Якова Голоса — и обнаружил, к крайнему своему удивлению, свыше тысячи о нем упоминаний! И в периодике, и в серьезных книгах по истории разведки XX века! Некоторые книги, и новинки, и вышедшие еще в 50-х годах, он тогда же купил, другие — в последующие приезды в США. В ряде случаев пришлось довольствоваться выборочными ксерокопиями.

Между тем в нашей стране лишь в 1994 и 1996 годах впервые упомянул эту фамилию в своей книге «Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля» один из самых видных руководителей советской разведки на протяжении приблизительно пятнадцати лет (1938–1953) генерал-лейтенант Павел Судоплатов. Он назвал Якова Голоса, ни больше и ни меньше, «одним из главных организаторов нашей разведывательной работы». Имелось в виду — в Соединенных Штатах Америки[1].

А надо заметить, что столь высокими оценками покойный Павел Анатольевич, сам признанный ас разведки, не разбрасывался. Это весьма значительное признание он сделал, уже много лет пребывая в отставке, следовательно, неофициально. Служба внешней разведки Российской Федерации в целом отнеслась к книге благожелательно, но на данное конкретное высказывание никак не отреагировала, следуя известному принципу всех спецслужб: «Без комментариев!»

В 1997 году вышел очередной том «Очерков истории российской внешней разведки» (главный редактор издания — тогдашний директор СВР РФ академик Евгений Максимович Примаков). В числе других, сенсационных во многом материалов общим числом сорок семь была и глава «Яков Голос»[2]!

В очерке, в частности, отмечено: «Заслуги Я. Н. Голоса перед советской разведкой трудно переоценить. Он честно и бескорыстно выполнял свой долг, много работал над изучением людей, представлявших интерес для разведки, занимался проверкой их надежности, привлекал к сотрудничеству. От приобретенных им ценных источников информации Голос получал важные сведения по экономическим, военным, политическим, научно-техническим вопросам. Переданная им

информация учитывалась при развитии отношений СССР с США, проведении советским правительством внешнеполитического курса, укреплении и повышении эффективности советской экономики, оборонного потенциала Советского Союза. Деятельность Голоса была настолько многогранной, что ее трудно свести к одному какому-то аспекту. След, оставленный Яковом Голосом в истории внешней разведки, настолько значителен и впечатляющ, что отдельные просчеты не могут бросить на него тень сомнения. Российские разведчики всегда будут чтить это имя и гордиться им»[3].

Свидетельство весьма авторитетное, его автор — генерал-майор Ю. Н. Кобяков, много лет прослуживший во внешней разведке как раз на «американском направлении».

Лично знал Голоса (и даже доставлял в Москву из Нью-Йорка его письма жене Силии и находящемуся на фронте сыну Дмитрию) будущий заместитель начальника внешней разведки генерал-лейтенант Виталий Григорьевич Павлов (тогдашний оперативный псевдоним «Клим»).

В одной из своих книг он так писал о разведчике: «В истории внешней разведки это действительно уникальный случай, когда, по существу, инициативно, по собственной воле, разумению и необыкновенным способностям — человек избирает путь разведчика и предоставляет себя в таком качестве полностью в распоряжение разведывательной службы.

Действительно, его никто не подбирал, не готовил и не направлял в качестве разведчика-нелегала в США. Фактически он сам, в силу своих природных качеств и способностей, склонности к деятельности, присущей разведывательной профессии, вступил на путь, который привел его в 1933 году к положению самостоятельно действующего в США агента-нелегала, закрепленного рапортом на имя начальника ИНО ОГПУ А. Х. Артузова.

…Автор, курировавший работу нью-йоркской резидентуры в 1939–1942 годах, помнит, как сообщалось о целом ряде оперативных поручений, исполненных Звуком (оперативный псевдоним Я.Н. Голоса), а также информационных материалов, полученных им от своих источников.

Я. Н. Голос не только вербовал источников информации для использования их в своей работе, но и помогал резидентуре пополнять свою агентурную сеть новыми агентами, особенно из числа сотрудников государственных учреждений, где у него имелись обширные связи и свои информаторы…»[4].

Конечно, это хорошо, что имя Якова Голоса наконец-то словно всплыло из небытия. Благодаря Павлу Судоплатову, Юлию

Кобя-кову и Виталию Павлову оно прочно вошло в историю отечественной внешней разведки и заняло в ней достойное место. Однако мы все же до обидного мало знаем конкретных фактов о его жизни и деятельности.

Спрашивается — почему? Сразу приходит на ум вроде бы самый естественный ответ: из соображений секретности. Действительно, и внешняя политическая, и военная разведка России по сей день держат в строжайшей тайне дела и фамилии тысяч своих разведчиков и агентов. Никакие сроки давности на них не распространяются. О подавляющем большинстве из них ни мы, ни даже наши отдаленные потомки так никогда и не узнают. По многим соображениям, и не только политическим. Иногда завесу секретности не приподнимают ни на дюйм, учитывая некоторые моральные и нравственные аспекты весьма специфической профессии разведчиков.

Однако в случае с Яковом Голосом дело не только в этом. В конце концов, американские спецслужбы, в первую очередь ФБР, уже давно знают, что этот невысокий человек, склонный к полноте, с яркими голубыми глазами и приметными рыжими волосами, по их уважительной оценке, являлся советским «master spy» — «мастером шпионажа» высшего класса.

Тогда в чем причина столь долгого умолчания о нем родных отечественных спецслужб?

На сей счет автор выскажет свою точку зрения на завершающих страницах этой книги.

Глава 1

Яков Рейзен (такова настоящая фамилия разведчика. Голос — его партийный псевдоним) родился 24 апреля 1889 года в Екатери-нославе[5], в еврейской рабочей семье. Некоторые публикации в качестве даты рождения называют 1890 год. Однако автор располагает подлинной автобиографией Голоса, им подписанной. В ней Голос годом своего рождения указывает именно 1889-й.

Семья была многодетной: у Якова было еще два брата — Луис и Гарри и три сестры — Мэри, Эстер и Минна.

Когда Яков Рейзен стал Голосом, точно установить не удалось. Во всяком случае, единственный сын разведчика Дмитрий, появившийся на свет в 1923 году, в метрику был занесен как Рейзен, но с самого раннего детства помнит и отца, и себя как Голос.

Есть версия, что в 20-е годы Яков, уже находясь в Америке, сотрудничал с одной из русскоязычных рабочих газет, в ее названии имелось слово «голос», которое он и сделал своим журналистским и партийным псевдонимом. Такая практика — использование псевдонимов с последующим превращением их в официально оформленные фамилии — была обычной у российских революционеров всех направлений. Достаточно вспомнить такие всемирно известные фамилии, как Ленин, Сталин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Киров, Молотов…

Семья была вроде бы обеспеченной, но отнюдь не зажиточной. Окончив городское училище, Яков в тринадцать лет начал работать в типографии. Выходит, семья нуждалась в его скромном заработке.

В установочных данных Голоса кроме фамилии загадкой является и его отчество. Отца Якова звали Давид, мать — Ида. Следовательно, он должен был бы носить отчество Давидович. Однако в различных анкетах, заполненных в СССР в разные годы, а также и других документах он называет себя то Яковом Наумовичем, то Яковом Самойловичем, а в одной из автобиографий совсем уж загадочно: Яковом С. Наумовичем!

Родной город Голоса был основан в 1784 году на правом высоком берегу Днепра, со временем перебрался и на левый. В 1796 году был наречен Новороссийском, но уже в 1802 году переименован в Ека-теринослав в честь императрицы Екатерины Второй.

Промышленное развитие Екатеринослава началось с 1873 года со строительства железной дороги Донбасс — Кривой Рог. В

1887 году на Александровском заводе была пущена первая домна, еще через два года построен трубопрокатный завод.

В 1890 году в Екатеринославе возник первый марксистский кружок, еще через семь лет был создан местный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с известным революционером — рабочим Иваном Бабушкиным.

После Первого съезда РСДРП в Минске в 1898 году «Союз» был преобразован в Екатеринославский социал-демократический комитет. Последующие четыре года ознаменовались массовыми выступлениями рабочих. Население города тогда уже перевалило за сто тысяч, число рабочих и ремесленников было весьма изрядно.

Екатеринослав находился за чертой оседлости, и евреи населяли его почти со дня основания. Как в любом портовом городе (хоть и не морском, а речном), многие жители занимались торговлей. Богатых, вернее зажиточных, евреев среди купцов было немного, не то что в бурно развивающейся Одессе. Большинство принадлежало к сословию ремесленников, без которых в ту пору не мог обойтись ни один провинциальный город. Сапожниками, портными, часовщиками, лудильщиками были сплошь евреи. Некоторые, более образованные и удачливые, стали фармацевтами, а также наборщиками, печатниками, переплетчиками — в Екатеринославе имелось несколько типографий. На крупные предприятия развивающейся металлургической промышленности хозяева евреев почти не принимали.

Как уже было сказано, в одну из небольших типографий и устроился учеником Яша Рейзен, а со временем приобрел редкую профессию — мастера цветной печати.

В советской литературе ограничения для евреев при поступлении в средние, тем более высшие учебные заведения объясняли исключительно антисемитизмом царских властей. Возможно, даже наверняка, среди высшего чиновничества и были антисемиты по убеждениям, как благополучно существовали таковые в партийных и государственных кругах и при советской власти, сохранились они и в нынешней демократической России. Однако главной причиной и целью так называемой процентной нормы было противодействие не столько евреям, сколько радикальным элементам, прежде всего молодым, следовательно, потенциально особо решительно настроенным смутьянам.

В последней трети XIX века отчетливо просматривается тенденция не допускать в гимназии детей из низших сословий, печально знаменитое постановление 1887 года вошло в историю как Декрет о кухаркиных детях.

Процентная норма для евреев в черте оседлости в высших учебных заведениях составляла 10 %. Это означало, что проблема при поступлении в университеты для молодых юношей из еврейских семей состояла не в их принадлежности к иудейской конфессии, а в степени благосостояния родителей. Но это также относилось и к русским, украинским, белорусским юношам. В любом случае число молодых людей этих национальностей, следовательно, православных, но из бедных семей, то есть тех самых «кухаркиных детей», поступающих в высшие учебные заведения, вряд ли превышало те же 10 %.

Давно подмечено, что получение высшего, вообще хорошего образования зависит не только от национальности, принадлежности к той или иной религиозной конфессии, социальной группе или степени зажиточности семьи, но в значительной степени от желания молодого человека учиться.

В конце концов, известны многочисленные примеры, когда выдающихся успехов достигли люди исключительно самообразованием, достаточно назвать гениального изобретателя Томаса Альву Эдисона…

Что же касается конкретно евреев, то, невзирая на все ограничения, не делающие, разумеется, чести тогдашней власти, в России конца XIX и начала XX века было достаточно лиц этой национальности, получивших высшее образование именно в России: врачей, инженеров, адвокатов, ученых, крупных предпринимателей.

С 1887 по 1909 год еврейские юноши могли без ограничений держать ежегодные переводные и выпускные гимназические экзамены. На женские гимназии процентная норма вообще не распространялась.

Это обстоятельство открывало перед любым молодым человеком, желающим учиться, возможность получить исключительно собственными усилиями и трудолюбием заветный аттестат зрелости, следовательно — право поступить в российский или зарубежный университет.

Юный Яков Рейзен этой возможностью не пренебрег. Не прерывая работу в типографии, он экстерном сдал все положенные экзамены за гимназический курс.

Впоследствии, уже пребывая в США, он поступил в медицинскую школу одного из университетов (так в Америке называют медицинские институты), но окончить ее не успел. Так уж сложились обстоятельства.

Правда, в некоторых анкетах Голос в графе «образование» писал «низшее». Чем это объяснить, сегодня трудно сказать. Возможно, нежеланием выделяться среди товарищей по партии, в

большинстве рабочих, действительно с низшим образованием. Скорее же всего — тем, что в бурные молодые годы Первой русской революции, пребывания в тюрьмах, ссылке, долгих странствиях просто утратил гимназический аттестат.

По роду работы, что называется, по определению, типографские рабочие отличались от своих собратьев по классу не только обязательной грамотностью (наборщики и корректоры — абсолютной), но и начитанностью. Читали, естественно, все, что набирали, и не только беллетристику, но и серьезные книги по истории, экономике, различную публицистику. Случалось, по ходу работы или по окончании оной обсуждали прочитанное. Видимо, этим объясняется то, что подавляющее большинство рабочих-печатников, ушедших в революцию, примкнули не к народникам или анархистам, но именно к социал-демократам.

Яша Рейзен вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию в 1904 году и принял активное участие в революции 1905 года. В неполные шестнадцать лет он был даже избран в первый Совет рабочих депутатов. Выходит, уже тогда проявилось столь характерное для его последующей деятельности лидерское начало, проще говоря, черты прирожденного вожака.

В семейном архиве его сына Дмитрия Голоса сохранился удивительный документ, написанный чернилами от руки:

«Екатеринослав 24/VI.04. Сим удостоверяется, что тов. Яша действительно состоял членом Екатеринославской о-[рганиза]ции; просим оказать ему доверие и содействие.

С тов. приветом, Секретарь ГК РСДРП Кузьма». На обороте листка — текст того же содержания, но на французском языке. И круглая печать: «Российская социал-демократическая рабочая партия. Екатеринославский Комитет».

Двуязычность документа может означать одно: предполагался отъезд «тов. Яши» во Францию с каким-то партийным заданием. Надо полагать также, что там, за границей, товарищам, к которым бы обратился молодой Рейзен, было хорошо известно, кто такой «Кузьма».

Автору, к сожалению, установить его личность не удалось. В декабре 1905 года всеобщая стачка екатеринославских рабочих переросла в вооруженное восстание. Вплоть до 27 декабря повстанцы удерживали в своих руках рабочий район Екатеринослава — Чечелевку. Восстание было жестоко подавлено. На местах былых боев каратели расстреливали всех, в ком подозревали мятежников.

Сын Голоса Дмитрий вспоминал, что бабушка рассказывала ему, как после расправы местные жители выискивали среди убитых тела своих близких. Так бабушка Ида и старшая сестра

Мэри нашли Яшу — без сознания, видимо, контуженого, но не раненого…

Много лет спустя Яков Голос в автобиографии писал:»В последних числах 1906 года [я] был арестован в нелегальной типографии и был приговорен по 102 ст[атье] Уголовного] Уложения к восьми годам каторги. Ввиду несовершеннолетия каторгу мне заменили вечным поселением с лишением всех прав. Сослан я был в Якутскую губернию, но жил все время около станции Жигалово на реке Лене около двух лет. Партия решила устроить мне побег и материально помогла мне в этом. Из Сибири я удрал в Японию и Китай, где пробыл около двух лет)>[6].

Китай и особенно Япония были тогда странами достаточно закрытыми. Нахождение в них человека европейской внешности, к тому же с приметными рыжими волосами, проникшего нелегально и сумевшего продержаться здесь два года (!), — уже тема для приключенческого романа. Как ему удалось преодолеть несколько границ, в том числе морские, — уму непостижимо. К сожалению, Голос никогда и никому не рассказывал о деталях своего невероятного побега, а также о том, как зарабатывал на жизнь в Китае и Японии.

Одно известно — какую-то связь с родными Яков поддерживал. Одна из сестер — Минна — уже после побега Якова с поселения эмигрировала в Америку и заработала там достаточно денег, чтобы купить билеты на пароход для остальных членов семьи. Видимо, году в 1912-м все родные Якова эмигрировали в США и обосновались, как большинство евреев, выходцев из России, в Нью-Йорке, в самом густонаселенном, а потому и самом бедном из пяти боро — районов Города большого яблока[7] — Бронксе. (К слову сказать, Бронкс — единственный район Нью-Йорка, расположенный на его материковой части, а не на островах.)

Узнав об этом, Яков и сам перебрался в Америку. После многодневного плавания по Тихому океану он высадился на западном побережье США — в шумном, быстро развивающемся городе Сан-Франциско, иначе — просто Фриско, как называли его матросы, да и местные жители.

Автору не удалось установить, в каком точно году произошло это событие. Скорее всего — в 1911-м. Но это только предположение. Достоверно известно лишь то, что натурализовался Яков Рейзен, то есть получил гражданство США, в 1915 году.

…В порту Сан-Франциско Яков невольно обратил внимание на группу грузчиков, своим внешним видом резко отличавшихся

от всех других: высокорослых, мощных мужиков с окладистыми бородами, одетых в косоворотки. За версту было видно их российское происхождение. Держались они особняком, ели в короткий обеденный перерыв только принесенную с собой пищу. То были русские молокане, выходцы из Сибири.

Царские власти и православное духовенство преследовали их за религиозные убеждения, вступившие в непримиримое противоречие с каноническим православием. Под этим двойным давлением молокане вынуждены были оставить Родину. После долгих скитаний они пересекли океан и в 1902 году обосновались в Сан-Франциско.

Здесь они построили настоящую сибирскую деревню, получившую в городе название Русская Горка. Тут они жили потом многие десятилетия, строго соблюдая свои молоканские традиции и обычаи.

С местными жителями они общались крайне редко, лишь по минимальной житейской необходимости. Политикой и вообще мирскими новостями молокане не интересовались, но позднее, после Февральской и Октябрьской революций, внимательно следили за событиями на Родине, охотно приглашали на свои чаепития редких приезжих из Советского Союза…

В благодатной Калифорнии, едва оправившейся от страшного землетрясения 1906 года, Рейзен испытал все прелести жизни бездомного иммигранта. Первое время ему пришлось от зари до зари работать на сборе и упаковке апельсинов. То было традиционное сезонное занятие тысяч безработных, съезжавшихся сюда на несколько недель со всех концов страны, когда хозяева плантаций испытывали острую нехватку рабочих рук.

Не сразу, но все же Рейзену удалось найти работу по его старой типографской специальности.

К этому времени во многих городах США уже имелись русские клубы. Рейзен вступил в такой клуб, а затем стал одним из инициаторов создания на их основе Организации помощи политическим заключенным в России. (В Нью-Йорке в Русском народном доме — № 133 по 15-й Ист-стрит располагалась Федерация союзов русских рабочих, основанная в 1907 году.)

В 1915 году Яков Рейзен вступил в Американскую социалистическую партию и примкнул к ее левому крылу, ставшему через несколько лет ядром Коммунистической партии Америки. (К слову, при организации Компартии на ее учредительный съезд, как и все последующие, Рейзен избирался делегатом от штата Калифорния.)

Как функционер — организатор левого крыла Социалистической партии, а затем Коммунистической партии

Рейзен работал не только в Сан-Франциско, но и в Чикаго, и в Нью-Йорке, и в Детройте. Его не раз арестовывали и даже избивали в полицейских участках. Однажды в Калифорнии он провел в тюремной камере четыре месяца.

В конце концов по решению руководства Компартии Яков Рейзен окончательно обосновался в Нью-Йорке, огромном мегаполисе, который самый загадочный американский писатель О. Генри называл «Багдадом-над-Подземкой» и «Великим городом мишурного блеска»…

Глава 2

Меж тем уже полыхала Великая — как ее называли, да и по сей день порой называют на Западе Первую мировую — война. Для Америки эта война оказалась источником невероятного по быстроте и масштабам обогащения. Соединенные Штаты стали военным арсеналом для государств Антанты. Страна превратилась в самого крупного экспортера в мире. Ее торговый баланс за три года сражений в Европе вырос с 6,91 миллиона до 3 миллиардов долларов. Задолженность европейских стран Америке достигла колоссальной цифры — почти 10 миллиардов долларов. При этом следует помнить, что речь идет не о нынешних, но о тогдашних золотых долларах!

К весне 1917 года Англия и Франция были истощены, продолжать военные действия им было попросту нечем. Их поражение означало бы безвозвратную утрату американских займов и колоссальное укрепление позиций Германии на мировой политической и экономической арене.

У монополий США было еще одно серьезное основание для беспокойства: под революционным штормом в марте 1917 года (в феврале — по замшелому российскому летоисчислению) рухнула обветшалая трехсотлетняя империя Романовых. Возможный скорый выход России из войны или даже ослабление действий на Восточном фронте грозили Антанте неминуемым развалом. Положение союзников казалось (да и было таковым в действительности) самым мрачным. Посол США в Лондоне Уолтер Х. Пейдж прислал президенту Вудро Вильсону отчаянную телеграмму: «Быть может, наше вступление в войну — единственный способ сохранить наши нынешние выгодные торговые позиции и предотвратить панику». (Характерно, что американские власти скрывали эту секретную, откровенно циничную телеграмму от общественности вплоть дЗ 1936 года.)

2 апреля 1917 года президент Вудро Вильсон сбросил тогу миротворца и обратился к конгрессу с посланием, в котором требовал объявить Германии войну. 4 апреля сенат, а 6 апреля палата представителей приняли резолюции об объявлении войны. Еще через две недели президент подписал закон о введении обязательной воинской повинности.

Урок пошел впрок. С тех пор Соединенные Штаты баснословно наживались на всех военных действиях, какие они только ни вели на протяжении XX века и первых лет уже нового тысячелетия.

Оба брата Якова оказались участниками Великой войны.

Старший из трех братьев — Гарри — еще до войны служил в царской армии в офицерских чинах (или на офицерских должностях). Это означает, что он принял православие. Иудеям, в отличие от мусульман, доступа к офицерским погонам не было. После мировой Гарри довелось участвовать и в Гражданской войне в составе… Белой армии. Прошел вместе с нею весь скорбный путь и уже из Крыма на одном из последних кораблей эвакуировался в Турцию. Прожив некоторое время в Стамбуле, Гарри каким-то образом сумел вступить в английскую армию, уже в ее составе участвовал на Британских островах в нескольких стычках с ирландскими повстанцами. В середине 20-х годов Гарри, наконец, демобилизовался и перебрался в США, в Нью-Йорк, где и поселился в Бронксе неподалеку от других членов семьи.

Младший брат — Луис, скрыв свой возраст (ему исполнилось всего шестнадцать лет), вступил волонтером во французскую армию. Воевал храбро и был удостоен нескольких боевых орденов. После того как США вступили в войну, Луис перешел в один из полков американского экспедиционного корпуса и заслужил уже несколько воинских наград США.

По окончании боевых действий Луис Рейзен ухитрился стать чемпионом американского экспедиционного корпуса по боксу в легком весе.

После войны Луиса каким-то ветром занесло в Китай. В Шанхае он познакомился с русской девушкой Тасей из эмигрантской семьи и женился на ней. (Ее полное имя Дмитрий Голос запамятовал, в равной степени Тася могла быть и Анастасией, и Таисией.)

В дальнейшем, живя в Китае, Луис стал агентом… собственного старшего брата Якова, то есть советской внешней разведки, о чем был прекрасно осведомлен.

Дмитрий Голос хорошо помнит, что его отец до 1936 года по крайней мере один раз выезжал в Китай. Разумеется, не из-за неодолимой страсти к дальним путешествиям…

Отношение Якова Рейзена к войне было резко отрицательным. Запредельная квазипатриотическая пропаганда обоих враждебных лагерей на него решительно никакого воздействия оказать не могла. Война для него была всего лишь схваткой ведущих империалистических держав за политическое и экономическое господство в мире. Роль России в этой драке для него (как и для многих современных историков) оставалась неясной. Никаких серьезных разногласий, территориальных или иных споров между Российской и Германской империями не было. Незначительные взаимные претензии вполне были

разрешаемыми обычным дипломатическим путем. Находящемуся в Америке, наблюдавшему за событиями «со стороны» Якову Рейзену было очевидно, что Россию просто втянули в это побоище ее тогдашние союзники — Англия и особенно Франция, от которой его Родина находилась в сильнейшей финансовой зависимости.

Яков Рейзен тесно сотрудничал с нью-йоркской еженедельной газетой социал-демократов «Новый мир»[8], основанной еще в 1911 году. Газета придерживалась радикально-социалистических взглядов, позднее — большевистских.

В январе 1917 года в редакции газеты появился только что прибывший из Европы русский политэмигрант: среднего роста, средних лет худощавый мужчина с буйной шевелюрой, характерной бородкой клинышком, с пронзительным взглядом ослепительносветлых глаз за стеклышками пенсне.

То был хорошо знакомый Якову по марксистской литературе российский социал-демократ Лев Бронштейн, впрочем, в международных революционных кругах его знали под псевдонимом Троцкий.

В редакции Троцкий присоединился к уже сложившейся небольшой, но весьма энергичной группе политэмигрантов из России. Среди них выделялись эрудицией и способностями Николай Бухарин, Александра Коллонтай, Григорий Чудновский, Вацлав Володарский. Все они после Февральской (Мартовской) революции поспешили вернуться в Россию. Никому из вышеназванных мужчин не суждено было умереть своей смертью. Двадцативосьмилетний Григорий Чудновский погиб в феврале 1918 года, командуя отрядом красногвардейцев в бою против войск Центральной рады. Вацлава Володарского — комиссара по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда — летом того же 1918 года застрелит эсер-боевик.

Николая Бухарина после инсценировки одного из печально знаменитых Московских процессов расстреляют в подвале Военной коллегии Верховного суда СССР в марте 1938 года.

Льва Троцкого по приказу ненавидевшего его Иосифа Сталина зарубит ледорубом 20 августа 1940 года в мексиканской столице агент НКВД Рамон Меркадер…

Яков Рейзен побывал на нескольких встречах в редакции с участием Троцкого. Запомнилась его едкая и очень точная характеристика лидера тогдашних американских социалистов Морриса Хиллквита[9]. Троцкий назвал его идеальным социалистическим вождем преуспевающих зубных врачей. Запомнилось еще одно высказывание Троцкого — тот на основании цифр ошеломляющего роста американского экспорта в

страны Антанты предсказал неизбежное вступление США в войну и их решающую роль в мировой политике.

Троцкому, как человеку со стороны, подготовка Америки к вступлению в войну была очевидна. Во всех восточных портах и на вокзалах страны сосредоточились настоящие горы военной техники и снаряжения. Правые социалисты, чьим рупором и был вышеупомянутый Хиллквит, на каждом углу кричали о безусловных (кто ж будет спорить!) преимуществах мира перед войной. Но, заканчивая пламенные речи, стыдливо добавляли, что войну все же следует поддержать, если она… станет необходимой. И Троцкий снова ядовито подметил, что, как известно, война для пацифистов является врагом только… в мирное время.

В марте 1919 года в Москве состоялся учредительный съезд Коммунистического Интернационала (в литературе встречаются наименования Коминтерн и 111 Интернационал). К участию в его работе были приглашены тридцать девять левых партий различных стран мира. От США на конгрессе присутствовал представитель Социалистической рабочей партии, выходец из России Борис Рейнштейн. Следствием создания Коминтерна стало образование через несколько месяцев Коммунистической партии США, точнее — даже двух коммунистических партий!

Это произошло из-за того, что в Социалистической партии под прямым влиянием Октябрьской революции в России выкристаллизовалось левое крыло с двумя центрами: в Нью-Йорке и Кливленде. В первом ведущей фигурой стал вернувшийся из России знаменитый журналист Джон Рид, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир».

В июне в Нью-Йорке состоялась общенациональная конференция левого крыла. Все ее девяносто четыре делегата единодушно проголосовали за необходимость создания в стране подлинно революционной (в отличие от пронизанной духом оппортунизма Социалистической) рабочей партии. Однако между двумя группировками возникли разногласия тактического характера.

1 сентября 1919 года в Чикаго оформилась организационно Коммунистическая партия США во главе с Чарльзом Рутенбергом.

На следующий день также в Чикаго, но в другом помещении после доклада Джона Рида восемьдесят один делегат от двадцати одного штата провозгласил образование Коммунистической Рабочей партии Америки.

Потребовались месяцы жестокой классовой борьбы, неслыханных для США по размаху забастовок, беспощадных полицейских преследований, чтобы руководители обеих партий

поняли, сколь пагубны для рабочего движения их разногласия, сколь жизненно важно объединение.

Председатель Национального комитета Компартии США в 30-50-е годы Уильям З. Фостер писал впоследствии: «Коммунистическая партия США… образовалась в период Первой мировой войны и социалистической революции в России. У нее за плечами лежал долгий период деятельности внутри социалистической партии в качестве ее левого крыла. Дважды за это время — в 1909 и 1912 годах — левое крыло откалывалось от партии. Борьба между левым крылом, возглавлявшимся Чарльзом Е. Рутенбергом, и правым, которым руководил Моррис Хилквит, достигла своего апогея в 1917 году, когда США вступили в войну. Окончательный раскол произошел в сентябре 1919 года в Чикаго, когда правое крыло предприняло отчаянную попытку удержать в своих руках весь аппарат партии, исключив из нее левое большинство. Из трех виднейших социалистических деятелей того времени Юджин В. Дебс остался в рядах социалистической партии, Даниэль де-Леон — в старой социалистической рабочей партии, а Уильям Д. Хейвуд, руководитель знаменитой Западной федерации горняков, стал членом коммунистической партии. Коммунистическое движение возникло в форме двух самостоятельных партий — коммунистической партии и коммунистической рабочей партии, причем жестокие преследования реакции вынудили и ту и другую уйти в подполье. В 1920 году обе коммунистические партии вошли в контакт и в декабре 1921 года вместе с другими левыми марксистскими группами объединились в Рабочую партию, которая впоследствии вновь стала называться Коммунистической партией»[10].

Тут необходимо сделать некоторые уточнения. Дело в том, что фактическое объединение двух компартий произошло еще в мае 1921 года. Но единая Компартия тут же оказалась на нелегальном положении. Чтобы выйти из положения и как-то легализоваться, Компартия и влилась во вполне легальную Рабочую партию Америки, признававшую программу Коммунистического Интернационала. В 1924 году Рабочая партия Америки была переименована в Рабочую (Коммунистическую) партию Америки, а в 1930-м — в Коммунистическую партию США.

Первым национальным секретарем Компартии был Чарльз Рутенберг[11]. Первым американцем — членом Исполкома Коминтерна — Джон Рид[12].

Яков Рейзен был активным участником всех этих событий и с самого начала входил в руководящее ядро Компартии. Во всех членских билетах в графе «партийный стаж» у него проставлено:

«charter member», то есть «член-основатель».

Уже в ноябре 1919 — январе 1920 года на коммунистов обрушились так называемые палмеровские рейды — проведенные по инициативе, как явствует из определения, министра юстиции (а в США министр юстиции является одновременно генеральным прокурором) Митчелла Арнольда Палмера. Именно он первым выбросил панический лозунг «Огромная красная опасность!» Под его непосредственным руководством были проведены в семидесяти городах США «чистки» Америки от коммунистов и анархистов. В одном только Нью-Йорке было арестовано около двух тысяч «радикалов».

По малейшему подозрению в симпатиях к коммунизму, анархизму или Советской России людей без всякого ордера на арест отправляли за решетку. По личному распоряжению Палмера из страны было депортировано семьсот человек, не успевших оформить американское гражданство. Что же касается американских граждан, то некоторые из них были приговорены «за подрывную деятельность» к тюремному заключению сроком иногда до четырнадцати лет! При этом многие документы, представленные судьям, были сфальсифицированы полицией, широко использовались и показания лжесвидетелей.

Министр Палмер добился, чтобы конгресс США выделил огромную по тем временам сумму — 500 тысяч долларов — для создания в министерстве юстиции отдела по наблюдению за «радикалами» во главе с двадцатипятилетним Джоном Эдгаром Гувером. Сильный администратор и фанатичный реакционер, менее чем за год Гувер собрал почти полмиллиона (!) досье на наиболее известных американских «анархистов», «красных», «радикалов» и просто либералов. На самом деле такого количества настоящих левых в США никогда не насчитывалось.

В лучшие годы численность Компартии США не превышала 100 тысяч человек. Правда, при всей своей малочисленности — в среднем 20–30 тысяч зарегистрированных членов — к коммунистам испытывали определенную симпатию многие либерально настроенные американцы: профессура, литераторы, журналисты, актеры, вообще представители творческой интеллигенции. Примечательно, что известный писатель Теодор Драйзер вступил в Компартию незадолго до своей смерти — в 1945 году.

Ближайшими друзьями и единомышленниками Якова Рейзена (уже известного и под фамилией Голос) в Нью-Йорке стали, естественно, выходцы из России. Как правило, все они были личностями неординарными.

Арнольд Финкельберг был настоящим земляком Голоса —

уроженцем Екатеринослава, к тому же — также типографским рабочим по специальности, правда, на семь лет старше[13]. Он родился в 1882 году в семье извозчика и поварихи. В начальной школе ему довелось проучиться только до двенадцати лет, потом пришлось идти работать, чтобы помочь семье. Отдали Арнольда в ученики в переплетную мастерскую. Со временем он достиг в этой профессии наивысшей квалификации. Ему доверяли переплетать в кожу, сафьян, бархат дорогие, штучные экземпляры Библии. Таких мастеров так и называли — «библейский переплетчик». Переплетая книги, юный Арнольд, будучи человеком любознательным, взял за правило читать их. В итоге приобрел обширные знания в самых разных областях, ну и, разумеется, осилил изрядное число произведений русской и мировой классики.

В возрасте шестнадцати лет Арнольд присоединился в Екатери-нославе к социал-демократической организации. Его партийная работа заключалась в печатании и распространении нелегальных прокламаций. Под угрозой ареста ему пришлось уехать в Николаев, а затем в Одессу. Здесь он проработал полтора года, после чего вернулся в родной город. Участвовал в забастовках, в первомайской демонстрации 1902 года возглавил группу печатников.

В 1903 году Финкельберга призвали в армию. Пятнадцать месяцев он прослужил в минном батальоне, где активно занимался социал-демократической пропагандой среди солдат и унтер-офицеров. Тут над ним нависла угроза уже не только ареста, но и каторжных работ. Удивительный факт: о предстоящем аресте солдата предупредил… его ротный командир — поручик Тичко. И не только предупредил, но и помог дезертировать!

В этой ситуации Финкельбергу ничего другого не оставалось, как нелегально эмигрировать в Швейцарию, в Берн. Тогда уже — в период «Искры» — он был членом объединенной группы социал-демократов. После ее распада примкнул к большевикам. В эмиграции он познакомился с видными социал-демократами: Владимиром Ульяновым-Лениным, его женой Надеждой Крупской, Анатолием Луначарским, Григорием Зиновьевым.

В 1905 году Арнольд женился на Софии Найер, портнихе, которую знал еще по Екатеринославу. Она уехала из России после отбытия срока тюремного заключения. Здесь, в Берне, у Финкельбергов родилось двое детей: дочь Лена-Минна и сын Джозеф.

В конце 1908 года семья перебралась в Америку, где Арнольд вступил в Социалистическую партию, в ней стал секретарем

русской секции, стоявшей на большевистских позициях. После Февральской революции в России эта секция фактически захватила редакцию вышеназванной газеты «Новый мир», она же активно участвовала в образовании Рабочей Коммунистической партии. Финкель-берг был в числе ее членов-основателей, одновременно он работал в профсоюзе переплетчиков. В профсоюзах он был известен под фамилией Арнополь. Со временем предприниматели раскрыли его псевдоним, внесли в «черные списки» и выкинули с работы. И в России и в США он неоднократно подвергался арестам, несколько раз в полицейских участках обеих стран был жестоко избит.

Впоследствии Финкельбергу как профессиональному партийному работнику по линии Коминтерна пришлось сменить множество псевдонимов, наиболее известными стали: Алекс, Барон, Орлов…

Жил Арнольд по соседству с Рейзенами — в Бронксе, на Лонг-фелло-авеню, в четырехкомнатной квартирке. Комнатки, правда, были малюсенькие, а между тем в Нью-Йорке у Финкельбергов родились еще двое сыновей — Теодор и Лео.

Теодор, блестящий и многообещающий спортсмен, трагически погиб в двадцать лет. Дочь Минна была членом комсомола и Компартии, сыновья Джозеф и Лео — сочувствующими коммунистическим идеям, активистами Рабочего спортивного союза, входившего в Спортивный Интернационал.

Арнольд Финкельберг, кроме родных русского и идиша, владел английским, немецким и французским языками. В 1921 году он нелегально под фамилией Орлов посетил Москву в качестве делегата Коминтерна в связи с предстоящим объединением Коммунистической и Коммунистической Рабочей партий США. Впоследствии он, также будучи членом-основателем, неоднократно избирался в состав Центральной контрольной комиссии Компартии США.

Еще одним близким другом Рейзена стал также выходец из России, швед по национальности тридцатипятилетний Артур Александрович Адамс. Только в наши дни Отечество воздало должное этому человеку, посмертно присвоив полковнику А. А. Адамсу в 1999 году звание Героя Российской Федерации.

Биографии Адамса, без преувеличения, хватило бы на несколько неординарных личностей с избытком. Он родился в Швеции, отец был инженером, мать — учительницей из Петербурга. В пятилетием возрасте Артур потерял отца, в одиннадцать — мать. Старшие братья Георгий и Бернард уехали из России на Запад (куда семья перебралась к родственникам

после смерти мужа), больше братья никогда не виделись.

Артура взял на воспитание друг семьи инженер Василий Винтер, отец известного советского энергетика, академика АН СССР Александра Винтера[14].

Инженер В. Винтер устроил своего воспитанника в школу при Минных классах Балтийского флота в Кронштадте. В 1903 году Артур окончил эту школу и получил свидетельство регулировщика минных приборов. Руководители школы, разумеется, не знали, что за время обучения Артур Адамс вступил в кружок, организованный городским комитетом РСДРП, изучал марксистскую литературу, распространял революционные прокламации.

Адамс работал в Николаеве и Херсоне, несколько раз подвергался арестам, был в конце концов сослан в Олонецкую губернию. Из ссылки бежал и приехал в Петербург в 1906 году. Друзья посоветовали ему как можно скорее покинуть Россию и помогли достать заграничный паспорт на имя одного из знакомых — Бориса Тимченко. В 1906 году Адамс прибыл в Германию, ставший ненужным паспорт уничтожил и оформил на основании уже законных документов шведское подданство. Какое-то время он работал в Германии, затем в Италии — в составе бригады монтажников выезжал в Египет. В этих командировках он зарекомендовал себя хорошим специалистом и был послан уже совсем далеко — в Аргентину как монтажник по сборке контрольно-измерительной аппаратуры электростанции, построенной в окрестностях Буэнос-Айреса. Здесь он стал членом русского клуба «Авангард» и местной организации Социал-демократической партии.

Эта активность кончилась для него плохо. 1 мая 1907 года Адамс принял участие в демонстрации, которая завершилась стычкой с полицией, а затем и в забастовке. Был арестован, вскоре освобожден, но попал на заметку как смутьян-иностранец.

Через несколько дней начальник полиции столицы был убит анархистами. Реакция властей была мгновенной и жесткой. В городе начались облавы, рабочие клубы закрывались. Посетители русского клуба «Авангард», в том числе Адамс, были арестованы и загнаны в трюм голландского торгового судна, следовавшего в Амстердам. В голландском порту, однако, узников принять отказались, капитану было велено вернуть живой груз обратно в Аргентину. В результате русским рабочим пришлось провести в трюмах несколько месяцев. В конце концов трюмных пассажиров посадили на итальянский пароход, следующий в Геную. В уругвайском порту Монтевидео, куда пароход зашел для принятия на борт дополнительных грузов, Адамсу удалось

бежать. Он сумел вернуться в Аргентину, с помощью друзей забрал свои документы и даже получил с фирмы, на которую работал, причитающиеся ему деньги.

В 1908 году Артур Адамс прибыл в США. Некоторое время он работал на судоверфи в городе Куинси (штат Массачусетс), затем перебрался в Нью-Йорк и устроился на завод, производивший электрооборудование. Что ни говори, но случай — счастливый или несчастный — играет в нашей земной жизни роль немалую, иногда — решающую. Случайно Адамс узнал, что его однокашник по Минным классам в Кронштадте работает в Канаде, в Торонто, в тамошнем университете.

С его помощью Адамс перебрался в Канаду, поступил на инженерно-механический факультет университета, одновременно работал слесарем-инструменталыциком на автомобильном заводе. В 1912 году Адамс подал заявление в службу иммиграции и натурализации и получил паспорт подданного Канады, тогда доминиона Британской империи. Окончив университет и получив диплом ин-женера-механика, Адамс перебрался в США и стал работать (уже как инженер) на одном из автомобильных предприятий Генри Форда.

В 1916 году Артур Адамс был призван на службу в американскую армию и направлен на курсы подготовки офицеров национального резерва. По окончании курсов ему было сразу присвоено звание капитана, а затем и майора.

Всех троих — Рейзена, Финкельберга и Адамса (а также еще нескольких человек, как выходцев из России, так и коренных американцев) — привлек к общему делу очень неординарный человек. Звали его Людвиг Карлович Мартенс, видный участник революционного движения в России. Ныне Мартенс, к сожалению, фигура почти забытая.

Он родился в 1875 году в Бахмуте, в буржуазной немецкой, но совершенно обрусевшей семье. Получил великолепное образование в Петербургском технологическом институте, где вступил в студенческий марксистский кружок, а в 1895 году — уже и в ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего классам. (Позднее партийный стаж Мартенсу зачли с 1893 года.)

В 1896 году Мартенс был арестован, по отбытии трехлетнего заключения выслан на «историческую родину» — в Германию. Здесь он вступил в Социал-демократическую партию Германии, проработал в ней несколько лет, затем эмигрировал в Англию, а позднее, в ходе Первой мировой войны, — в Соединенные Штаты Америки.

В Америке Мартенсу, уже известному инженеру, вдруг пришлось заняться делом, ранее для него неведомым:

дипломатией! Причем на основе, с одной стороны (российской), вроде бы официальной, а с другой (американской) — полулегальной! Такой вот парадокс, ранее в международных отношениях места не имевший.

Российское посольство в Вашингтоне располагалось на 16-й улице, 1125, в трех кварталах от Белого дома. Этот великолепный четырехэтажный особняк был построен по проекту архитектора Натана Уайта в начале XX века вдовой магната спальных вагонов Джорджа М. Пульмана (эти спальные вагоны для дальнего сообщения кое-где по сей день называют пульмановскими). После гибели дочери в 1912 году на «Титанике» миллионерша продала особняк. Его приобрело под свое посольство еще царское правительство.

После Февральской революции в особняке обосновался посол Временного правительства Российской Республики, крупный специалист в области гидродинамики профессор Борис Александрович Бахметьев. Занятно, что последний посол Российской империи в США носил фамилию… Бахметев! Без мягкого знака…

Посол Бахметьев категорически отказывался признать советскую власть, в чем нашел полную поддержку правительства США. Бахметьев фактически оказался абсолютно бесконтрольным и распоряжался, как хотел, огромными суммами, имевшимися в его распоряжении. Советская разведка еще при жизни Пред совнаркома Владимира Ленина установила, что со счета посольства неизвестно каким образом испарились 187 миллионов долларов! К тому же профессор гидродинамики исхитрился продать пять российских кораблей, интернированных в американских портах[15]. Бахметьев навязчиво советовал правительству США вывезти из Сибири так называемое золото Колчака и передать его в распоряжение — ну конечно же! — ему как послу для финансирования вооруженной борьбы с Советами. Надо отдать должное адмиралу Колчаку — он заявил, что сие золото принадлежит России и в ней останется, лучше уж в руках большевиков, нежели неизвестно в чьих за океаном…

В марте 1919 года Председатель Совнаркома Владимир Ильич Ленин назначил Людвига Карловича Мартенса, которого хорошо знал лично еще со времен петербургского «Союза борьбы», официальным представителем Советского правительства в САСШ (тогда у нас было принято такое наименование этой страны — Северо-Американские Соединенные Штаты, дабы отличать ее от Мексики, официальное наименование которой — Мексиканские Соединенные Штаты).

Американская администрация, не признававшая РСФСР (а

затем и СССР) более пятнадцати лет, естественно, не признала и полномочий Мартенса как представителя Москвы, однако до поры до времени закрывала глаза на его неофициальную деятельность, поскольку вынуждена была считаться с интересами большого бизнеса, который вовсе не желал прерывать все дела с огромным российским рынком[16].

У Мартенса были обширные знакомства в левых кругах Социалистической партии, он стал своим человеком и в редакции «Нового мира». Будучи уже известным инженером, Мартенс в различных экспортно-импортных фирмах представлял интересы крупной российской сталелитейной компании, благодаря чему установил тесные деловые и личные связи в определенных деловых кругах Америки.

Оба эти обстоятельства, надо полагать, и учел В. И. Ленин, назначив Л. К. Мартенса полномочным представителем РСФСР в Соединенных Штатах.

Мартенс прекрасно понимал, что государственный секретарь США Роберт Лансинг наверняка не признает его полномочий, а потому еще в январе 1919 года, то есть за два месяца до своего официального назначения на этот пост, создал в Нью-Йорке Русское информационное бюро и потребовал от «посла» Бахметьева передать ему всю российскую собственность в США, включая здание посольства, денежные фонды, архивы и прочее имущество. Разумеется, получил категорический отказ.

Тем не менее Бюро Мартенса просуществовало почти два года и способствовало определенному прорыву экономической и политической блокады вокруг Советской России (позднее — СССР), установлению торговых и культурных отношений нашей страны с Соединенными Штатами.

При Бюро был образован Технический отдел, который занимался сбором различной научной, технической информации, а также регистрировал американских рабочих и инженеров, готовых отправиться в Советскую Россию для оказания ей помощи своими знаниями и опытом. Работу в Техническом отделе Мартенс поручил Адамсу. По некоторым данным, в Техотделе было зарегистрировано около 20 тысяч потенциальных добровольцев, готовых в любой момент отправиться в Россию.

Один старый советский разведчик, работавший в Нью-Йорке в конце 20-х годов, рассказывал автору, что именно Мартенс заложил в США базу, своего рода обработал почву для создания в будущем нашей разведывательной сети. (Он даже называл полушутливо Мартенса «Абелем номер один», полагая «Абелем номер два» Якова Рейзена-Голоса и «Абелем номер три» Вильяма Фишера…)

Бюро Мартенса регулярно поставляло Наркомату иностранных дел информацию о политической ситуации в стране, о внешней политике администрации президента Вильсона, а также выполняло функции пропагандистского центра Советского правительства. С этой целью оно издавало еженедельник «Советская Россия» (это русское название). Деньги на издание предоставлял в распоряжение Мартенса знаменитый миллионер, финансовый советник Бюро Джулиус Хаммер. Последний, в свою очередь, зарабатывал их на подпольной продаже поставляемых контрабандным путем из Советской России драгоценных камней и произведений искусства из московских и петроградских музеев и Гохрана (Государственного хранилища драгоценностей), в том числе конфискованных у бывшей знати, фабрикантов, купцов и т. п. Сегодня никто достоверно не может сказать, какую часть выручки получало Бюро, а какую оставлял себе за сомнительное посредничество «близкий друг Ленина» Джулиус Хаммер…

В мае 1919 года на основе Техотдела было создано «Общество Технической Помощи Советской России Соединенных Штатов и Канады» (ОТПСР). Позднее оно стало именоваться «Обществом Технической Помощи Соединенных Штатов и Канады Союзу Советских Социалистических Республик».

Центральное бюро Общества первоначально располагалось на Манхэттене, 110, на Западной 40-й улице, а позже на Бродвее, 799, угол с 11-й улицей.

В 1922 году ОТПСР имело отделения в пятидесяти восьми городах, только в Нью-Йорке насчитывалось 2 тысячи его членов. По негласной рекомендации Компартии секретарем-председателем Центрального бюро ОТПСР был назначен Яков Голос, секретарем — Арнольд Финкельберг. Оба назначения были также согласованы в Москве с Комиссией по реэмиграции и иммиграции при Совете Труда и Обороны[17].

Цели общества были сформулированы следующим образом: «а) Регистрация и организация всех технических, индустриальных и профессиональных сил в Америке, желающих отправиться в Советскую Россию с целью помочь Российской Социалистической Федеративной Советской Республике в переустройстве ее на началах Коммунистического Социализма.

б) Подготовка этих сил с целью наилучшего использования их в Советской России».

Особый пункт гласил: «Лица, выступавшие и выступающие против Советской России, не могут быть членами О. Т. П. — С. Р.».

Только к сентябрю 1921 года в Россию из США прибыло свыше 10 тысяч реэмигрантов. За последующий год Общество

направило в Россию еще семь сельскохозяйственных коммун, две строительные и одну шахтерскую коммуны, а также несколько групп высококвалифицированных рабочих и специалистов, которые привезли с собой оборудования, семян и продовольствия на полмиллиона тогдашних золотых долларов. Реэмигранты уже тогда образовали четырнадцать образцовых коммун и артелей. Американские рабочие и инженеры создали Первый Московский электромеханический завод, Московский инструментальный завод, Московскую швейную фабрику № 36 имени III Интернационала и т. д.

11 августа 1921 года В. И. Ленин направил Обществу телеграмму с благодарностью за направление специалистов в Россию, 20 октября 1922 года — письмо с благодарностью за помощь, оказанную американским тракторным отрядом образцовому хозяйству «Тол-кино» в Пермской губернии.

Сохранилось два примечательных документа, относящихся, по-видимому, к 1923 году и подписанных Яковом Голосом и Арнольдом Финкельбергом.

Первый — это приветствие Советской России: «Мы, делегаты второго Съезда ОТПСР, собравшиеся из разных концов Соединенных Штатов и Канады, через Совет Народных Комиссаров, горячо приветствуем первую в мире рабоче-крестьянскую республику, в ее героической борьбе за свободу и счастье угнетенных и эксплуатируемых всего мира, обещаем полную поддержку».

Второй документ — приветственная телеграмма больному В. И. Ленину: «Мы, делегаты 2-го Съезда ОТПСР Соед. Штатов и Канады, приветствуем Тебя, товарищ Владимир Ильич Ленин, глубоко сожалея о Твоей болезни, надеемся снова видеть Тебя, дорогой учитель, вполне здоровым и руководящим Всемирным Рабочим Движением».

…В декабре 1920 года американские власти закрыли Русское информационное бюро[18], а 22 января 1921 года выслали из страны и самого Мартенса. Вместе с ним вернулся на Родину и Адамс.

В Москве Л. К. Мартенс целиком посвятил себя активной научной, хозяйственной и изобретательской деятельности. Он был членом Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) и председателем одного из его важнейших подразделений — Главметалла, затем председателем Комитета по делам изобретений ВСНХ, многолетним директором Научно-исследовательского дизельного института, главным редактором советской «Технической энциклопедии». Скончался доктор технических наук Л. К. Мартенс в 1948 году.

Артур Александрович Адамс, вернувшись в Москву, с 1921 по 1923 год работал директором Московского автомобильного завода АМО (впоследствии Завод имени Сталина — ЗиС, ныне Завод имени Лихачева — ЗиЛ). К середине 1921 года на завод приехали 123 американца, которые привезли с собой большое количество современного оборудования, приспособлений и инструментов, закупленных на собственные деньги. Почти все они ранее работали на автомобильных заводах Форда и обладали значительным опытом. С их помощью Адамсу удалось поднять предприятие из руин, наладить ремонт военных автомашин, внедрить методы массового производства автомобилей. Из ворот завода выкатились своим ходом первые, вполне современные машины системы «Уайт».

Случайно Артур Александрович Адамс познакомился с Яном Карловичем Берзиным, одним из руководителей советской военной разведки. Берзин заехал на завод, чтобы устранить какую-то мелкую неисправность в своем служебном автомобиле. Знакомство продолжилось…

К сожалению, вскоре на АМО началась, как тогда выражались, «буза». Советским рабочим, в большинстве недавним выходцам из деревень, не понравилось работать так, как работали «американцы» (к слову, в большинстве российского происхождения). То есть без прогулов, без опозданий, без бесконечных перекуров… Посыпались жалобы, началась форменная антиамериканская кампания, «своих» поддержала даже печать. Многие американцы, не выдержав нападок, либо перешли на другие предприятия, либо вернулись в Америку…

Ушел с завода («не сложились отношения с коллективом» — такая была предложена вежливая формулировочка) и директор Адамс. Его перевели в планово-технический отдел Центрального управления государственными автомобильными заводами, позднее он работал на руководящих должностях в ВСНХ СССР и Авиатресте. Некоторое время Адамс в Ленинграде работает главным инженером завода «Большевик», затем возвращается в Москву — членом коллегии Главного управления авиационной промышленности СССР. Современному читателю следует знать, что все вышеназванные должности, занимаемые Адамсом, были, как тогда говорили, номенклатурными. Это означало, что назначение на них обязательно согласовывалось с партийными органами, вплоть до Центрального Комитета ВКП(б), даже если кандидат в назначенцы был беспартийным.

В 1934 году Ян Берзин, тогда уже начальник Разведывательного управления РККА, предложил пятидесятилетнему (!) Артуру Адамсу стать сотрудником военной

разведки, которая остро нуждалась в разведчике с большим и разносторонним инженерным образованием и опытом. Таких тогда в СССР были единицы[19]. Неожиданно для жены — Доротеи Леонтьевны — Артур Александрович согласился. Переход состоялся, хотя после прохождения тщательного медицинского обследования в Центральном клиническом госпитале Наркомата обороны СССР в его карте появилась и такая запись: «Нуждается в систематическом врачебном наблюдении и лечении».

Короткой специальной подготовкой «молодого» разведчика лично руководил заместитель Разведупра, корпусный комиссар, легендарный Артур Христианович Артузов. В конце 1935 года Адамс, отныне «Ахилл», убыл в США для ведения там научно-технической разведки в интересах военного ведомства и оборонной промышленности.

Перед отбытием Адамс, знающий себе цену и занимавший в Главном управлении авиационной промышленности по сегодняшним меркам генеральскую должность, оговорил, что подчиняться он будет только лично начальнику Разведупра Красной армии комкору Семену Урицкому и его заместителю корпусному комиссару Артуру Артузову[20].

Это право — обращаться, даже находясь «в поле», лично к руководителю военной разведки, минуя все промежуточные начальственные этажи, — сохранилось за Адамсом все примерно пятнадцать лет его разведывательной работы.[21]

Глава 3

Другого подобного учреждения во всемирной истории международных отношений, внешней торговли и… разведки ранее никогда не было и уж точно больше не будет. Потому как возникло оно и просуществовало много лет по причине исключительно своеобразных отношений между двумя великими державами Старого и Нового Света в 20-30-е годы. Название этого учреждения — «Ам-торг». Если официально, то Amtorg Trading Corporation.

Долгое отсутствие дипломатического признания Советского Союза Соединенными Штатами делало невозможным ни повседневный политический диалог двух правительств, ни прямую взаимовыгодную торговлю, ни просто обычные человеческие отношения между гражданами, частные и деловые поездки заинтересованных лиц и т. п.

Выход нашел и убедительно оный обосновал советскому руководству все тот же Людвиг Мартенс, ему, в свою очередь, активно помогли в этом известный финский социалист Сантери Нуортева и юрисконсульт «Бюро Мартенса» видный нью-йоркский адвокат Джо Бродский. Внимательно изучив американское законодательство, они и сформулировали нужное решение: требовалось создать и спокойно зарегистрировать официально смешанное торговое предприятие.

Как всегда, почуяв очередную возможность хорошо заработать и, к тому же, закрепить в глазах советского руководства репутацию «доброго американского дядюшки», поспешил Джулиус Хаммер. В создании подобного предприятия оказались заинтересованы многие серьезные американские бизнесмены, в том числе и гораздо более богатые и влиятельные, нежели отец и сын Хаммеры. Понимали необходимость урегулирования каких-то отношений (пусть и не на официальной пока основе) и некоторые дальновидные лица в правящих эшелонах Америки. Эти люди прекрасно сознавали, что такая огромная страна, как СССР, занимающая одну шестую часть земной суши, располагающая фантастическими природными богатствами, является поистине бездонным рынком для американских товаров, а также выгоднейшим полем для вложения инвестиций в промышленность, горное дело, сельское хозяйство, транспорт.

С учетом взаимных обоюдных интересов 27 мая 1924 года в Нью-Йорке было образовано советско-американское акционерное общество «Амторг». Зарегистрирован «Амторг» был согласно

законам штата Нью-Йорк, что позволило избежать прямого или косвенного противодействия Белого дома или Госдепартамента.

Основными держателями акций «Амторга» являлись советские Внешторгбанк и Центросоюз на основе двух относительно небольших и контролируемых Москвой торговых компаний. При этом «Амторг» унаследовал банковские кредитные атрибуты, арендные и прочие договоры и контракты, а также частично и штат квалифицированных сотрудников от корпорации «Аламерико», принадлежавшей Джулиусу и Арманду Хаммерам. Старший Хаммер, будучи выходцем из России, всегда оставался жестким американским предпринимателем. Российское происхождение позволило ему рассчитать всю выгоду «деловой и взаимовыгодной дружбы» с Советским Союзом раньше других американских финансовых воротил. При этом термин «взаимовыгодной» Хаммер понимал весьма своеобразно. Первая часть этого слова для него была всего лишь вежливой приставкой. Тем не менее «дружба» с Хаммером для СССР также была выгодной уже потому, что предоставляла тогда единственную возможность прорыва политической и экономической блокады, проводимой Белым домом.

На долгие годы «Амторг» стал главной закупочной и вообще торговой организацией СССР в США. Только в 1929–1930 годах через него продали свои товары, станки, различное оборудование и т. п. 1700 американских компаний и фирм на сумму 94,5 миллиона долларов.

Известный американский советолог Дэвид Даллин впоследствии писал: «…“Амторг” был настоящим предприятием, а не просто прикрытием, его торговые операции стали источником его силы и влияния. В некоторые годы его оборот достигал сотен миллионов долларов. Многие американские промышленные, финансовые и торговые интересы зависели от стабильности и процветания этого советского предприятия. Тот факт, что “Амторг” был и в самом деле прибыльным торговым предприятием, делал его вдвойне ценным в качестве прикрытия для операций советской разведки…»[22]

Организационно «Амторг» состоял из двух основных управлений: Импортного (занимавшегося импортом из СССР) и Экспортного (занимавшегося экспортом из США товаров и оборудования). О размахе деятельности последнего говорит уже один только перечень его специализированных отделов: Автомобильный, Авиационный, Военный, Горностроительный, Металлургический, Нефтяной, Станочный, Слабых токов и Лабораторного оборудования и т. д. Позднее было создано и Сельскохозяйственное управление.

Управления и отделы «Амторга» размещались в Нью-Йорке, на Манхэттене по нескольким адресам: в массивном здании на углу Мэдисон-авеню и Западной 37-й улицы, с начищенными латунными вывесками и настенной мозаикой в высоком холле, помещении 1707 на Бродвее, 163, и др. Посещало их без малейшего контроля со стороны властей (во всяком случае, первые лет десять) ежедневно множество людей, в том числе — не только по торговым делам…

Авторитет «Амторга» в глазах американцев подкрепляло и то обстоятельство, что его финансовым консультантом и банкиром был один из крупнейших банков США, да и мира — «Чейз Нэшнл Бэнк» — Chase National Bank.

Так уж вышло, что «Амторг» с самого начала неофициально в определенной степени заменял нормальные дипломатические представительства, его руководители негласно или полугласно поддерживали отношения, вернее, решали какие-то конкретные задачи с представителями администрации, а также властями штата и города Нью-Йорк.

Это оказалось настолько удобно для обеих сторон, что «Амторг» в этом качестве продолжал функционировать много лет, и после того, как США и СССР установили нормальные дипломатические отношения, в Вашингтоне обосновались полпредство[23] и торгпредство СССР, в Вашингтоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Филадельфии, Лос-Анджелесе, Бостоне — генеральные консульства. (Свое существование «Амторг» тихо прекратил лишь в 1993 году!)

В «Амторге» работало несколько сотен сотрудников, большинство из них были американцами, однако многие десятки — советскими гражданами: экспертами, консультантами, стажерами, представляющими многие наркоматы, главки, тресты, синдикаты и прочие ведомства.

Среди американских сотрудников «Амторга» — к 1930 году их насчитывалось свыше трехсот — было много российских иммигрантов с дореволюционных времен, получивших американское гражданство, в том числе коммунистов и «сочувствующих».

Сегодня можно спокойно констатировать, поскольку это давно ни для кого не является секретом, что многие советские работники «Амторга» были кадровыми сотрудниками Иностранного отдела ОГПУ/НКВД СССР и Разведывательного управления Красной армии. Подбор этих людей — дело непростое, поскольку они должны были быть способными выполнять не только разведывательные, но и свои служебные «гражданские» обязанности, следовательно, быть специалистами

и в сферах внешней торговли, и в различных областях промышленности и техники.

Сколько в «Амторге» на постоянной основе на протяжении многих десятилетий работало кадровых советских разведчиков всех ведомств, тем более их агентов-американцев, сегодня подсчитать невозможно. Великое множество. К тому же в краткосрочные командировки в «Амторг» из СССР приезжало в некоторые годы до двух тысяч человек. Среди них, разумеется, были и кадровые разведчики, и выполнявшие, по сути дела, те же функции военные и привлеченные гражданские специалисты.

Отсутствие в США института внутренних паспортов (таковой заменял любой документ, чаще всего — водительские права) и института прописки позволяло советским сотрудникам, в том числе и разведчикам, совершенно свободно перемещаться по всей территории США и бесконтрольно, по крайней мере до середины 30-х годов, встречаться с кем угодно, когда угодно и где угодно. Подозрения, скажем, у полисменов плохое владение английским языком не вызывало. США были страной иммигрантов, и многие их граждане в первом поколении говорили по-английски еле-еле, в лучшем случае — с иностранным акцентом.

В 20-40-е годы в штате «Амторга» на различных должностях состояли кадровые военные разведчики — Артак Вартанян, Федор Левинзон (Александров), Д. Паукер, Андрей Петров, Павел Смоленцев, Д. Угер, Александр Фрадкин, Мойша Стерн (в 1930–1931 годах — нелегальный резидент в США под именем Марк Зиль-берт, в СССР стал известен как Манфред Штерн) и др.

От ИНО ОГПУ/НКВД в «Амторге» по несколько лет работали Владимир Асатуров, Илья Герценберг, Л. Гершевич, С. Гусев, Григорий Графпен (управляющий делами, позднее директор), Кирилл Гладков (отец автора данной книги. — Лрмм. ред.), Б. Дэлгесс (вице-президент корпорации), Лидия Горская, Петр Золотусский (отец видного писателя и литературоведа Игоря Золотусского), Федор Зявкин (директор), К. Ламбкин, Виктор Лягин (погиб, выполняя разведзадание в германском тылу, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза), А. Нейман, Станислав Чацкий, Гайк Овакимян («Геннадий»), Семен Семенов («Твен») и многие другие.

«Гостями» «Амторга» в разные годы бывали и крупные военачальники, и ведущие конструкторы техники так называемого двойного назначения, то есть пригодной и для военного, и для гражданского использования. Так, выезжали в США: начальник Военно-технического управления, позднее Автобронетанкового управления РККА Иннокентий Халепский, крупнейший уже в 20-е годы авиаконструктор Андрей Туполев,

начальник ВВС РККА, позднее замнаркома тяжелой промышленности СССР и начальник Главного управления авиационной промышленности Петр Баранов[24].

Наконец, в 1927 году работал в «Амторге» как представитель Автотреста, а в 1932 году — Авиатреста… Артур Адамс, с военной разведкой еще не связанный.

С первых дней существования «Амторга» и в последующие годы у Якова Голоса было в корпорации множество добрых знакомых в числе как советских, так и американских служащих. Кое-кто из последних стал его агентами, некоторые продолжали снабжать его ценной информацией и после перехода в другие фирмы и учреждения, в том числе и правительственные. Наличие «своих» людей в американском персонале имело в последующем, особенно во второй половине 30-х — начале 40-х годов, еще одно важное значение — они помогали выявлять и тем обезвреживать засланных в «Амторг» или в нем завербованных осведомителей Федерального бюро расследований (ФБР).

Но вернемся к ОТПСР (Общество Технической и Политической Помощи Советской России). После первых удачных и многообещающих шагов в обустройстве сельскохозяйственных коммун у нескольких специалистов и функционеров Общества возникла идея: силами иностранных добровольцев — инженеров, техников, мастеров, квалифицированных рабочих — соорудить в России образцовое крупное промышленное комплексное предприятие. Первым ее высказал удивительный человек — талантливый голландский инженер, член Королевского института инженеров Голландии, построивший, кроме многого прочего, крупнейшую в Европе Роттердамскую гавань, представитель ряда правительственных и частных компаний своей страны в США — Себальд Рутгере. При всем этом Рутгере, сын священника, был убежденным и стойким коммунистом.

Он обратил внимание на колоссальный разрыв между богатейшими природными ресурсами Сибири и ничтожными размерами их использования. Когда Рутгере поездил по необъятным просторам России, его поразило, что паровозы по ту, азиатскую, сторону Урала топятся дровами, в то время как местами на поверхность земли выходят метровые пласты великолепного каменного угля.

В Нью-Йорке Рутгере познакомился с Людвигом Мартенсом, Яковом Голосом и одним из руководителей легендарной организации анархистского толка «Индустриальные рабочие мира» («ИРМ», или, по-английски, IWW — «ай-даблью-даблью». Отсюда прозвище членов ИРМ — «уобли») Дж. С. Калвертом. (Полное имя и дальнейшая судьба неизвестны.)

12 июня 1921 года Рутгере, Мартенс и Калверт отправили Председателю Совнаркома РСФСР Ленину письмо, в котором изложили свой хорошо продуманный план создания в России промышленных трудовых колоний иностранных рабочих и специалистов из промышленно развитых стран, прежде всего из США и Германии.

22 июня Ленин в ответном письме к Мартенсу идею устройства таких колоний одобрил. Особенно (это предусматривалось в предложениях) понравилось Ленину, что колонисты привезут с собой продовольствие на два года, одежду на тот же срок и — особо! — орудия труда. Советская сторона, в свою очередь, готова предоставить колониям землю, лес, рудники и т. п.

В тот же день Совет Труда и Обороны (СТО) под председательством Ленина принял постановление «Об американской промышленной эмиграции». Один из пунктов постановления предоставлял возможность товарищу Рутгерсу и группе его сотрудников немедленно выехать на Урал и в Кузнецкий бассейн для выяснения на месте состояния предприятий и источников сырья, которые могут быть предоставлены американской промышленной эмиграции, и необходимых для этого условий.

В Кузнецк экспедиция Рутгерса отправилась из столицы Сибири города Ново-Николаевска (ныне Новосибирск) специальным поездом, далее передвигались на лошадях, порой даже пешком. В Гурь-евске осмотрели бездействующий, основанный еще при Екатерине Второй металлургический завод. Зрелище было удручающим: развалины доменной печи, толстые, сплошные, даже без оконных проемов стены цехов, внутри в стены ввинчены массивные железные кольца. К ним цепями приковывали некогда работавших здесь каторжан.

Центром будущей колонии избрали поселок Кемерово на берегу реки Томь. Здесь еще до революции начали строить, да так и не довели стройку до завершения, химический завод. Его следовало достроить и пустить в ход в первую очередь.

Когда экспедиция вернулась в Ново-Николаевск, Сибирский ревком вынес по докладу Рутгерса решение, по которому приветствовал постановление правительства организовать в Кузнецком бассейне индустриальную колонию американских рабочих.

Так была образована Автономная индустриальная колония (АИК) Кузбасс при Совете Труда и Обороны СССР. Правление АИК расположилось в Москве, на улице Волхонка, 9.

Успешная деятельность коммуны длилась несколько лет. За

эти годы совместной работы американских и российских рабочих (последних, как и собственных специалистов, становилось все больше и больше) была создана база для образования крупнейшего промышленного региона страны — Кузнецкого бассейна.

…Между тем на огромной стройке не все проходило гладко. Имеются в виду не технические трудности, несвоевременная поставка необходимых материалов и оборудования, редкие аварии и неполадки, без которых не обходится сооружение ни одного крупного промышленного объекта. Проблемы возникли в другом. Среди американских рабочих были люди разных национальностей, сторонники различных политических взглядов, между ними то и дело стали возникать разногласия по любому поводу, иногда дело доходило до серьезных ссор, что отрицательно сказывалось на производстве. К тому же возникли серьезные разногласия с местными властями, работники которых зачастую просто не умели общаться хоть и с простыми рабочими, но все же иностранцами, не учитывали их менталитет, их отношение к работе, наконец, их резонные требования к бытовым условиям жизни и многое другое.

Не все проблемы руководство комбината успешно решало и в Москве с центральными учреждениями страны, уже заросшими глухой бюрократической броней. На решение самого пустякового по процедуре, но жизненно важного для стройки вопроса уходили недели и месяцы. Американцы с такой волокитой, когда и виновного не найти, иметь дело не привыкли и мириться с подобным отношением не желали.

Так в правлении возникла мысль пригласить на работу, на одну из руководящих, но не инженерных должностей, гражданина США, выходца из России, одинаково владеющего русским и английским языками, пользующегося авторитетом и в рабочей среде, и — что очень важно — у советского и партийного руководства. Последнее уже автоматически определяло, что этот человек непременно должен быть коммунистом, хорошо известным по партийной работе Центральным Комитетам Компартии США и ВКП(б).

Яков Голос как никто другой отвечал этим требованиям. Кроме того, он как один из руководителей Общества технической помощи Советской России прекрасно, во всех деталях знал положение в АИК «Кузбасс». Поскольку Голос был не рядовым коммунистом, а членом-основателем Компартии США, вопрос о его командировке, по определению продолжительной, решался на высшем уровне в ЦК обеих партий, а также в ОМС (Отделе международных связей) Исполкома Коминтерна.

В конце мая 1926 года вместе с женой Силией и трехлетним сыном Мильтоном Яков Голос прибыл в Москву и остановился в общежитии АИК «Кузбасс», которое размещалось по тому же адресу, что и правление, — на Волхонке, 9. Поскольку командировка должна была продлиться достаточно долго (не исключалась возможность того, что семья вообще останется в СССР навсегда), Голос по согласованию с руководством ИККИ решил перевестись в ВКП(б). Вопрос был решен положительно.

Последний раз Яков Голос приезжал в Москву по коминтернов-ским делам в начале 1924 года. В конце января он присутствовал на похоронах Владимира Ленина на Красной площади. Рассказывал потом товарищам в Америке о трескучих морозах, о кострах, разложенных на улицах, у которых ночами отогревались молчаливые люди…

У сына Голоса по сей день хранится редчайшая реликвия — листовка в траурной рамке с текстами революционных песен, эти листовки раздавали у дверей Дома Союзов…

… 16 июня 1926 года Яков Голос явился в огромное здание на углу Моховой и Воздвиженки, напротив южного торца Манежа, в котором располагался тогда Исполком Коминтерна. В одной из бесчисленных рабочих комнат его встретил молодой приветливый немец с несколько асимметричными чертами лица, что его, однако, нисколько не портило, заметно прихрамывающий. Как узнал несколько позже Яков Голос, то было последствие ранения в ногу на фронте в Первую мировую войну. Немец воевал, естественно, в составе кайзеровской армии. По-русски он говорил совершенно свободно, поскольку родился в Баку, где провел детские годы. Отец был действительно немец, а мать русская…

Звали нового знакомого гостя из США Рихард Зорге. Он принял от Якова удостоверение, заменяющее партбилет Компартии Америки, о чем выдал соответствующую справку на бланке секретариата Исполкома Коминтерна за своей подписью и печатью Коминтерна.

В семье сына Голоса Дмитрия (Мильтона) бережно хранится этот весьма примечательный документ.

«Коммунистические Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Интернационал Москва, 16 июня 1926 год. Секретариат

СПРАВКА Тов. Я. Н. ГОЛОС сдал свое удостоверение, выданное Гене-ральн. Секретарем /Коммунистической/ Уоркерс Парти Америки 21/ÎV1926 год за № 138 о принадлежности его к Амер. /Комм./ Уоркер Парти, в Секретариат ИККИ для разрешения вопроса о переводе его в члены ВКП/б/.

СЕКРЕТАРИАТ ИККИ (Зорге) (Печать ИККИ)».

Ни принявший в далеком 1926 году документ Рихард Зорге, ни сдавший его в обмен на приведенную выше справку Яков Голос, разумеется, никак не могли предвидеть, что спустя десятилетия войдут в историю тайных войн как советские разведчики «Рамзай» и «Звук».

…Завершив дела в ИККИ и получив членский билет ВКП(б), Яков Голос с семьей выехал в Кемерово. Здесь он проработал около года. Ему удалось несколько улучшить обстановку на комбинате, но ненадолго. Дни «Кузбасса» — не как крупнейшего промышленного предприятия, но именно как автономной (!) индустриальной колонии — были сочтены. По состоянию здоровья вынужден был оставить пост руководителя АИК Рутгере. Сменивший его советский инженер не смог или не захотел, а скорее всего, и не мог и не хотел найти общий язык и в прямом, и в переносном смыслах слова с коллективом иностранцев. Американцы начали один за другим возвращаться в Америку.

Но дело было не только в неудачном руководителе или кознях местных властей, которых коробили, а то и по-настоящему бесили самостоятельность и независимость приезжих рабочих и специалистов.

Подлинная причина таилась глубже. Предприятия, подобные АИК, не укладывались в сталинскую концепцию индустриализации страны. У вождя уже выкристаллизовывалась идея первой пятилетки. Если формулировать максимально упрощенно, индустриализация, по Сталину, базировалась на трех китах: коллективизации сельского хозяйства, фактически насильственной, с разорением сотен тысяч крепких, так называемых кулацких, хозяйств, принудительном труде сотен тысяч, а позднее и миллионов заключенных на крупнейших стройках, масштабной распродаже, порой по бросовым ценам, природных богатств и драгоценных произведений искусства, начиная от полотен Тициана из Эрмитажа и кончая ювелирными шедеврами мастерской Фаберже.

Большинство американцев к 1928–1929 годам, как уже сказано выше, покинули Советский Союз. Несколько десятков осталось, кто-то продолжал работать на комбинате, кто-то перебрался на другие предприятия. Оставшиеся приняли советское гражданство. Увы, почти все они в период Большого террора были репрессированы как «американские шпионы».

Одним из руководителей АИК и первым избранным мэром американского поселка был потомственный рабочий завода Генри Форда в Детройте Джон Тучельский. В 1927 году он переехал в Нижний Новгород, где стал работать на строительстве гигантского автозавода, основное оборудование которого, к слову

сказать, было закуплено у того же Форда[25], потом переехал в Ленинград, где работал на одном из электрозаводов. Тучельский женился на советской гражданке, жизнью был вполне доволен… В 1938 году он был арестован по стандартному для бывших иностранцев обвинению в шпионаже и скончался в тюремной больнице…

После фактической ликвидации АИК Яков Голос был отозван в Москву. ЦК ВКП(б) направил его на ответственную работу в партийное издательство политической литературы (Политиздат). Ему с семьей была предоставлена хорошая по тогдашним московским меркам квартира в так называемом первом доме-коммуне по Большой Коммунистической улице, 27, неподалеку от Андроньевской площади (тогда она называлась площадь Прямикова — в честь революционера и чекиста, погибшего в 1918 году в схватке с бандитами в Петровском парке).

В этом доме жило много работников Исполкома Коминтерна, в том числе деятелей коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения в различных странах всех континентов.

Соседом Голоса был хорошо известный ему по Нью-Йорку Артур Александрович Адамс, он частенько заходил к нему вечерком вместе с женой Доротеей Леонтьевной. В гостях у Якова и Силии бывал регулярно еще один сосед — высокий индус с окладистой седой бородой, знаменитый поэт Рабиндранат Тагор. Бывали и другие, не менее интересные люди, имена многих из них вошли в историю…

Сегодня ни для кого не является секретом, что Отдел международных связей ИККИ работал в тесном взаимодействии с обеими основными спецслужбами, особенно с разведками: ИНО ОГПУ/ НКВД и Разведупром Красной армии. Военная разведка, как и ИНО, неоднократно меняла свое официальное название. Во избежание постоянных оговорок и путаницы первую в дальнейшем будем именовать военной разведкой, или Разведупром РККА, вторую — внешней разведкой.

Не секрет и то, что ОГПУ ненавязчиво, но пристально изучало всех прибывавших в Советский Союз иностранцев, в том числе даже коммунистов и революционеров. Цели такого внимания были разными: от выявления агентов разведок капиталистических стран до изучения возможных кандидатов в помощники обеих советских разведок.

Именно тогда Яков Голос привлек к себе внимание руководства ОГПУ, с его сотрудниками, к слову, ему пришлось неоднократно иметь дело по работе и в Кузбассе, и в Москве.

Должен сразу оговориться: Яков Голос никогда не вызывал у

ОГПУ ни малейших сомнений. У него была прочная репутация старого профессионального революционера-коммуниста. Никто не собирал на него компромат, не прослушивал телефонные разговоры, не перлюстрировал переписку с проживавшими в США родственниками. ОГПУ заинтересовали ярко выраженные организаторские способности Голоса, его умение завоевывать уважение и доверие людей, принадлежащих к разным кругам общества, наконец, обширные личные связи.

Председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский и начальник ИНО Михаил Трилиссер прекрасно понимали, что при всей ценности Голоса как сотрудника издательство политической литературы может без него спокойно обойтись. В то же время такой человек с его преданностью революции, навыками конспирации, любовью к Советскому Союзу как никто другой подходит для разведывательной работы в Соединенных Штатах Америки.

Словом, в Москве сразу у нескольких серьезных ведомств, в том числе и у той организации, которую впоследствии стали загадочно называть «инстанцией»[26], созрело намерение предложить члену ВКП(б) товарищу Голосу вернуться в Нью-Йорк.

Очень кстати, а, возможно, по мнению автора, по намеку из Москвы в сентябре 1928 года секретарь ЦК КП США Джей Ловстон обратился в ЦК ВКП(б) с секретным письмом следующего содержания:

«На основании решения Центрального Комитета Рабочей (Коммунистической) партии Америки мы просим вас предпринять настоятельные меры, чтобы товарищу Я. Голосу было бы разрешено вернуться в США для работы в Американской коммунистической партии. Товарищ Голос пользуется значительным влиянием среди русских трудящихся масс в Соединенных Штатах. В нашей работе это самое слабое звено. Это было нашей ошибкой, когда позволили ему покинуть Америку для работы в Советском Союзе. Товарищ Голос состоит на учете в Московской организации, номер его партбилета 0032969. Расходы по его возвращению он покроет сам, и это не ляжет ни на Компартию США, ни на Коминтерн».

Надо сказать, что такой поворот событий вполне отвечал интересам самого Голоса. В Москве на мирной работе, пускай и в центральном партийном издательстве, ему было просто скучно. Кабинетная работа в области идеологии (как тогда говорили, «на идеологическом фронте») была явно не по нутру старому революционеру, привыкшему к кипучей практической деятельности, порой в экстремальных условиях.

Вопрос о переводе Якова Голоса из ВКП(б) в Компартию США решался на высшем уровне. Уже одно это обстоятельство

указывает на то, каким крупным работником он являлся в глазах советского партийного руководства.

В архивах сохранился документ, ввиду особой секретности написанный его авторами от руки, следовательно, в единственном экземпляре. Подписали его всемогущий тогда второй секретарь ЦК ВКП(б) Лазарь Каганович и заместитель заведующего организационно-распределительным отделом[27] ЦК Николай Ежов, будущий нарком НКВД СССР. Подписанная ими справка предназначалась для передачи в ЦК Компартии Америки как свидетельство того, что товарищ Голос Я. Н. выезжает в Америку с согласия ЦК ВКП(б).

В Нью-Йорк Яков вернулся в 1929 году и поселился с семьей (жена и сын прибыли сюда несколько раньше) в Бронксе, в рабочем кооперативном доме неподалеку от одного из парков…

…В заключение этой главы автор с сожалением должен сообщить читателю, что печальная судьба АИК «Кузбасс» постигла вскоре почти все сельскохозяйственные коммуны, созданные Обществом Технической Помощи Советской России.

Не вызывает сомнения, что опыт этих коммун должен был быть задолго до так называемого года великого перелома тщательно изучен (как и труды известных русских кооператоров и знатоков сельского хозяйства профессоров Николая Кондратьева и Александра Чаянова), а сами коммуны могли бы стать образцово-показательными, опорными предприятиями на селе. Сюда бы возить наиболее уважаемых сельских руководителей как на производственную практику. Глядишь, не надо было бы сгонять в колхозы силой, изымать запасы товарного зерна и даже семенного фонда у крепких хозяев с использованием вооруженных сотрудников ОГПУ и красноармейцев, а также оголтелых активистов из так называемых комбедов (комитетов бедноты), не требовалось бы ссылать на Север (большей частью на погибель) сотни тысяч «кулацких» семей, не пришлось бы вводить в мирное время спустя десять лет после окончания Гражданской войны карточки на хлеб и иные продукты, не умерли бы от искусственного Голодомора миллионы жителей Украины, южных областей России, Казахстана и других регионов страны[28].

Увы, опыт коммун, построенных так называемыми американцами, а по сути, нашими же соотечественниками, волею судеб заброшенными еще до Первой мировой войны за океан, никому не потребовался и впрок не пошел. Сами эти хозяйства через несколько лет разорились. Часть коммунаров вернулась в США и Канаду, часть подалась на стройки первой пятилетки, а некоторые — особенно из сельской интеллигенции: агрономы, ветеринары, зоотехники, механики — были репрессированы как

агенты американского империализма и вредители.

Как память об этом ныне почти забытом явлении осталась написанная давным-давно книга писателя Николая Смирнова <Джек Восьмеркин — американец». Иногда по телевидению показывают снятый по этой книге одноименный игровой кинофильм.

Понятное дело, ни Яков Голос, ни энтузиасты возвращения на Родину и в кошмарном сне не могли предвидеть, чем завершится спустя всего несколько лет их благородное и весьма перспективное начинание…

Глава 4

Вернувшись в благословенные Соединенные Штаты, Голос не узнал страну. Нет, небоскребы в Нижнем Манхэттене не сдвинулись с насиженных мест, не обрушился в Ист-Ривер Бруклинский мост, гигантская статуя Свободы не обронила ни факел в правой руке, ни Декларацию независимости в левой…

То, что произошло в США на рубеже второго и третьего десятилетий XX века, изменило весь ход истории страны, сказалось серьезнейшим образом, аукнулось порой трагически во всем тогдашнем капиталистическом мире.

Рухнул миф о вечном и несокрушимом процветании, дарованном Америке едва ли не свыше. Самое это чарующее слово — «prosperity» — «процветание» приклеилось, как полагали многие, к Соединенным Штатам навсегда. На то, казалось, имелись все объективные основания, в это верили безоглядно и миллиардеры с Пятой авеню, и уборщики-негры грязных платформ нью-йоркской подземки.

В начале 20-х годов после периода послевоенной стабилизации в стране начался промышленный подъем. К 1929 году национальный доход США составлял почти 45 % от промышленного производства всего остального мира. К тому же за годы Первой мировой войны США из должника превратились в ведущего мирового кредитора.

Процветание объективно возникло и развивалось на основе научных и технических достижений, особенно заметно, даже опреде-ляюше, в новых отраслях промышленности: автомобилестроении, радио- и электропромышленности, химии, а также в дорожном строительстве.

Приоритетами молодого, энергичного и жестокого американского капитализма, знаковыми фигурами которого явились предприниматель Генри Форд и изобретатель Томас Альва Эдисон (оба выходцы из низов общества), стали: массовое производство, стандартизация, конвейерная система и — совсем непривычно для старушки-Европы — высокий жизненный уровень широких слоев населения. Логика простая: штучные, ручной сборки дорогущие «Роллс-Ройсы» могли покупать только царствующие особы, главы правительств — за казенный счет, банкиры уровня баронов Ротшильдов… Таких людей во всем мире насчитывались сотни, быть может, чуть больше тысячи, а может, и меньше. Ни о каком массовом производстве таких автомобилей не могло быть и речи. Следовательно, не могли существенно расти и доходы производителей, а это противоречило основным

принципам капиталистического производства.

Генри Форд стал выпускать в Детройте свои «коробочки» модели Т-1 десятками, сотнями тысяч, потом счет пошел на миллионы. Следовательно, в стране должны были наличествовать сотни тысяч и миллионы людей, способных эти серийные автомобили купить. Значит, относительно неплохо зарабатывать. Это же относилось и к массовому производству радиоприемников, электропроигрывателей, холодильников, пылесосов, прочей бытовой техники.

Миллионы автомобилей привели с неизбежностью к строительству разветвленной системы автомобильных дорог, в том числе знаменитых «highway» — хайвеев, многополосных автомагистралей. Это означало возникновение новых сотен тысяч рабочих мест, строительство множества бензоколонок, авторемонтных мастерских, специализированных магазинов, придорожных кафетериев и мотелей, даже учреждение нового вида полиции — дорожной и появление нового вида преступлений — угона автомобилей.

Еще одно следствие эры процветания — развитие системы потребительского кредита.

Многим казалось, что процветание естественным и безболезненным путем сведет на нет все противоречия капиталистического общества, устранит глубинные причины классовой борьбы между предпринимателями, с одной стороны, городским пролетариатом и фермерами — с другой.

…Все рухнуло в одно утро — 29 октября 1929 года. В этот «черный вторник» в самом центре американской деловой жизни — на Уоллстрит в Нью-Йорке — разразилась чудовищная, неслыханная дотоле паника. Она означала конец мифа о бескризисном развитии экономики страны и ее вечном процветании. В одночасье обанкротились, «лопнули», как говорят в просторечии, 10 тысяч банков и почти 140 тысяч больших фирм.

Биржевой крах в США стал пусковым механизмом всемирного экономического кризиса, затянувшегося на несколько лет.

В самой же Америке это было настоящее и всенародное бедствие. Семнадцать миллионов человек вдруг оказались безработными. Семнадцать миллионов, уже привыкших к безбедной жизни, успевших приобрести в кредит кто дом, кто автомобиль, кто мебель… Если считать с членами семей, то по меньшей мере четверть населения страны оказалась без средств к существованию.

Теперь с утра к пунктам раздачи безработным и бездомным тарелки бесплатного супа с ломтем хлеба выстраивались многотысячные очереди.

Жестоко пострадали не только рабочие, фермеры, наемные служащие — десятки, а может, сотни вчерашних миллионеров, разом вышвырнутых из роскошных апартаментов на Пятой и Парк-авеню, выбрасывались из окон уже не своих офисов в небоскребах Нижнего Манхэттена или кидались вниз головой в Ист-Ривер с головокружительной высоты Бруклинского моста.

От невероятного по разрушительной силе социального взрыва Америку, а по сути, и весь западный мир спас только государственный ум тридцать второго президента США Франклина Делано Рузвельта, провозгласившего, а затем, после своего избрания, и проведшего в жизнь свой так называемый «Новый курс» (New Deal).

В основе концепции Рузвельта, благодаря которой США сумели вырваться из кромешной депрессии, грозящей полной катастрофой, лежала идея признания необходимости системы государственного регулирования экономики и социальных проблем. Тем самым Рузвельт на первый взгляд безрассудно, а на самом деле все просчитав и взвесив, выступил против традиционной для Америки политики абсолютно свободного рынка, полного невмешательства государства в экономическую и социальную жизнь страны. Немудрено, что «Новый курс» сразу встретил ожесточенное сопротивление…

Все эти трагические и масштабные события привели к определенному разброду и шатаниям в среде организованного рабочего класса, и Коммунистическая партия, естественно, не могла быть исключением. Работа в массах пролетариата никогда не была делом столь трудным и ответственным, как в эти месяцы и годы. На счету был каждый опытный, политически грамотный и — немаловажно — пользующийся доверием и авторитетом у рядовых партийцев функционер. В этом одна из причин отзыва из Москвы Якова Голоса.

Уже в середине 20-х годов в ЦК КП США стало ясно, что членских взносов и выручки от распространения партийной печати не хватает для нормального функционирования партийного аппарата, проведения политических акций, даже обычной аренды залов для массовых митингов и т. п. В какой-то степени, конечно, выручали секретные передачи из Москвы от Коминтерна. Но легализо-вывать эти деньги в США с каждым днем становилось все труднее и труднее. Фискальный механизм в Соединенных Штатах был отработан почти до абсолютного совершенства. Недаром у американцев сложен примечательный афоризм: «На свете существуют только два неотвратимых события: смерть и уплата налогов»[29].

Словом, нужны были деньги, деньги и еще раз деньги. Так

возник замысел создать некое коммерческое предприятие, доходы от которого, за вычетом производственных расходов и после уплаты налогов, «журчащим ручейком» потекли бы в партийную кассу. Причем по абсолютно законно проложенному руслу. Правда, Коммунистическая партия тем самым сама встала на рельсы капиталистического предпринимательства. Именно так!

10 июня 1927 года была учреждена акционерная туристическая фирма с уставным капиталом в 50 тысяч долларов. В регистрационном сертификате было указано, что ее иностранным принципалом является ВАО (Всесоюзное акционерное общество) «Интурист». Основа бизнеса — продажа билетов на пароходы, совершающие рейсы из США и в США, а также железнодорожные и автобусные (дальние рейсы) билеты, визовая поддержка, бронирование номера в отеле и т. д. Деятельность фирмы в первую очередь была направлена на поездки в Советский Союз выходцев из бывшей Российской империи.

Назвали фирму World Tourists, Inc. — «Уорлд Туристе, Инк.», на русский язык это можно приблизительно перевести как «Всемирная туристическая компания». Первоначально новорожденная фирма разместилась в центре Манхэттена, на Юнион-сквер, 41.

Ничего путного, однако, из этой идеи на первых порах не получилось. Видимо, критиковать буржуев-капиталистов проще, чем самим наладить самый скромный, к тому же не связанный с материальным производством бизнес. «Уорлд Туристе, Инк.» так и приказала бы долго жить, если бы по поручению партии ее не возглавил вернувшийся в Нью-Йорк Яков Голос.

Можно констатировать факт: никогда ранее не занимавшийся коммерческой деятельностью Голос в короткий срок сделал «Уорлд Туристе, Инк.» вполне прибыльным предприятием. Возможно, в этом ему помог некоторый опыт участия в руководстве АИК «Кузбасс».

Одним из первых шагов, предпринятых Голосом как управляющим фирмы, стал переезд в более престижное помещение — в США, да и не только в этой стране «правильный» адрес фирмы или предприятия значит очень много для имиджа. Отныне и до конца своего существования «Уордд Туристе, Инк.» располагалась на шестом этаже одного из самых знаменитых зданий США: легендарного Flatiron Building — «Флэтайрон-билдинг» на Пятой авеню, 175, в переводе на русский — в небоскребе «Утюг».

Это двадцатиэтажное здание, построенное в 1902 году по проекту чикагского архитектора Дэниела Бернема, было одним из

первых небоскребов (тогда здание в двадцать этажей считалось уже небоскребом) и уж, во всяком случае, самым высоким — 286 футов — в Нью-Йорке. Здание действительно в горизонтальной проекции напоминало утюг, что определялось клинообразной формой земельного участка.

Из окон офиса Голоса, расположенного в остром носике «Утюга», открывался прекрасный вид на перекрестье сразу трех улиц:

Пятой авеню, Бродвея и 23-й стрит, а также на южную часть небольшого, но очень популярного в Нью-Йорке Мэдисон-сквера.

Этот район Манхэттена на самом краю Гринвич-Виллидж связан с жизнью и литературной деятельностью О. Генри. Здесь знаменитый писатель жил и скончался, здесь происходят почти все события рассказов его нью-йоркского цикла.

Естественно, что, став главой хоть небольшой, но все же фирмы, Голос обзавелся автомобилем — скромным, но надежным «Доджем».

В «Уорлд Туристе» ежедневно приходили порой десятки людей разного возраста, социального положения, жизненного опыта. Бывали выходцы с Полтавщины, уехавшие в поисках лучшей доли еще до Первой мировой, евреи-ремесленники из Витебска и Бобруйска, покинувшие свои дома в страхе ожидания очередного погрома, бывшие врангелевские офицеры, которых сначала занесло после бегства из Крыма в Галлиполийский лагерь в Турции, а затем вот сюда, в Нью-Йорк. Объединяло этих столь разных людей одно — тоска по Родине, желание если не купить туристическую путевку для поездки в СССР, то хоть прицениться, прикинуть, сколько недель, а то и долгих месяцев надо откладывать доллар за долларом, чтобы осуществить скромную, а если честно, для большинства недосягаемую мечту.

Некоторые из этих посетителей получили возможность оказать серьезное содействие своей исторической Родине в качестве добровольных помощников одной из ее спецслужб, а именно — советской внешней разведки ОГПУ/НКВД. Потому как уже с 1930 года «Уорлд Туристе, Инк.», действительно успешно занимаясь туристическим бизнесом, являлась фактически и «крышей» Иностранного отдела ОГПУ, а управляющий фирмой Яков Голос стал групповодом советской внешней разведки, а с учетом масштаба своей работы — неформальным резидентом-нелегалом.

В этом нет ничего удивительного, потому как именно на рубеже 20-30-х годов XX века Соединенные Штаты Америки стали объектом — наконец! — более пристального внимания и внешней, и военной советской разведки.

В первый период своего существования молодые советские спецслужбы занимались главным образом нейтрализацией подрывной деятельности активной части политической и военной белой эмиграции. Напомним, что число вынужденных эмигрантов после Гражданской войны превышало миллион человек, причем значительную их часть составляли молодые, вполне боеспособные и хорошо организованные даже на чужбине генералы, офицеры и унтер-офицеры Белой армии, жаждавшие в изгнании взять реванш за поражение в Гражданской войне. Требовалось также отслеживать военные планы ряда европейских государств: Франции, Англии, Польши. Советское руководство не исключало возможности вооруженного вторжения и с их стороны.

Советским разведчикам первого поколения удалось проникнуть в главные центры организованной эмиграции: Берлин, Париж, Варшаву, а также в Ревель (Таллин), Белград, Софию, Гельсингфорс (Хельсинки), Стамбул… Им удалось провести в те годы десятки успешных многоходовых операций, классическими стали легендарные «Трест» и «Синдикат-2», завершившиеся выводом на территорию СССР и арестом Бориса Савинкова и Джорджа Сиднея Рейли. Тогда приобрели бесценный опыт, набрались профессионального мастерства Артур Артузов, Владимир Стырне, Роман Пилляр, Андрей Федоров, Сергей Пузицкий, Григорий Сыроежкин, Яков Серебрянский, Наум Эйтингон, Василий Зарубин, Дмитрий Быстроле-тов и многие другие.

Соединенные Штаты Америки тогда особого интереса для нашей разведки не представляли, им еще предстояло стать объектом особого внимания, а после Второй мировой войны и так называемым главным противником.

Положение изменилось к середине 20-х годов. В сторону Америки обратили свои взоры руководители основных отраслей народного хозяйства (особенно оборонных) и внешней торговли. Задачей освоения достижений американской науки и техники, которые невозможно было получить легальным путем, и занялись специализированные подразделения советских спецслужб. Так образовались условно названная «линией Х» научно-техническая разведка и «линия XY» — военно-техническая разведка.

В США эта работа приобрела настоящий размах с образованием «Амторга». Задачей командированных на работу в «Амторг» сотрудников спецслужб, а также их помощников из числа американских граждан было не только скрытое заимствование (мягко говоря) технических секретов, но и обеспечение данными наиболее выгодных условий легального приобретения лицензий, патентов, материалов, приборов,

оборудования, машин, станков и даже целых предприятий. Чрезвычайно важно было заранее установить, на какие уступки реально согласна пойти какая-то фирма в процессе торгов (порой многомесячных), когда первоначальная цена заведомо завышается. Так что нет принципиального различия между серьезными переговорами двух солидных партнеров и крикливой перебранкой между торговцем и покупателем на восточном базаре.

В результате своевременного информационного обеспечения на выгодных для СССР условиях — всего за 30 миллионов долларов — был приобретен у Генри Форда уже упомянутый ранее огромный автомобильный завод, переехавший в Нижний Новгород. Тогда ему было присвоено имя В. М. Молотова. (И сейчас еще на наших улицах изредка можно встретить автомобиль некогда престижного класса «ЗиМ».) Уже в 1932 году из ворот завода выехал первый советский грузовик «Газ-АА» — клон американского «Форда-ААо. В народе его называли просто «полуторкой», потому как грузоподъемность его составляла 1500 килограммов. Этот неприхотливый грузовичок, почти любую неисправность которого мог одолеть простой колхозный слесарь, поставил настоящий рекорд долголетия. Славные «полуторки», чьи американские родичи давно ушли в переплавку, работали в колхозах и совхозах, на транспортных предприятиях больших и малых городов СССР, во всех климатических зонах добрых два десятка лет, прошли Великую Отечественную войну.

В том же Нижнем, переименованном в 1932 году в город Горький (ныне снова Нижний Новгород), был налажен выпуск и легковых автомобилей, также фордовских клонов, именуемых в нашей стране ласково «газиками». При помощи американских специалистов на американском же оборудовании были возведены еще два автомобильных гиганта уже в Москве: автозавод имени Сталина (знаменитый «ЗиС» на месте старого «АМО», ныне автозавод имени Лихачева) и завод по производству малолитражных автомобилей имени Ленинского комсомола — АЗЛК, а также приобретено оборудование для строительства Уралмаша в Свердловске (ныне снова Екатеринбург), Запорожстали, Днепрогэса, тракторных заводов в Сталинграде (ныне Волгоград) и Харькове. (На которых, к слову, было налажено производство не только и не столько тракторов, сколько… танков!)

За каждым таким многомиллионным приобретением стояла работа и «тихих» специалистов, числившихся в «Амторге» порой на весьма скромных должностях, и их американских помощников. Среди последних были и люди Якова Голоса.

При некоторых крупных сделках имело место сочетание легальной и… разведывательной составляющих. Так, при проектировании, а затем и строительстве «Запорожстали» выяснилось, что на закупку семидесятидвухдюймового прокатного стана советское правительство могло затратить только 5 миллионов рублей золотом. Меж тем сам стан известной компании «Инланд Стил К°» стоил в четыре раза дороже. Положение казалось безвыходным: продавать стан с такой огромной скидкой (в 75 %!) американцы, разумеется, не стали бы. Тем не менее важнейший заказ Наркомата тяжелой промышленности, возглавляемого Серго Орджоникидзе, нью-йоркская резидентура ИНО НКВД осенью 1934 года выполнила: используя свои «связи», она добыла все чертежи недостающего оборудования, которое теперь смогли изготовить отечественные предприятия.

Советское руководство прекрасно понимало, что США в тот период прямой военной угрозы для СССР не представляли. Однако оно учитывало, что в случае агрессии по отношению к нашей стране каких-либо европейских государств они примут сторону последних, предоставят им серьезную политическую, экономическую и военную помощь. Потому было крайне важно отслеживать государственную внешнюю политику Вашингтона. Кроме того, приходится повторяться, советские спецслужбы просто обязаны были внимательно следить за достижениями Америки, ставшей ведущей мировой державой, в области новейших отраслей науки и техники, прежде всего имеющих военное значение. Тут важно помнить, что в реальной жизни линии «Х» и «XY» нередко переплетались, поскольку многие изделия промышленности, а также технологии могут использоваться как в мирных, так и в военных целях. Например, вся радиотехника, многие продукты химической индустрии.

Как упоминалось выше, и внешняя (политическая), и военная разведка СССР на протяжении многих лет своей истории неоднократно меняла названия. Посему во избежание путаницы и необходимости вносить постоянные пояснения будем впредь именовать Центр внешней разведки ИНО (Иностранным отделом) ОГПУ/НКВД СССР, а Центр военной разведки — Разведупром РККА (Рабоче-Крестьянской Красной армии). Сравнительно недолго в СССР существовал самостоятельный Наркомат Военно-морского флота, который обладал собственной разведкой.

Разумеется, внешняя разведка, если представлялась такая возможность, не упускала военные секреты — в данном случае американцев, точно так же военные разведчики не отказывались от плывущей им в руки политической информации. Следует

также иметь в виду, что в 20-30-е годы имела место частая ротация оперативных сотрудников между обеими спецслужбами, это же относится и к агентуре. В случае необходимости или в целях более рационального использования последних могли передавать из одного ведомства в другое, о чем они обычно и не подозревали.

Примечательно, что еще в 20-е годы Военно-промышленное управление ВСНХ подготовило для разведок «Перечень вопросов для заграничной информации». За этой расплывчатой формулировкой скрывалось множество конкретных поручений по весьма широкому спектру, и не только по военной части, но и по сугубо мирной. К примеру, ВСНХ интересовало все относящееся к массовому производству бытовых электрических лампочек накаливания. В начавшуюся эпоху электрификации страны лампочки различной мощности (тогда говорили «на сколько свечей») представляли огромный дефицит.

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о новых задачах Иностранного отдела ОГПУ. Под четвертым пунктом Постановления последним значилось:

«Получение сведений об изобретениях, технологии, опытноконструкторских работах, добыча патентов, чертежей и схем, образцов технических новинок, необходимых для советской науки и промышленности, которые не могут быть приобретены легальными путями».

Последняя фраза — явное лукавство. Разведка усердно добывала и такие материалы, которые вполне можно было получить легальным путем, но которые отечеству были просто-напросто не по карману. Как в вышеприведенном случае с прокатным станом для «Запорожстали».

В целом же ничего принципиально нового в Постановлении Политбюро не было, оно всего лишь являлось директивой, закрепляющей уже существующую негласную практику.

В ИНО ОГПУ было образовано два отделения — экономической и научно-технической разведки. Несколько позднее 3-й отдел (научно-технической разведки) Разведупра РККА возглавил видный военный разведчик Оскар Стигга. Тогда же на базе Центральной телеграфной станции Красной армии была образована группа радиостанций особого назначения (ОСНАЗ) с рядом вспомогательных служб, в том числе школой шифровальной службы. На так называемые радиороты ОСНАЗ был «возложен перехват всей шифрованной военно-стратегической и правительственной радиокорреспонденции капиталистических стран». Только за 1935 год было перехвачено свыше 150 тысяч радиодепеш. Правда, никогда не было названо,

сколько радиодепеш было перехвачено между посольством США в Москве и Вашингтоном.

Первым резидентом Разведупра в США был Вернер Раков (более известный как Феликс Вольф), этнический немец, прибывший в страну еще в 1925 году. Его преемником в 1927 году стал известный военный разведчик Ян-Альфред Тылтынь, проработавший в США с нелегальных позиций около четырех лет. Активный участник Гражданской войны, Тылтынь до командировки в Америку три года был нелегалом во Франции, за это время он умудрился окончить в Париже три курса Политехнического института по специальности авиа- и моторостроение. Впоследствии Тылтынь участвовал в Гражданской войне в Испании. Он был одним из немногих разведчиков, награжденных орденом Ленина и тремя орденами Красного Знамени.

Помощником резидента Тылтыня в его командировках была жена Мария-Эмма. Она также была награждена орденом Красного Знамени.

Латыш по национальности, Тылтынь кроме родного латышского и русского владел еще тремя иностранными языками[30]. Ему на смену пришел не менее известный резидент Владимир Горев.

Под прикрытием должности сотрудника «Амторга» успешно работал в США также резидент Разведупра под именем Марка Зильберта — известный впоследствии военачальник Мойша Стерн (Штерн). В годы Гражданской войны в Испании он командовал там 11-й Интернациональной бригадой под именем «генерала Эмилио Клебера»[31] а Горев был нашим военным атташе при республиканском правительстве.

Одним из серьезнейших достижений военных разведчиков в США в эти годы стало приобретение танков Кристи.

Дж. Уолтер Кристи был исключительно одаренным изобретателем. В частности, он сконструировал гусеничную боевую машину с принципиально новой ходовой частью. Первый прототип танка Кристи М1928 привлек внимание начальника Управления моторизации и механизации РККА Иннокентия Халепского при посещении им в США полигона «Эбердин». (Халепский и сопровождавшие его командиры Красной армии посетили США в 1928 году по приглашению «Амторга» и корпорации «Форд».)

Конструктор остро нуждался в деньгах для дальнейшей работы. Военное министерство США не нашло средств на покупку соответствующей лицензии, рабочих чертежей, а также принадлежащего конструктору прототипа танка, однако

наложило запрет на его вывоз за границу. Исключение было сделано только для англичан, которые уже вели переговоры о приобретении танка Кристи, но как-то вяло и неубедительно.

Совершить покупку — за наличные доллары! — сумели агенты Разведупра с помощью… настоящего генерала из военного министерства. Выяснилось, что этот генерал по происхождению был ирландцем и… люто ненавидел англичан! Зная, что военное ведомство Великобритании все же намеревается купить танки, лицензии и сопроводительную документацию, он сделал все, чтобы единственные опытные экземпляры машины не достались, как он полагал, угнетателям его родной Ирландии.

24 декабря 1930 года два танка Кристи М1930 были отправлены морем из Нью-Йорка в Ленинград. Под видом… тракторов сельскохозяйственного назначения! Для этого, правда, пришлось снять с них башни и вооружение. Это, однако, для покупателя не имело ровно никакого значения. Советские конструкторы на основании полученных из Америки чертежей легко изготовили недостающие башни, а вооружение на танки поставили отечественное, даже более сильное, нежели «родное», то есть американское. (Кристи, разумеется, вооружение для своих танков сам не конструировал, пользовался тем, что имелось в наличии в армии США.)

Советский аналог танка М1930, получивший обозначение БТ-2 (быстроходный танк-2), был принят на вооружение Красной армии в чрезвычайно короткий срок — уже 23 мая 1931 года. Впоследствии на базе БТ-2 были созданы его усовершенствованные модификации: БТ-5 и БТ-7. Этих танков в последующие несколько лет было выпущено свыше 5 тысяч.

Возможно, самым крупным советским военным разведчиком, работавшим в США в предвоенные и военные годы, был уже знакомый читателю Артур Адамс. Разведывательная и человеческая судьба его складывалась самым невероятным образом. Таковы уж были тогдашняя эпоха и положение дел в Советском Союзе, в частности обстановка в его спецслужбах. Однако следует признать, могло быть и много хуже…

Адамс снова появился в США в 1927 году в составе делегации Автотреста, ведущей переговоры о строительстве в СССР автомобильных заводов. Фактически через свою старую агентуру Адамс провел необходимую подготовительную работу для поездки в США делегации во главе с И. Халепским.

В 1932 году в составе группы сотрудников Наркомата тяжелой промышленности Адамс снова приезжал в США — на сей раз в связи с переговорами о проектировании и строительстве в СССР авиационных заводов. В делегации было несколько

авиаконструкторов, в том числе тогда уже хорошо известный в авиационных кругах Андрей Туполев. Делегация ознакомилась со множеством тогдашних новинок авиастроения в США, например с машинной клепкой. Кое-что из этого множества в принципе можно было приобрести — но только за твердую валюту, золото или очередную картину из Эрмитажа. Обошлось без покупки лицензий — по «заказу» Туполева люди Адамса добыли все, что требовалось. Это же относилось и к авиационному моторостроению. (Разумеется, эта «тихая» деятельность не имела никакого отношения к официальным, вполне успешным переговорам делегации со своими американскими партнерами.)

Добывалась также секретная или полусекретная информация в виде закрытой, «для служебного пользования» технической литературы, различных учебных пособий, справочников, инструкций и указаний по эксплуатации оборудования и приборов и т. п.

Делегация посетила ряд конструкторских бюро и авиационных заводов, в частности «Дуглас Эйркрафт», «Локхид», а также конструкторское бюро и опытный завод бывшего россиянина Игоря Сикорского. Когда-то Туполев и Сикорский были самыми талантливыми и любимыми учениками «отца русской авиации» профессора Николая Егоровича Жуковского. Примечательно, что и Туполев, и Сикорский были пионерами цельнометаллического самолетостроения…

У автора нет ни малейшего сомнения в том, что Голос оказал старому другу в ходе визита существенную помощь, поскольку факт совместной работы в начале 20-х годов вполне легализовал их нынешние встречи.

В конце 1935 года Адамс, уже кадровый сотрудник Разведупра (оперативный псевдоним «Ахилл»), снова въехал в США, на сей раз как… гражданин Канады. Главная задача — ведение научно-технической разведки, в основном в области военной химии, в частности боевых отравляющих веществ и средств их нейтрализации. В США Адамс сумел легализоваться как владелец научно-исследовательской фирмы Technical Laboratories («Технические лаборатории»).

Работа шла успешно, но весной 1938 года Адамса отозвали в СССР по подозрению в… шпионаже. По счастью, обвинения, выдвинутые против него, не нашли подтверждения, но из Разведупра его уволили. В начале следующего, 1939 года обвинения против Адамса окончательно сняли, его восстановили в Разведупре и… снова направили в США! Увы, в 1940 году Адамса повторно обвинили во всех смертных грехах, снова отозвали в Москву. Однако он и на этот раз сумел отмести все

нелепые обвинения и… снова был командирован в США!

При всем при этом Адамс сумел обзавестись, несмотря на нервотрепку, ценнейшей агентурой, через которую получал исключительной важности информацию и по военной химии, и о новейших системах радиовооружений. Один из его агентов впоследствии обеспечил регулярное поступление данных о компонентах радиолокационных приборов (тогда их называли «радарами») в годы Второй мировой войны для военно-морского флота США.

В Î 939 году (!) Адамс одним из первых передал в Москву информацию о начальных исследованиях в области использования энергии атома в военных целях. Всего же от Адамса было получено около 10 тысяч листов различных документов и чертежей, а также образцы металлического урана, бериллия и так называемой тяжелой воды.

Уже после окончания Второй мировой войны Адамс все же попал под подозрение ФБР, но сумел уйти от преследования и покинуть страну.

До самой смерти Голоса в ноябре 1943 года Адамс поддерживал с ним дружескую связь, разумеется, соблюдая все меры конспирации и, конечно же, не посвящая в свои разведывательные дела.

По воспоминаниям сына Голоса, у его отца как руководителя двух компаний и Адамса, также руководителя фирмы, был даже общий юрисконсульт.

Вернувшись в Москву, Адамс оформил… советское гражданство, ему — большая редкость в Разведупре — было присвоено воинское звание инженер-полковника.

Скончался Артур Адамс в 1969 году. Похоронен на Новодевичьем кладбище. При жизни он был удостоен единственной правительственной награды — медали «За победу над Германией».

В 1999 году Артуру Адамсу — одному из первых советских разведчиков-нелегалов — было присвоено звание Героя Российской Федерации. Посмертно…[32]

Самым удивительным по жизненному пути агентом советской разведки в США был изобретатель, которого некоторые исследователи считают почти гением, — Лев Сергеевич Термен.

Он родился в 1896 году в Петербурге в интеллигентной дворянской семье. Образование получил также удивительное. В самом деле, Термен окончил классическую гимназию, Петербургскую консерваторию по классу виолончели, затем — внимание! — Высшую офицерскую электротехническую школу по классу радиоинженеров, физико-математический факультет

Петроградского университета и, наконец, физико-технический факультет Политехнического института (уже Ленинградского)…

В молодости Термену пришлось служить начальником радиоклассов и радиостанции электротехнического батальона, заместителем начальника радиотехнической лаборатории в Москве, заведующим передатчиком радиостанции…

На протяжении шести лет Термен заведовал лабораторией электротехнических колебаний в знаменитом Физико-техническом рентгенологическом институте в Ленинграде, которым руководил легендарный академик по имени-отчеству Абрам Федорович, а по фамилии «папа Иоффе», как его называли между собой все физики Советского Союза.

Став крупным специалистом в области радиотехники, Термен, однако, никогда не бросал занятий музыкой. В 1921 году он изобрел музыкальный прибор с катодными лампами и получил на него патент. Прибор, фактически один из первых в мире музыкальных электроинструментов, был назван терменвоксом. Но были за Тер-меном и более серьезные в прикладном смысле изобретения вроде радиосторожа — электромеханического телевизионного устройства для использования в охранной сигнализации.

В 1927 году Термен, естественно, заинтересовавший своим недюжинным и разносторонним талантом советские спецслужбы, был командирован в Германию, Францию, Великобританию и США по линии научно-технической разведки (НТР), в первую очередь, в области электротехники и радиоэлектроники.

В Нью-Йорке Термен создал фирму Teletouch Corporation, занимавшуюся созданием, производством и продвижением на рынок музыкальных электроинструментов. Под ее прикрытием Термен обзавелся широкими связями в научных и промышленных кругах и в мире профессиональных музыкантов. Эти связи позволили Тер-мену на протяжении десяти лет успешно заниматься научно-технической разведкой. Попутно он стал весьма состоятельным человеком.

Последнее обстоятельство не понравилось НКВД, поэтому в 1938 году Термен был отозван в Москву и незамедлительно арестован. Слава богу, изобретателя не расстреляли, а дали, как тогда считалось, детский срок — восемь лет лишения свободы с отбытием наказания в исправительно-трудовых лагерях. Первое время Термен работал в Магадане, потом его перевели в Москву. Здесь он вместе с Сергеем Королевым работал в закрытом конструкторском бюро, на мрачном жаргоне тех лет — в «шарашке», которой руководил также арестант Андрей Туполев.

В годы Великой Отечественной войны Термен, по-прежнему в

ранге зэка, занимался конструированием беспилотного радиоуправляемого самолета, тем самым обгоняя время лет на двадцать[33], а также созданием систем радионавигации и прослушивания. В частности, Термен изобрел прибор, с помощью которого можно было, направляя на оконные стекла инфракрасные лучи, прослушивать ведущиеся в закрытом помещении разговоры и записывать их.

О том, как жил и работал Термен все эти годы, современный читатель и телезритель получил достаточно внятное представление из романа А. Солженицына «В круге первом» и одноименного многосерийного телефильма.

За эти работы заключенный Лев Термен был удостоен «закрытой» Сталинской премии первой степени и в 1947 году освобожден.

Впоследствии Л. Термен работал в закрытых научно-технических институтах (опять же на жаргоне тех лет — «почтовых ящиках»), в последние годы — на кафедре акустики физического факультета МГУ и в лаборатории акустики и звукозаписи Московской консерватории.

Скончался Лев Термен в 1993 году на девяносто седьмом году жизни.

Резидентом фактически обеих разведок — и внешней, и военной — в Нью-Йорке был кадровый сотрудник Разведупра Валентин Борисович Маркин («Оскара, «Дэвис»), гибель которого на тридцать седьмом году жизни по сей день остается тайной, вернее, загадкой.

Новым резидентом по линии Иностранного отдела уже не ОГПУ, а НКВД СССР, учрежденного 10 июля 1934 года, стал Борис Базаров (настоящая фамилия Шпак, псевдонимы «Кин», «да Винчи», «Норд»).

В 20-30-е годы в советскую разведку пришла целая когорта талантливых людей, подлинных патриотов с биографиями порой просто фантастическими. В более поздние времена, особенно после пресловутого 1937-го, людей с подобными, прямо скажем, «подмоченными» анкетными данными бдительные кадровики и на пушечный выстрел не подпустили бы к службе в органах государственной безопасности.

Одним из таких и был Борис Яковлевич Шпак, ставший в СССР Базаровым. Дело в том, что в соответствии с тогдашней идеологией и кадровой политикой (она же — практика) Борис Шпак принадлежал к так называемым социально чуждым элементам. Потому он мог быть агентом советской разведки, но никак не ее кадровым сотрудником. А Шпак стал, и высокопоставленным. В 1937 году ему было присвоено

персональное специальное звание майора государственной безопасности (один рубиновый «ромб» в петлицах), которое соответствовало званию комбрига в Красной армии. На Западе всех сотрудников госбезопасности с «ромбами» называли более понятным там званием «генералы».

В двадцать с небольшим лет, в самый канун Первой мировой войны, Шпак окончил Виленское военное училище, в чине подпоручика воевал ротным командиром в 105-м пехотном полку. В 1915 году попал в немецкий плен, освободился после Ноябрьской революции 1918 года в Германии.

Вернувшись на Родину, Шпак работал в Екатеринодаре в типографии, откуда и попал по мобилизации в Белую армию. С остатками разбитых врангелевских полков эвакуировался из Крыма в Турцию.

Осев в Берлине, Шпак, никогда не разделявший так называемую Белую идею и не принимавший непосредственного участия в боях против Красной армии, стал инициативно сотрудничать с советской внешней разведкой, тогда еще в системе ВЧК.

Шпак оказался талантливым и энергичным разведчиком, он провел несколько успешных операций в Югославии, Румынии и Болгарии, фактически вырос в руководителя нелегальной резидентуры. Этому способствовало свободное владение немецким, английским, французским, болгарским и сербо-хорватским языками.

В 1927 году Шпак получил разрешение вернуться на Родину, тогда же вступил в ВКП(б), стал кадровым сотрудником ИНО ОГПУ. Неоднократно выезжал за рубеж, добился высоких конкретных результатов в работе. Именно под его началом стал сотрудничать в ИНО ныне легендарный нелегал-полиглот Дмитрий Быстролетов. В разных источниках называют разное число языков, какими он владел, но все близки к цифре 20. Видимо, есть какая-то закономерность в том, что многие тогдашние сотрудники хорошо владели несколькими, то есть более двух-трех, иностранными языками. Можно напомнить читателю, что сам председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский владел девятнадцатью, причем японским и фарси овладел, уже будучи пожилым и больным человеком.

В США Базаров проработал свыше трех лет и весьма плодотворно. Увы, его постигла злая судьба многих сотен честных советских разведчиков и контрразведчиков. Летом 1938 года Базарова отозвали в Москву, арестовали и в феврале 1939 года расстреляли. В 1956 году реабилитировали…

Заместителем Бориса Базарова, а впоследствии и преемником

стал еще один выдающийся разведчик, тогда тридцатичетырехлетний Исхак Ахмеров («Юнг», «Альберт», «Мэр» и др.). Ему непосредственно довелось на протяжении нескольких лет иметь дело с Голосом и некоторыми его агентами.

Ахмеров родился в крестьянской татарской семье в тогдашней Казанской губернии, с одиннадцати лет батрачил. «Выйти в люди», то есть получить хорошее образование, смог только после революции. В конце концов бывший батрачонок стал сотрудником Наркомата иностранных дел, в первую командировку был направлен на консульскую должность в Турцию. К этому времени он свободно владел турецким, английским и французским языками.

Естественно, наделенный такими достоинствами и способностями молодой человек не мог не привлечь к себе внимание Иностранного отдела. После непродолжительной стажировки в Центре внешней разведки Ахмеров был послан на разведывательную работу с нелегальных позиций в Турцию, а затем в Китай под видом студента-востоковеда, по национальности и гражданству турка. Помогло в данном случае происхождение Ахмерова: будучи атеистом, он, однако, с малолетства знал все нормы, обычаи и традиции ислама.

Тут следует отметить одно огромное преимущество, каким обладали советские спецслужбы перед своими реальными или потенциальными противниками: необъятный и многонациональный Советский Союз давал возможность подобрать сотрудника, в частности кандидата в нелегалы, любой этнической внешности, любой конфессии — когда это требовалось по легенде, любого образовательного уровня и профессии, со знанием многих языков и т. п. Уроженцы Кавказа легко сходили» за своих» в странах, скажем, Ближнего Востока, Средней Азии — на Дальнем Востоке, высокие блондины с русского Севера — в странах Скандинавии.

Оставшиеся у нас после Первой мировой и Гражданской войн бывшие военнопленные немцы, австрийцы, венгры и прочие иностранцы без всяких затруднений могли быть направлены в европейские страны. Наконец, российские евреи вообще могли командироваться куда угодно, легализоваться там как граждане данной страны еврейского происхождения.

Заместителем Ахмерова-резидента был Норман Михайлович Бородин (он же «Н. Бардин», «Н.Бароян», «Н. Борисов», «Н.Тариблов»). Он был младшим сыном старого большевика Михаила Бородина (Грузенберга)[34], который в конце 20-х — начале 30-х годов в Китае являлся политическим представителем и советником Коминтерна при революционере-демократе,

основателе партии Гоминьдан Сунь Ятсене. Военным же советником под псевдонимом игенерал Галь-дин» при Сунь Ятсене тогда был будущий Маршал Советского Союза Василий Блюхер. Норман родился в Чикаго и в СССР приехал вместе с матерью в возрасте двенадцати лет, так что английский был его вторым родным языком. В том же году вместе с родителями уехал в Китай. Впоследствии окончил в Ленинграде мореходное училище, а позднее и филологический факультет МГУ.

В 1930 году Бородин-младший стал сотрудником ИНО ОГПУ. Работал в Норвегии, Германии, Франции. Во всех этих странах умудрялся учиться в тамошних высших учебных заведениях.

В США Бородин (оперативный псевдоним «Гранит») прибыл осенью 1937 года, легализовался в качестве… студента радиотехнического института. Тяга к учению была, похоже, у «Гранита» в крови. Так, в Москве, в промежутке между последней командировкой и отъездом в Америку, успел пройти курс обучения в Военно-химической академии РККА.

Еще при Базарове, а затем и после его отъезда в Москву Ахмеров лично завербовал нескольких ценных агентов, в том числе сотрудников правительственных учреждений в Вашингтоне, и контролировал ряд других, доставшихся ему «по наследству».

А затем… Затем карьера Ахмерова едва не оборвалась самым, возможно, трагическим образом. Он влюбился в агентессу, содержащую конспиративную квартиру, по имени Хелен Лаури, добился взаимности и обратился к московскому начальству за разрешением вступить с ней в законный брак. По тем временам это был скандал. (К слову, через несколько лет Сталин вообще запретил советским гражданам сочетаться браком с иностранцами.)

В ноябре 1939 года Ахмеров был отозван в Москву и предстал перед очами нового наркома НКВД СССР Лаврентия Берии, сменившего на этом посту кровавого карлика Николая Ежова. Разговор с наркомом мог обернуться немедленным переводом в камеру внутренней тюрьмы.

В последний момент Берия узнал, что невеста его подчиненного является родной и любимой племянницей генерального секретаря ЦК Компартии США Эрла Браудера, к тому же на тот момент пользующегося у Сталина большим авторитетом.

Ахмерову разрешили зарегистрировать брак с Хелен (оперативные псевдонимы «Эльза», «Ада», «Вера», «Мадлен»), но в воспитательных целях нарушителя спокойствия перевели в… стажеры американского отделения.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны Ахмерова

вместе с законной женой с американскими документами вновь направили в США для восстановления в пожарном порядке законсервированной старой агентуры. Ахмеров поселился в Балтиморе, где вместе с давнишним своим агентом «Хозяином» открыл небольшое ателье по шитью и ремонту меховых изделий. Почему именно меховых — тому имелось обоснование: в молодости Ахмеров одно время работал подмастерьем у скорняка, потому был способен легко отличить шкурку норки от крашеного кролика…

Из Балтимора Ахмеров, когда требовалось, без особых затруднений добирался и до Вашингтона, и до Нью-Йорка.

Теперь пора снова вернуться к нашему главному герою — Якову Голосу…

Глава 5

За все годы своей жизни в Америке Голос ни одного дня не служил ни в одном государственном учреждении ни на федеральном уровне, ни на уровне штата или мэрии, не работал по найму ни в одной серьезной фирме. Следовательно, сам по себе никак не мог быть источником какой-либо служебной, тем более секретной информации, которая могла бы заинтересовать иностранную, в данном случае советскую, разведку.

Но благодаря личным качествам, природной способности вызывать доверие самых разных людей едва ли не с первой минуты знакомства, той редкой одаренности, которую называют харизмой, у него сложился огромный круг знакомств далеко за пределами естественных тесных контактов с партийными и профсоюзными товарищами. Это быстро уловили и должным образом оценили достаточно опытные и ответственные работники Отдела международных связей Коминтерна и О ГПУ, в том числе и находившиеся там как легально, так и нелегально.

Перед отъездом из Москвы у Якова Голоса было несколько многозначительных встреч и разговоров…

…Весной 1930 года в офис Голоса вошел стройный молодой человек около тридцати лет, на вид — хоть и начинающий, но уже преуспевающий бизнесмен. Повод для визита тривиальный — заказ билета на рейс в Европу. После нескольких минут достаточно нейтрального разговора посетитель, видимо, дождавшись, когда помощница Голоса вышла из комнаты, вынул из кармана обычный незаклеенный почтовый конверт и протянул Голосу:

— Мне поручено передать это вам… Голос раскрыл конверт: в нем лежал обыкновенный мужской галстук, синий в белый горошек… Далеко не новый.

— Вы его забыли в Москве, в номере гостиницы «Националь», — добавил посетитель.

Галстук действительно принадлежал Голосу. И он точно оставил его в Москве, в гостинице «Националь». Только не забыл, а передал сотруднику Иностранного отдела ОГПУ. В качестве вещественного пароля. На будущее…

Посетитель, хоть ему на самом деле было всего тридцать лет, уже считался, и справедливо, в ИНО опытным разведчиком. Звали его Абрам Осипович Эйнгорн (он же Террас Генри, оперативный псевдоним «Тарас»). Родился в Одессе в семье рабочего, сам смолоду работал слесарем на заводе. Участвовал в Гражданской войне. В ЧК — с весны 1919 года. Окончил знаменитый

Восточный факультет Военной академии РККА. По окончании два года по линии ИНО работал в Турции, Франции, Германии, Палестине. Потом еще два года в Италии под прикрытием должности сотрудника полпредства. Занимался в основном научно-технической разведкой. Затем — в Иране под видом латыша, совладельца автомобильного гаража. В 1930 году получил назначение в США, работал здесь с нелегальных позиций под видом бизнесмена. (Именно «Тарас» привлек к сотрудничеству с ИНО ныне известную по литературе разведчицу Китти Харрис[35].)

«Тарас» не только установил первый контакт с Голосом — у него было к тому конкретное и весьма ответственное поручение Центра. Документы! ИНО были необходимы подлинные американские документы, в первую очередь — загранпаспорта. (Внутренних паспортов в США не было никогда. Их с успехом заменяют любые удостоверения — чаще всего водительская лицензия, в наши дни — карточка социального страхования и т. п.)

В Европе с ее бесчисленными границами, порой чуть ли не через каждые сто километров, американские паспорта были настоящими вездеходами, а потому представляли огромную ценность для любой разведки. Величайшим почтением обладатели таких паспортов пользовались у владельцев и управляющих гостиницами, а также у пограничников, чиновников таможенной службы и… полицейских. К тому же в случае возникновения подозрения (такое никогда не исключалось) проверить на подлинность документ, выданный за океаном, было бы куда сложнее, нежели, к примеру, паспорт подданного Греции или гражданина Польши.

Дело в том, что Яков Голос обладал прямо-таки волшебной способностью доставать подлинные американские документы. Этим ему уже приходилось заниматься и раньше, когда, скажем, требовалось отправить за границу по партийным делам своего человека под чужим именем.

В паспортном столе Бруклина, самого многолюдного из всех пяти боро — районов Нью-Йорка, Голос обзавелся приятелем, пятидесятилетним чиновником, обладавшим одним серьезным недостатком: он был прирожденным игроком. Получая достаточно приличное жалованье, он большие суммы проигрывал в карты и в тотализаторе на бегах. Постоянно нуждаясь в наличных, чиновник не видел ничего зазорного в том, чтобы за некоторую сумму, не слишком большую, но и не такую уж и маленькую, помогать своему рыжеголовому приятелю, которого он знал под именем «Джонни», получить желанный документ в

синей обложке под кожу на заранее указанную фамилию.

Схема была простой до изумления. Клерк в Бруклине доставал документы о натурализации и свидетельства о рождении (метрики) и почтой отправлял их в Вашингтон. От клерка зависело главное — он должен был заверить подлинность обосновывающих документов и принять присягу от лица, претендующего на обладание американским гражданством. В Вашингтоне на основании этих документов автоматически выписывался паспорт и также почтой высылался на адрес, указанный заявителем.

В Вашингтоне у бруклинского клерка был напарник, с которым он делился доходами. В результате вся процедура получения заветного документа занимала всего три дня!

В случае надобности Голос доставал и испанские паспорта — через еще одного своего хорошего знакомого, работавшего в Нью-Йорке в консульстве Испании. Не было для Голоса проблем с получением и канадских паспортов — они также пользовались спросом и Коминтерна, и ОГПУ.

Что касается первоначальных документов — свидетельств о рождении и свидетельств о натурализации, то они всегда были подлинными и принадлежали либо когда-то умершим людям, либо лицам, покинувшим Соединенные Штаты. Для их добычи Голосом также была разработана эффективная методика.

Заниматься обеспечением советской внешней разведки надежными подлинными американскими документами Якову Голосу довелось много лет.

Как пишут «Очерки истории российской внешней разведки», «о масштабах этой работы можно судить из следующего сообщения резидентуры, датированного октябрем 1939 года: “В последнее время мы достали через ‘Звука’ (оперативный псевдоним Голоса в Центре. — Прим. авт.) 10 чистых бланков с подписью и печатью муниципалитета, служащих для получения метрик, по которым можно оформить паспорта американских граждан, а также такие же справки без подписи. Более 70 свидетельств о натурализации на лиц различных национальностей, 27 свидетельств о рождении, на основании которых можно также получить паспорта”»[36].

Можно сделать предположение — без особой натяжки, — что и в 40-е, и в 50-е, и в 60-е годы (а может, и позднее) в разных странах мира успешно действовали советские разведчики с этими паспортами…

Итак, оперативное сотрудничество Якова Голоса с ИНО ОГПУ СССР завязалось в 1930 году, однако документальное оформление оперативных отношений с Голосом в виде рапорта на имя

начальника ИНО А. Х. Артузова произошло несколько позднее — в январе 1933 года. Это нормально — подобное оформление производилось в том случае, если отношения из разовых контактов перерастали в регулярное, прочное и полезное для разведки сотрудничество.

Характерной особенностью спецслужб является использование в ее деятельности криптонимов. Криптоним — это псевдоним оперативного сотрудника или агента, а также кодовое наименование операции или программы, важного учреждения или географического пункта. Применяются криптонимы для обеспечения безопасности сотрудников и агентов, а также соблюдения секретности в конкретной работе. Не следует путать криптонимы со сленгом, которым зачастую пользуются в разговорах между собой профессионалы спецслужб. Так, кадровые разведчики системы ОГПУ/НКВД/КГБ называли своих коллег из военного ведомства «соседями», членов зарубежных коммунистических партий — «земляками» и т. п.

Оперативный псевдоним, присвоенный агенту или групповоду в Центре, никогда самому агенту не сообщался — в целях надежного обеспечения его безопасности. Агент же, в свою очередь, сам выбирал себе псевдоним, которым подписывал свои сообщения или использовал для общения со своими субагентами, не знавшими его настоящего имени.

Так, Яков Голос представлялся своим субагентам как «Джон», «Джонни» или «Тимми». Псевдонимы сотрудников и агентов могли время от времени меняться — опять же для надлежащего обеспечения их безопасности при изменившихся обстоятельствах. Например, при перемещении из страны в страну.

Рабочие псевдонимы имели и руководители спецслужб — ими подписывались важные директивы в резидентуры. Так, нарком НКВД СССР Лаврентий Берия подписывался «Павлом», министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов был «Борисовым».

Госдепартамент США именовался «Банком», ФБР — «Хатой», Управление стратегических служб (УСС) — «Избой», сами Соединенные Штаты — просто «Страной», министерство обороны США — «Арсеналом», Вашингтон — «Карфагеном», Сан-Франциско — «Вавилоном», президента Рузвельта именовали «Капитаном», руководителя Компартии США Эрла Браудера — «Рулевым».

Некоторые криптонимы прикрывали настолько секретные операции, что их знали всего несколько лиц. Так, к примеру, одно из самых засекреченных «литерных дел» в истории внешней разведки — физическая ликвидация летом 1940 года в Мексике

личного врага Иосифа Сталина Льва Троцкого — именовалось операцией «Утка»…

«Тарас» — Абрам Эйнгорн, выполнив свою задачу, с горизонта «Звука» (Якова Голоса) исчез. В дальнейшем «Звук» имел дело с другим человеком, которого он знал в лицо и раньше, но не подозревал о его принадлежности к разведке ОГПУ. Это был довольно высокий, костлявый мужчина средних лет, носатый. Все у него было серым: серые пышные волосы, серые глаза, серая кожа, серое пальто, серый костюм, серая шляпа… Звали его доктор Григорий Рабинович, он был главой представительства в Нью-Йорке Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. В США он прибыл под фамилией доктор Роберт Шварц вместе с женой, ставшей сотрудницей «Амторга». На самом деле он был опытным сотрудником ИНО (псевдонимы «Гарри», «Джон Рич», «Робертс» и др.).

Осенью 1932 года Яков Голос познакомился с человеком, занявшим в истории советской внешней разведки особое место, его личность по сей день вызывает интерес у историков и принципиальные споры между разведчиками нынешнего поколения.

Это был крепкого сложения мужчина на вид лет тридцати пяти, с характерным, малость прибитым боксерским носом и короткими, жесткой щеточкой, усиками.

У этого человека, ответственного сотрудника ИНО с 1926 года, было множество имен, фамилий, псевдонимов. Рожден он был в Бобруйске как Лейба Фельдбин. В ОГПУ стал Львом Николаевым, а затем Львом Никольским. В историю мировой разведки вошел под именем «генерала Александра Орлова», потому в дальнейшем, дабы избежать путаницы, будем называть его Александром Орловым. Генералом Орлов никогда не был — генеральские и адмиральские звания в СССР были учреждены лишь в 1940 году. Тогда почему генерал? В 1935 году в НКВД были учреждены персональные специальные звания. Орлову тогда было присвоено звание майора госбезопасности, которое, напомним читателю, было приравнено к званию комбрига в Красной армии. На Западе в ряде стран имелось воинское звание «бригадный генерал», вот Орлова и стали там называть генералом. В том же 1935 году Орлова одним из первых во внешней разведке наградят высшей правительственной наградой СССР — орденом Ленина.

В начале 30-х годов Орлов успешно руководил 7-м отделением ИНО, занимавшимся экономической разведкой, кроме того, он занимался разработкой структур так называемых нелегальных разведцентров. То были создаваемые в ключевых

зарубежных странах нелегальные, то есть подпольные, резидентуры, никак не связанные с дипломатическими и торговыми представительствами СССР в данных странах. (Иначе говоря — с легальными, имеющими дипломатический или иной официальный статус разведчиками.)

Орлов (основной оперативный псевдоним «Швед») имел весьма значительный опыт работы за рубежом, в основном в Германии и Франции. Его лично знали не только руководители ОГПУ/ НКВД Феликс Дзержинский, Вячеслав Менжинский, Генрих Ягода, но и сам Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин. К числу достоинств Орлова следовало также отнести свободное владение немецким, английским и французским языками.

23 сентября 1932 года с паспортом на имя Льва Леонидовича Николаева Орлов прибыл в Нью-Йорк на борту германского парохода «Европа». Поездка была вполне официальной и легальной, так, во всяком случае, полагали тогда еще довольно наивные в вопросах разведки американцы. Советское внешнеторговое ведомство согласовало ее с известной американской компанией «Дженерал моторе» и внесло залог в сумме 300 долларов при получении визы сроком на три месяца.

Действительно, однажды Николаев посетил автомобильный завод «Дженерал моторе» в Детройте. На этом его знакомство с автоиндустрией США и завершилось. Чем он на самом деле занимался в Америке, агенты ФБР не установили и по сей день (кроме того факта, что Николаев записался на годичные курсы английского языка при Колумбийском университете).

Автору доподлинно известно другое. По рассказам сына Голоса Дмитрия, Орлов каждые два-три дня бывал в их квартире в Бронксе на маленькой улочке Марси-Плейс, близ одной из главных магистралей боро — Гранд-Конкорс. Митя хорошо запомнил этого человека, поскольку тот сделал мальчику несколько дорогих, но, главное, интересных подарков, в том числе взрослый велосипед.

Уже после переезда жены Голоса Силии и сына в СССР они жили по соседству с семьей Орлова на даче в поселке Томилино по Московско-Казанской железной дороге. Митя дружил со своей сверстницей, тринадцатилетней больной дочкой Орлова Верой и даже, удивительное дело, сохранил и по сей день ее фотографию.

В День Воздушного флота СССР — отмечался в третье воскресенье августа — в 1936 году Орлов на своей «Эмке» (так в народе называли легковой автомобиль «М-1») отвез детей на аэродром Центрального аэроклуба в Тушино и провел на террасу рядом с правительственной трибуной. Показал Мите на

Генерального секретаря товарища Иосифа Виссарионовича Сталина и народного комиссара обороны товарища Климента Ефремовича Ворошилова… Других вождей мальчик, только-только приехавший в СССР, просто не запомнил…

За время пребывания Орлова в США Голос снабдил его подлинным американским паспортом еще в красной (до замены на нынешнюю зеленую) обложке за № 566042 с печатью Госдепартамента США и за подписью Генри Л. Стимсона, который был выдан 23 ноября 1932 года на имя Уильяма Голдина. На одной из страниц описание внешности владельца паспорта: рост 5 футов 8 дюймов (примерно 173 сантиметра), волосы черные, глаза карие. Также: родился в России 20 июля 1899 года. Род занятий — торговец. На паспорте, естественно, фотография Орлова и его собственноручная подпись как Уильяма Голдина[37].

В доме Голоса Орлов познакомился и с Арнольдом Финкельбер-гом. Тому имеется документальное подтверждение: кроме паспорта на имя Уильяма Голдина Орлов вывез в Москву и подлинный загранпаспорт Арнольда Финкельберга.

30 ноября 1932 года, то есть за месяц до окончания срока действия визы, Лев Николаев на борту лайнера «Бремен» отплыл в Европу. Об этом визите советского разведчика в США американские спецслужбы с изумлением, даже потрясением, узнали лишь спустя четверть века.

…Весной 1933 года кружным путем через Австрию и Швейцарию во Францию с заданием, полученным лично от начальника ИНО Артура Артузова, с целью проникновения во французскую военную разведку была переправлена небольшая оперативная группа в составе всего четырех человек.

Руководителем группы с паспортом на имя американского гражданина Уильяма Голдина был «Швед» — Александр Орлов, его помощником по технике — жена Мария, оперативный псевдоним «Жанна», помощником по оперативной части — «Длинный», молодой разведчик Александр Коротков с документами на имя уроженца Кракова австрийского гражданина Карла Рошецкого[38].

Связником группы, который должен был доставлять полученную информацию шифровальщику советского консульства в Милане, был иностранный гражданин под псевдонимом «Экспресс». Его подлинное имя засекречено и по сей день. «Экспресс» разъезжал по Европе, предъявляя на границах подлинный американский паспорт… Арнольда Финкельберга!

С Рабиновичем Голос работал несколько лет, пока доктора не отозвали в Москву. Дальнейшая его судьба неизвестна. В дела Голоса Рабинович никогда не вмешивался, руководить им даже не

пытался. Его функции сводились к тому, что он получал от «Звука» ту или иную информацию и передавал в резидентуру для дальнейшей отправки в Москву. Опять же — доносил до «Звука» задания Центра всегда в вежливой форме, как своего рода пожелания.

Меж тем в конце 1933 года в США прибыл первый легальный резидент ИНО ОГПУ тридцатидвухлетний Петр Гутцайт. Официально — как сотрудник полпредства СССР в Вашингтоне по фамилии Гусев. Сведений о прямых контактах «Николая» (оперативный псевдоним Гутцайта) не сохранилось, однако некоторые данные, в частности докладная записка Гутцайта руководству, дают основания полагать, что он и Голос были лично знакомы.

В группе Голоса в 1933 году было уже около десяти источников информации, в основном явных и тайных коммунистов.

В 1930 году генеральным секретарем ЦК Компартии США был избран сорокатрехлетний Эрл Рассел Браудер. Это был надежный коммунист, три года отсидевший в тюрьме, по профсоюзной линии проработавший два года в Китае, с декабря 1933 года — член Политического секретариата Исполкома Коминтерна.

Браудер формально не являлся агентом ОГПУ/НКВД, но был своеобразным доверенным лицом советских спецслужб, помогал им в подборе агентов из числа членов КП США. Как уже сказано выше, в переписке ИНО он фигурировал под псевдонимом «Рулевой». Серьезное содействие советским спецслужбам оказывали также русская жена Браудера Раиса (оперативный псевдоним «Ирина»), младшая сестра Маргарет (псевдонимы «Джин», «Анна», «Джин Монтгомери»), младший брат Уильям («Томас»), его жена Роуз.

В 1934 году Яков Голос, несомненно при прямой поддержке Браудера, возглавил Центральную контрольную комиссию Компартии США, то есть фактически по степени влияния стал в партии вторым лицом.

На практике это означало, что Голос получил возможность привлечь к секретному сотрудничеству любого члена Компартии, обладавшего хоть какими-то разведывательными возможностями. Причем он всегда мог в случае надобности сослаться на мнение или даже рекомендацию генерального секретаря ЦК. В ряде случаев — довольно частых — привлеченные к такому сотрудничеству коммунисты даже не подозревали, что работают на советскую разведку, полагая, что передаваемая ими информация необходима Компартии в ее политической деятельности.

К тому времени в Компартии США сложилось два секретных аппарата. Политический аппарат «А» возглавлял Джозеф Петерс, уроженец Венгрии (настоящие имя и фамилия Шандор Голдбергер, псевдонимы «Александр Голдфарб», «Айседор Бурштейн», «Александр Стивенс», «Шандор», «Шторм»). Петерс руководил группой тайных членов партии, работавших в различных федеральных ведомствах в Вашингтоне, и был связан с резидентурой Разведупра. Помощником Петерса был Гарольд Вэр, сын одной из основательниц КП США Эллы Рив Блур, известной в рабочих кругах как «Матушка Блур». Гарольд несколько лет прожил в СССР — возглавлял американский сельскохозяйственный кооператив в Пермской губернии. Был женат на известной журналистке Джессике Смит, редакторе ежемесячного журнала Soviet Russia Today («Советская Россия сегодня»). После возвращения в США служил в управлении регулирования сельского хозяйства (англ. сокр. AAA) министерства сельского хозяйства. В 1935 году Вэр погиб в автомобильной катастрофе. После предательства одного из членов группы, некоего Уиттекера Чемберса («Карла»), Петерс от руководства группой был отстранен.

Несколько позднее все участники группы были переданы из Разведупра в ИНО — на связь Якову Голосу. Под его руководством группа значительно разрослась. Полученная от ее участников, в том числе новых, информация особо важную роль сыграла в ходе Второй мировой войны.

Второй секретный аппарат ЦК КПА — «В» под руководством Якова Голоса занимался уже только разведкой. Аппарат «А» фактически влился в аппарат «В». Посему сами термины аппарат «А» и аппарат «В» утратили какой-либо смысл.

Деятельность Голоса в предвоенные годы не ограничивалась территорией США. По воспоминаниям сына Дмитрия, его отец часто выезжал на довольно продолжительный срок — до нескольких недель — за границу. О географии этих поездок подросток догадывался по подаркам отца по возвращении домой. Так, явно из Германии прибыла замечательная действующая модель подводной лодки, а также модели самолетов, которые надо было самому собрать из деталей, упакованных в большую коробку своеобразного конструктора, из Китая, Индии и Японии в доме появились забавные фигурки, статуэтка Будды, искусно вырезанная из нефрита, другие сувениры. В Китае, знал Митя (тогда, впрочем, еще Милтон), по заданию Голоса поселился и работал его младший брат. Перед вторжением японцев брат успел отплыть из Шанхая последним американским пароходом.

Отец, по воспоминаниям Дмитрия, часто бывал в «Амторге» и

приносил оттуда всякие вкусности: икру, твердую сырокопченую колбасу, шпроты, конфеты «Раковые шейки» и… баклажанную икру, которая тогда в США не производилась.

Надо полагать, что Голос-старший заботился о политическом воспитании сына, потому как часто водил его на митинги и собрания, которые устраивали партия или профсоюзы в Юнион-сквер или огромном крутом Мэдисон-сквер-гарден. В Нью-Йорке на Манхэттене был небольшой кинотеатр «Акми». В нем регулярно демонстрировались советские кинофильмы. Вместе с отцом и матерью мальчик посмотрел там «Путевку в жизнь» и «Чапаева», оба фильма произвели на него огромное впечатление.

В 1935 году Голос совершил очередную поездку в Советский Союз: формально как руководитель «Уорлд Туристе, Инк.» для переговоров с правлением «Интуриста», на самом деле — для встреч с руководством ИНО. Похоже, что именно в ходе этой командировки он решил одну сугубо личную проблему… Если точнее — касательно будущего своей семьи.

В конце июля 1936 года (Дмитрий забыл точную дату, но хорошо помнил, что уже началась Гражданская война в Испании) Силия Голос с сыном на теплоходе «Джорджик» отбыли в Европу. В английском порту Саутгемптон они пересели на советский пароход «Алексей Рыков», на котором прибыли в Ленинград. При прохождении таможенного досмотра в советском порту произошел занятный эпизод. Среди вещей семьи был большой чемодан с книгами. Одна из них — о гитлеровском терроре в Германии — имела красочную суперобложку в виде нацистского красного флага с черной свастикой в белом кругу посредине… Молодой инспектор сразу насторожился, видимо, он решил, что это фашистская книга, ввоз которой в СССР был, разумеется, запрещен.

Трудно сказать, чем бы это закончилось, но тут к инспектору подошел какой-то военный в фуражке с голубой тульей, что-то шепнул ему на ухо, и тот мгновенно захлопнул чемодан. На этом таможенный досмотр, едва начавшись, и закончился. Тот же военный, как потом узнал Дмитрий, в форме НКВД отвез семью в гостиницу «Астория», поселил в хорошем номере и вручил ваучеры «Интуриста» на питание в ресторане.

Через несколько дней тот же сотрудник отвез семью на Московский вокзал и усадил в отдельное купе знаменитого поезда «Красная стрела».

На Ленинградском вокзале в Москве их встретил… Александр Орлов, которого, впрочем, по Америке они знали как Льва Николаева (теперь он был Никольским). Первоначально Голосы жили в гостинице, потом их временно поселили в доме

МОПР (Международной организации помощи революционерам) в Машковом переулке. Здесь мальчик, который в Москве стал Дмитрием Голосом, по отчеству почему-то не Яковлевичем, а Наумовичем, поступил в так называемую Англо-американскую школу на 3-й Мещанской с преподаванием на английском языке. Классом моложе учился Овидий Горчаков, ставший в годы войны фронтовым разведчиком, а после войны известным писателем.

Через год семья переехала в Борисоглебский переулок, здесь Митя поступил уже в обычную московскую школу № 609 в Орлово-Давыдовском переулке, где овладел ко дню ее окончания хорошим русским языком.

Силия Голос начала работать в газете Moscow News («Московские новости»), главным редактором которой был уже упоминавшийся ранее Михаил Бородин. Редакция размещалась тогда в Петровском переулке (бывшая улица Москвина), неподалеку от Пушкинской площади, где теперь находится редакция нынешних «Московских новостей». Позднее Силия Голос работала на ВСХВ — Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

В 1937 году Силия и Дмитрий Голос приняли советское гражданство.

Существует несколько версий, объясняющих, почему Яков Голос решил отправить свою семью в СССР. Сам он объяснял это желанием дать сыну хорошее советское образование.

Оставшись в Нью-Йорке в одиночестве, Голос переехал из своей квартиры в Бронксе в гостиницу типа меблированных комнат на Манхэттене. При этом часть архива переправил к своей сестре.

…Летом 1936 года в Европе, на Пиренейском полуострове, впервые после окончания Первой мировой войны прогремели выстрелы. Однако мало кто тогда понимал, что они возвещали пролог к еще более кровопролитной и ожесточенной Второй мировой войне. В Кремле это понимали. А потому задания руководства страны своим спецслужбам носили вполне определенный характер. Отныне усилия и политической внешней, и военной разведки были направлены в первую очередь на укрепление обороноспособности Советского Союза.

Директива ИНО НКВД СССР резидентурам в США требовала обратить особое внимание на сбор данных по следующим приоритетным направлениям:

«1. Авиация: высокоскоростные самолеты с мощным вооружением и контрольно-измерительная аппаратура к ним. 2. Флот: быстроходные линейные корабли и крейсеры; броневая защита, вооружение, контрольное и навигационное оборудование, аккумуляторы для подводных лодок. 3. Танки: двигатели, броня,

вооружение, приборы. 4. Химия: новое химическое оружие. 5… телемеханика, приборы ночного видения».

Потому именно последующие — они же и последние — семь лет стали самыми насыщенными и плодотворными в жизни и деятельности коммуниста-антифашиста и советского разведчика «Звука» — Якова Голоса.

Его личность — когда это стало на Западе доступным — достаточно высоко оценили и американские обозреватели.

Тот же Дэвид Даллин назвал Якова Голоса одним из трех советских агентов, которые «сумели выделиться умом, энергией, преданностью и решительностью»[39].

Энтони Кэйв Браун и Чарльз Б. Макдональд, авторы фундаментального труда «На Красном поле. Коммунистический Интернационал и канун Второй мировой войны», писали: «Из всех функционеров системы Коминтерна — ОГПУ в Соединенных Штатах Яков Голос был среди самых умных, самых таинственных и самых могущественных»[40] (пер. с англ. — Прим. авт.).

…В первых числах ноября 1937 года Митю неожиданно с урока вызвали к директору школы. В кабинете директор молча протянул мальчику телефонную трубку. Звонил отец из гостиницы «Националь». Он только что приехал в Москву.

Силия и Митя жили тогда за городом, в дачном поселке НКВД. Зимой им пришлось нелегко. В частности, Мите приходилось вставать ни свет ни заря, чтобы успеть на электричку и не опоздать в школу. Узнав об этом, Яков Голос немедленно перевез семью вначале в «Националь», а затем в «Метрополь». Спустя месяц-полто-ра хозяйственники НКВД поселили Силию и Митю в доме номер 2/5 по Орлово-Давыдовскому переулку. На время… Квартира принадлежала крупному разведчику Константину Кукину, уехавшему в длительную загранкомандировку. Много лет спустя Дмитрий узнал, что командировали Кукина в… США! Там он работал под прикрытием должности атташе, а затем второго секретаря полпредства СССР.

Вообще-то за долгие годы жизни в Москве Голосы сменили едва ли не два десятка квартир. Как правило, на одном месте долго засиживаться не приходилось. Как только из загранкомандировки возвращался настоящий владелец квартиры, хозяйственное управление НКВД, а позднее МТБ и КГБ СССР подбирало им очередное временное жилье, пока наконец семья не обосновалась в нынешней квартире на проспекте Мира.

В Москву Голос приехал из Парижа, где как руководитель одной из американских туристических фирм был гостем очередной всемирной выставки. Рассказывал жене и сыну, какое

огромное впечатление произвела на него, как, впрочем, и на многие тысячи других посетителей выставки, грандиозная скульптурная группа из нержавеющей стали «Рабочий и колхозница» Веры Мухиной, венчавшая советский павильон.

7 ноября 1937 года Яков Голос с сыном присутствовал на военном параде и демонстрации трудящихся Москвы на Красной площади.

Вскоре после завершения юбилейных торжеств (а Голос был приглашен и на торжественное собрание в Большом театре по поводу 20-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции) он встретился с начальником ИНО (теперь внешняя разведка называлась 7-м отделом ГУГБ — Главного управления государственной безопасности НКВД СССР), комиссаром госбезопасности второго ранга Абрамом Слуцким[41] и находившимся тогда в Москве легальным резидентом в США майором госбезопасности Петром Гутцайтом[42].

В ходе продолжительной и весьма профессиональной беседы они обсудили политическую и оперативную обстановку в США, наметили перспективы и задачи дальнейшей разведывательной работы в этой стране.

А затем, ничего семье не объяснив, Яков Голос из Москвы исчез. Вернулся лишь в двадцатых числах декабря. Тогда-то и перевез Силию и сына на освободившуюся квартиру Константина Кукина.

По каким-то неуловимым приметам, уже став взрослым, Дмитрий Голос пришел к выводу, что отец этот месяц провел в Испании. Если таковое действительно имело место, то не исключено, что в Испании Яков Голос встречался с Александром Орловым. Их могло и должно было связывать тогда одно общее дело: Голос в США активно занимался отправкой американских добровольцев в Интернациональную бригаду, Орлов же на месте подбирал из них людей, способных и согласных стать агентами советской внешней разведки. Весьма высока вероятность того, что при этом» Швед& в какой-то степени руководствовался рекомендациями <Звука».

В конце декабря 1937 года Яков Голос, как оказалось навсегда, покинул Советский Союз.

…Здесь следует хотя бы вкратце сообщить читателю, что стало с Александром Орловым далее.

20 июля 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило кандидатуру Л. Никольского для направления на Пиренейский полуостров. Предварительно нарком НКВД Генрих Ягода согласовал это предложение лично с Иосифом Сталиным. В Испанию Никольский под фамилией Орлов направился в

сентябре как сотрудник советского полпредства — атташе по политическим вопросам, фактически же как полномочный резидент НКВД и главный советник при правительстве республики по вопросам безопасности и контрразведки. В частности, он участвовал в организации республиканской службы безопасности. По указанию Сталина Орлов организовал вывоз в Советский Союз на хранение золотого запаса республики на сумму свыше 300 миллионов долларов США. Как раз в декабре 1937 года, когда Голос, видимо, находился в Испании, Орлов организовал в Барселоне секретную разведывательную школу.

В июле 1938 года Орлов неожиданно получил приказ срочно выехать в Антверпен и на борту советского парохода «Свирь» встретиться с представителем Центра. Полагая не без оснований, что на пароходе его ждет арест, а затем расправа в Москве, Орлов с женой и дочерью бежал на Запад. В дальнейшем жил в США в Кливленде, штат Огайо, под именем Александр Берг. Дочь Вера, с рождения страдавшая от неизлечимой в те времена болезни сердца, там и скончалась совсем молоденькой.

Зная мстительность Иосифа Сталина и реальные возможности боевиков НКВД, Александр Орлов написал письмо наркому Николаю Ежову, отлично понимая, что тот непременно ознакомит с ним Иосифа Сталина на предмет получения от вождя соответствующих указаний. В письме Орлов обещал никогда, ни при каких обстоятельствах не выдавать контрразведке западных стран известных ему советских разведчиков. А знал Орлов имена, псевдонимы, адреса, формы прикрытия, характер деятельности до шестидесяти нелегалов и особо ценных агентов, в том числе легендарного ныне Кима Филби, оператором которого был уже и в самое последнее время, находясь в Испании. От наркома, а фактически от Сталина Орлов требовал одного: оставить в покое его семью и не трогать оставшуюся в СССР престарелую мать жены.

Письмо заканчивалось так: «…Я хочу, чтобы Вы по-человечески поняли всю глубину переживаемой мною трагедии преданного партийца, лишенного партии, и честного гражданина, лишенного своей родины…

Помните всегда, что я не изменник партии и своей страны. Никто и ничто не заставит меня никогда изменить делу пролетариата и Сов. власти. Я не хотел уйти из н[ашей] страны, как не хочет рыба уйти из воды. Но преступные деяния преступных людей выбросили меня, как рыбу на лед… По опыту других дел знаю, что Ваш аппарат бросил все свои силы на мое физическое уничтожение. Остановите своих людей! Достаточно, что они ввергли меня в глубочайшее несчастье, лишив меня

завоеванного моей долголетней самоотверженной работой права жить и бороться в рядах партии, лишив меня родины и права жить и дышать одним воздухом совместно с советским народом.

Если Вы меня оставите в покое, я никогда не стану на путь, вредный партии и Сов. Союзу. Я не совершил и не совершу ничего против партии и н[ашей] страны.

Я даю торжественную клятву: до конца моих дней не проронить ни единого слова, могущего повредить партии, воспитавшей меня, и стране, взрастившей меня.

ШВЕД».

Удивительное дело — впрочем, удивляться особо не приходится (Иосиф Сталин всегда был прагматиком) — условия Александра Орлова были приняты.

В свою очередь обещание выполнил и Орлов. В книге «История сталинских преступлений», вышедшей в США в 1954 году, он описал только те события и их участников, которые уже не являлись ни для кого секретом.

Скончался Лейба Фельдбин-Никольский-Орлов-Берг в США в апреле 1973 года в возрасте семидесяти восьми лет.

Нынешняя Служба внешней разведки Российской Федерации не считает «Шведа» ни предателем, ни перебежчиком. Он и в самом деле никого не предал и ни к какой враждебной по отношению к Советскому Союзу иностранной спецслужбе не перебегал. Скорее это государство предало его и вынудило к бегству как единственной оставшейся форме самозащиты…

Глава 6

…Еще раз вернемся назад — на восемнадцать месяцев. В ночь на 18 июля 1936 года диктор радиостанции в городе Сеута произнес злосчастную фразу, вошедшую в историю Европы XX столетия: <Над всей Испанией безоблачное небо». Фраза была банальной, поскольку безоблачное небо в середине июля над этой частью Пиренейского полуострова — слишком обычное явление, чтобы по этому поводу выходить в эфир. И все же, приходится повторяться, она вошла в историю. И не только историю Испании, Европы, но, пожалуй, всего мира.

Потому как фраза была условным сигналом к давно готовящемуся мятежу во главе с генералом Франсиско Франко (вскоре провозгласившим себя каудильо и генералиссимусом[43]) против республиканского правительства Испании. Вспыхнувшая трехлетняя Гражданская война, закончившаяся поражением республиканцев, и стала, по признанию многих историков, прологом ко Второй мировой войне. Во всяком случае — первой открытой схваткой не только республиканцев, но тысяч добровольцев-интернационалистов из многих стран с фашизмом. И не только испанским, но и германским, и итальянским. Поскольку на стороне мятежников воевали воинские подразделения, направленные Гитлером и Муссолини в поддержку своего испанского единомышленника.

Принять участие в сражении с фашизмом изъявили желание и тысячи американцев, и вовсе не только коммунисты, но люди, придерживающиеся иных политических воззрений, разного этнического происхождения, принадлежащие к различным религиозным конфессиям, а также атеисты. Их объединяла высокая цель — помочь республиканской Испании в неравной схватке. Именно неравной: войска мятежников были куда лучше организованы и обучены, к тому же Италия и Германия их щедро обеспечивали вооружением (в том числе тяжелым — артиллерией и танками, а также самолетами), боеприпасами, военным снаряжением.

Западные демократии фактически предали законное республиканское правительство Испании, сделав лицемерное заявление <<о невмешательстве во внутренние дела» страны. Это псевдоней-тралистское решение на самом деле означало активное воспрепятствование оказанию Испании военной помощи, которую с самого начала стал осуществлять Советский Союз. Как вооружением, так и военными специалистами, в первую очередь летчиками и танкистами, вынужденными добираться в

страну нелегальными путями.

Военные корабли Италии и Германии блокировали порты республики, незаконно досматривали направляющиеся в них иностранные суда еще в открытом море. И не только блокировали, но и обстреливали. Так случилось, к примеру, с советским сухогрузом «Комсомолец».

Добровольцам из США добираться в Испанию было вдвойне труднее, чем европейцам. Им требовалось преодолеть еще и Атлантику.

В США был сформирован Объединенный комитет поддержки борьбы против фашизма в Испании. Это движение поддержали такие знаменитые американцы, как физик Альберт Эйнштейн, художник Рокуэлл Кент, писатели Эптон Синклер, Синклер Льюис, Лилиан Хеллман, Теодор Драйзер, композитор Джордж Гершвин, кинорежиссер и киноактер Орсон Уэллс, популярнейший киноактер и танцор Джин Келли и др.

Около трех тысяч молодых американцев и американок изъявили желание принять личное участие в боях на стороне республиканцев. Возглавил это движение известный журналист и карикатурист — коммунист Роберт Майнор.

Американцы образовали два добровольческих батальона: имени Джорджа Вашингтона и Авраама Линкольна.

Был также сформирован батальон имени Маккензи[44]—Папино[45], считавшийся канадским, но на самом деле половину его личного состава составили американцы. Эти три батальона вошли в XV Интернациональную бригаду. Вскоре батальон имени Джорджа Вашингтона, с самого начала самый малочисленный, понес серьезные потери и влился в состав батальона имени Авраама Линкольна.

В Испании была еще артиллерийская бригада имени Джона Брауна. Кроме того, 124 американца и американки принимали участие в боевых действиях в качестве врачей, медсестер, техников медицинского оборудования и шоферов санитарных машин.

Волонтеры прибывали из всех штатов страны, среди них были шахтеры, моряки, студенты, торговцы, художники, профессиональные спортсмены, безработные и даже танцоры.

В Испании было образовано первое в истории США расово интегрированное воинское подразделение, в большинстве своем из лесорубов, которым командовал темнокожий офицер-коммунист.

Уехал в Испанию в качестве журналиста на стороне республиканцев и знаменитый американский писатель Эрнест Хемингуэй, посвятивший этим событиям, в частности участию в

них американских волонтеров, один из своих лучших романов — зПо ком звонит колокол».

За три года Гражданской войны в Испании американцы из примерно 2800 бойцов потеряли убитыми около 750 человек. В процентном отношении это превышает потери американских войск во Второй мировой войне!

Значительная часть американских волонтеров получала проездные документы и переправлялась затем через Атлантику при посредничестве… «Уорлд Туристе, Инк.». Многих, во всяком случае почти всех коммунистов и некоторых комсомольцев, оформлял лично Яков Голос.

Трудно сказать, когда именно, при каких обстоятельствах пришла ему в голову блестящая идея.

Желанной добычей любой спецслужбы мира являются подлинные иностранные паспорта и иные документы, идентифицирующие личность: свидетельства о рождении, о браке, школьные аттестаты и дипломы высших учебных заведений, членские билеты профсоюзов, различных ассоциаций, даже спортивных клубов. Применительно к США — свидетельства о натурализации.

Разумеется, каждая спецслужба располагает соответствующими лабораториями, где мастера своего дела могут изготовить почти неотличимый от оригинала любой или почти любой документ. Однако только подлинные «сапоги» (так на жаргоне спецслужб называют паспорта) с подлинными печатями, датами, подписями должностных лиц могут обезопасить их нового владельца-разведчика от провала.

Готовя людей к отправке в Испанию, Голос получил возможность изучить, подержать в руках в полном смысле слова массу подлинных документов разного рода. То было настоящее богатство.

Хорошая идея, как зачастую водится, сама же подсказала путь ее воплощения в действительность. Дело в том, что многие добровольцы могли позволить себе роскошь отправиться на войну в Испанию только под чужим именем. У каждого на это были собственные, всегда обоснованные причины. Чаще всего — страх потерять работу по возвращении или подвергнуться какой-либо иной дискриминации. Для Голоса такой факт означал, что эти люди в своих настоящих документах в данное время не нуждались и были готовы с ними расстаться. Некоторые — навсегда.

Как это проделывал Голос технически — навсегда останется тайной. Во всяком случае он никого (кроме администрации США) не обманывал. Итог — весьма внушителен. В его распоряжении —

следовательно, в распоряжении советской разведки и Отдела международных связей Коминтерна — оказалось около двухсот подлинных американских паспортов, а также свидетельств о рождении и натурализации и некоторых других документов разной степени ценности, но всегда нужных [46].

…Вечером 19 июля 1937 года в знаменитом зале Мэдисон-сквер-гарден в Нью-Йорке состоялся грандиозный митинг: 20 тысяч человек собрались здесь, чтобы выразить свою солидарность с испанскими республиканцами. Это был самый большой митинг такого рода в городе-гиганте за год, что длилась Гражданская война на Пиренеях. В числе других ораторов с речью от имени Компартии США выступил и Эрл Браудер.

Яков Голос, разумеется, не мог пропустить такое мероприятие, но по своему обыкновению старого конспиратора держался подальше от трибуны, стараясь ничем не выделяться в толпе. В зале хватало знакомых лиц, но его внимание невольно привлекла молодая пара — не только потому, что стояла рядом, но и тем, как они жадно слушали каждое слово ораторов, как горячо аплодировали именно Эрлу. Молодому человеку на вид было лет двадцать семь, он был высок, красив, статная фигура выдавала хорошего спортсмена. Девушка была лет на пять моложе, с круглым личиком явно славянского типа. Вряд ли ее можно было назвать красивой, но она прямо-таки излучала обаяние, сама того не сознавая.

Возможно, Яков так бы и забыл эту мимолетную встречу, даже не встречу, а всего лишь случайное соседство, если бы через несколько дней этот молодой человек не явился к нему в «Утюг» с просьбой направить его в Испанию.

Ему точно было двадцать семь лет. Родители его были люди далеко не богатые, а становление юноши и вовсе пришлось на годы Великой депрессии. И отец и мать придерживались радикальных взглядов, подросток же полностью разделял революционные убеждения родителей. Однако первой его любовью стала все же не политика, а футбол. В средней школе «Джеймс Монро»[47] он играл правого защитника.

Эта команда в 1927 году поразила Нью-Йорк тем, что завоевала первенство в Бронксе всего лишь на второй год после своего создания.

После окончания средней школы Моррис провел два года в отделении Нью-Йоркского университета на Вашингтон-сквер по курсу журналистики. Однако грянула депрессия, отец далее не смог оплачивать учебу Морриса и его брата Артура. Однако Моррис не вернулся в овощную лавку родителя, в которой

помогал ему с девяти лет. Теперь он зарабатывал на жизнь в качестве тренера по легкой атлетике в колледже (впоследствии переименованном в университет штата) в Старквилле, Миссисипи.

Здесь не было своей футбольной команды, и Моррис взялся создать ее в роли играющего тренера. По отзывам тогдашних свидетелей его игры, он вполне мог бы стать высококлассным профессиональным спортсменом. Однако в одной из игр Моррис серьезно повредил колено — это стало концом его карьеры футболиста. Но он продолжал работу в качестве тренера, одновременно занимаясь журналистикой в университетской газете и посещая… драмклуб.

Затем Моррис покинул Миссисипи и перешел на тренерскую работу в университет Иллинойса. К этому времени он уже был членом Молодежной коммунистической лиги, а затем и Компартии США. Моррис гордился, когда вместе с другими товарищами по Лиге они устроили в университете кооперативный ресторанчик, который могли посещать и белые, и темнокожие студенты.

В 1935 году Моррис вернулся в Нью-Йорк, вновь стал посещать занятия в Нью-Йоркском университете, чтобы завершить прерванное образование. Тогда же он стал организатором одной из местных ячеек Компартии в Бронксе.

К этому времени в силу ряда причин многие члены Компартии стали пользоваться псевдонимами. Потому девушке-польке, с которой Моррис познакомился на митинге в Мэдисон-сквер-гарден, он представился как «товарищ Брюс Пикетт». Она же назвалась своим настоящим именем: Леонтина Петке, для друзей просто Лона.

Голос вспомнил, почему ему так знакомо лицо молодого человека помимо соседства на митинге. Еще в феврале он оформлял для него поддельный паспорт — вскоре после того как пришло достоверное известие о гибели нескольких десятков американских волонтеров в Испании.

Вашингтон официально объявил о своем нейтралитете в испанских событиях, потому правительство объявило поездки в Испанию американских граждан незаконными. Но даже с фальшивыми паспортами волонтеры напрямую попасть в Испанию не могли. Они плыли во Францию, а оттуда по тропам контрабандистов переправлялись через Пиренеи.

Через неделю после памятного митинга молодой человек с поддельными документами на имя Израэля Пикета Альтмана в составе группы из семнадцати волонтеров отплыл во Францию.

В Испании Альтман был зачислен в третий взвод четвертой

роты батальона имени Маккензи-Папино. Кроме обычного солдатского долга на него также были возложены обязанности политического организатора в своем подразделении.

Всего через два с половиной месяца после пребывания на фронте Альтман в бою под Фуэнтес де-Эбро был ранен пулеметной очередью в обе ноги. Последующие четыре месяца он провел в госпитале. Впоследствии товарищи по Интербригаде вспоминали, как мужественно Альтман переносил мучительные перевязки, умудрялся при этом шутить с врачами и медсестрами, поддерживал бодрый дух соседей по палате.

После выздоровления Альтмана вызвал к себе плотный мужчина средних лет, одетый в военную форму без знаков различия, однако что-то сразу выдавало в нем офицера высокого ранга, хотя и явно не испанца. Назвался — «товарищ Браун». К удивлению Альтмана, когда они остались наедине, мужчина обратился к нему по его настоящей фамилии — Моррис Коэн.

Незнакомым офицером был Александр Орлов. «Швед» предложил Моррису пройти обучение в секретной школе на окраине Барселоны. Здесь под руководством советских инструкторов готовили специалистов диверсий, саботажа и разведки. Успешно пройдя курс общей подготовки в школе, Моррис уже в другом месте, на изолированной вилле, освоил работу на коротковолновой рации, проявив при этом недюжинные способности оператора. В апреле 1938 года Морриса прикрепили к штабу Интербригад в Альбасете, затем несколько месяцев он служил в специальном разведывательном подразделении.

Так началась долголетняя работа Морриса Коэна («Луиса») в советской внешней разведке.

«Швед» вышел на Морриса и еще на нескольких бойцов, будучи о них заранее хорошо информирован. Данные на них как возможных кандидатов на привлечение к сотрудничеству он получил от резиден-туры ИНО в США. В свою очередь оперативные сотрудники рези-дентуры получали их от «Звука» и некоторых других источников.

В декабре 1938 года на пароходе «Ансония» перед самым захватом франкистами Барселоны Моррис отплыл в Нью-Йорк. Перед отбытием из Испании Моррис получил от своего советского куратора вещественный пароль — половину сломанной расчески…

28 марта 1939 года войска интервентов и Франко вступили в Мадрид. Месяцем раньше Англия и Франция поспешили заявить о разрыве дипломатических отношений с республиканским правительством Испании и признании правительства Франко.

Многие американцы, ветераны Интербригады, были

убеждены, что если бы президент Рузвельт вмешался своевременно в события на Пиренеях, помог бы республиканцам отбросить войска Франко, это стало бы грозным предупреждением фюреру и рейхсканцлеру Германии Гитлеру и, возможно, могло бы предотвратить Вторую мировую войну. Разумеется, это наивное рассуждение, но все же зерно истины в нем содержится…

В Нью-Йорке Моррис устроился на работу охранником в советский павильон на Всемирной выставке в Нью-Йорке, кроме того, он подрабатывал уборщиком в кафетерии и на кухне «Амторга». Следует отметить, что в Америке, особенно в трудные годы, люди даже с хорошим образованием никогда не чурались самой черной работы. В любом случае в моральном отношении все же лучше было работать уборщиком, нежели получать пособие по безработице, тем более что каждый американец знал и помнил притчу, что якобы многие миллионеры начинали свою карьеру уличными продавцами газет или чистильщиками обуви.

Однажды к столику Морриса подсел молодой симпатичный человек, невысокий, с темными вьющимися волосами и грустными выразительными глазами. Они поболтали о том о сем. Прощаясь, молодой человек — он назвался Сэмом, стажером из Москвы — что-то незаметно подсунул под лежащую перед Моррисом салфетку. Когда тот ушел, Моррис обнаружил под салфеткой вторую половинку сломанной расчески.

Так произошло знакомство Морриса Коэна со своим первым советским куратором в Америке Семеном Марковичем Семеновым (оперативный псевдоним «Твен»).

Семенову в ту пору не было и тридцати лет, но он уже был достаточно опытным, а главное — талантливым разведчиком. В 1936 году он окончил Московский текстильный институт по специальности «инженер-энергетик». Без какого-либо принуждения, из природной любознательности изучил английский и французский языки. В 1937 году Семенова направили на работу в органы НКВД, а в 1938 году командировали в США. В 1939–1940 годах он стажировался в знаменитом Массачусетском технологическом институте, по окончании стажировки работал по линии НТР в нью-йоркской резидентуре под прикрытием должности инженера, закупочного представителя «Машинимпорга» в «Амторге»[48].

В Нью-Йорке Моррис восстановил знакомство с Лоной Петке. В 1941 году, по странному совпадению в день нападения Германии на Советский Союз — 22 июня — произошла их помолвка, а затем и свадьба.

Так возникла прославленная ныне супружеская пара

выдающихся советских разведчиков Морриса и Леонтины Коэн («Волонтеры», «Луис» и «Лесли»). Они же — в период работы в Англии уже в послевоенные годы с разведчиком-нелегалом Кононом Молодым (под именем Гордона Лонсдейла, оперативный псевдоним «Бен») — супруги Питер и Хелен Крогеры.

Проделанная ими в пользу Советского Союза работа и по сей день остается государственной тайной России. Однако не является секретом тот факт, что именно «Лесли» в начале 40-х годов (Моррис в это время был призван на службу в американскую армию — уже в разгаре была Вторая мировая война) доставала, рискуя многолетним тюремным заключением, а может быть, и жизнью, особо ценные материалы из Лос-Аламоса о конструкции первой американской атомной бомбы.

Моррис и Леонтина Коэны посмертно стали первыми советскими разведчиками иностранного происхождения, удостоенными звания Героя Российской Федерации. При жизни они были награждены советскими орденами Красного Знамени и Дружбы Народов.

…В разгар Гражданской войны в Испании отделение Федерального бюро расследований (ФБР) в Детройте получило информацию о том, что Коммунистическая лига молодежи и другие левые организации ведут набор волонтеров в Интербригаду. В январе и апреле 1938 года это дошло до криминального отдела министерства юстиции. В декабре 1939 года неповоротливая машина министерства дала санкцию на расследование. Выяснилось, что в Детройте вышеназванной работой руководил Филипп Раймонд, кандидат от Компартии на выборах губернатора штата Мичиган 1937 года. Было установлено агентурным путем, что Раймонд оплачивал все расходы волонтеров, включая медицинское обследование, а также билеты на автобус и железную дорогу до Нью-Йорка. Дальнейшее расследование показало, что все эти немалые суммы возмещал затем… глава фирмы «Уорлд Туристе, Инк.» Яков Голос!

Министерство юстиции расценило эту практику как уголовно наказуемое нарушение федерального закона, запрещающего формирование на территории США иностранных воинских подразделений. На самом деле волонтеры не были иностранцами, и формировали они вовсе не иностранную воинскую часть, а подразделение добровольцев, точнее — группу таковых. Подразделением им еще только предстояло стать по прибытии в Испанию. Международное право запрещало лишь наемничество, но не добровольное участие в боевых действиях за границей на идейной основе солидарности с одной из воюющих сторон.

Примечательно, что когда много лет спустя в Майами из кубинских иммигрантов, то есть иностранцев, а не граждан США, формировались отряды для высадки на остров с целью свержения правительства Фиделя Кастро, американские законники не обратили на это никакого внимания. Хотя велась настоящая откровенная вербовка при прямой финансовой и прочей поддержке американских же властей. Весьма типичное для американцев (даже на бытовом, обывательском уровне) проявление двойного стандарта при оценке того или иного явления или события…

Уже в феврале 1940 года, то есть когда Гражданская война в Испании закончилась и оставшиеся в живых американцы — бойцы Интербригады вернулись на родину, агенты ФБР вломились в штаб-квартиру национального командира ветеранов бригады имени Авраама Линкольна[49], майора республиканской армии Мильтона Вольфа в Нью-Йорке на Западной 42-й улице, 55.

Рейд, однако, завершился пшиком. Привлечь кого-либо к уголовной ответственности за нарушение пресловутого закона ФБР так и не удалось. Последовавшее вскоре вступление США в войну против Японии и Германии положило конец преследованию ветеранов (как оказалось, всего на несколько лет). Оно утратило какой-либо смысл уже потому, что многие ветераны либо были призваны в армию США, либо вступили в нее добровольно.

В октябре 1939 года с «Уорлд Туристе, Инк.» произошла странная история, в какой-то степени не нашедшая однозначного толкования и по сей день. Началась она с привлечения к уголовной ответственности генерального секретаря ЦК Компартии США Эрла Браудера.

Повод был серьезный. Браудера уличили в том, что он неоднократно нелегально выезжал за границу по поддельному паспорту. При этом было установлено, что каждый раз он пользовался услугами «Уорлд Туристе, Инк.».

Поскольку власти не сомневались, что компания была ширмой Компартии США, то для последней все это могло иметь самые серьезные и весьма неприятные последствия. В данной ситуации на конфиденциальной встрече партийного руководства было решено, что Яков Голос примет на себя всю ответственность за нарушение законодательства, сыграв тем самым роль своего рода «козла отпущениям.

20 октября 1939 года в офис «Уорлд Туристе, Инк. м нагрянули представители министерства юстиции, Государственного департамента и маршала Соединенных Штатов[50] с повесткой о вызове в суд. Все документы компании

подверглись кропотливому изучению детективами, пишущие машинки опечатали, у дверей выставили охрану, чтобы воспрепятствовать выносу или уничтожению улик.

Самому Голосу в последующие дни пришлось около двадцати раз давать показания и объяснения Большому жюри[51]. При этом предъявленные арестованные документы доставлялись к месту разбирательства на двух грузовиках. Изучению подверглись также все зафиксированные телефонные звонки из офиса «Уорлд Туристе, Инк.».

В конце концов, генеральный атторней (прокурор) Федерального окружного суда Фрэнк Мэрфи предъявил Якову Голосу обвинение в нарушении так называемого «Акта Вурхиса», в соответствии с которым все иностранные учреждения обязаны были в этом качестве регистрироваться в министерстве юстиции, а их руководители, соответственно, как иностранные агенты.

Тут имела место явная натяжка: «Уорлд Туристе, Инк.» не являлась иностранным агентством, это была американская фирма, не зарегистрированный филиал советского «Интуриста», а всего лишь имеющая с ним деловые, партнерские отношения.

Иными словами, применение «Акта Вурхиса» в данном случае было чистой воды крючкотворством, американская Фемида, не обнаружившая в деятельности компании какого-либо криминала, спасала свое лицо, а Голос шел на компромисс, соглашаясь на так называемую судебную сделку, выполняя свои обязательства перед руководством партии.

5 марта 1940 года нарком внутренних дел СССР докладывал руководящей «тройке» советского государства — Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Иосифу Сталину, Председателю Совнаркома СССР Вячеславу Молотову и наркому обороны Маршалу Советского Союза Клименту Ворошилову — о начале судебного процесса по делу «Уорлд Туристе, Инк.».

Этот факт уже сам по себе говорит о многом. На таком уровне докладывалась информация только высшей степени важности.

Поскольку Голос формально признал себя виновным, судья на основании достигнутого с ним соглашения уже единолично вынес относительно мягкое решение: 14 марта 1940 года Яков Голос был приговорен условно к тюремному заключению на срок от четырех месяцев до одного года[52] и штрафу в размере 500 долларов. На такую же сумму была оштрафована и фирма «Уорлд Туристе, Инк.». (Следует иметь в виду, что тогдашний доллар США по своей покупательной способности был примерно равен двадцати, а то и больше нынешним.)

28 июня 1940 года конгресс принял еще более жесткий закон — «Акт о регистрации иностранцев», обычно называемый «Актом

Смита». Он усиливал применение уже существующих законов о приеме и депортации иностранцев и требовал снятия отпечатков пальцев иностранцев, проживающих в США. Эта мера, в частности, была направлена против деятельности агентов Коминтерна иностранного происхождения, родившихся за границей, и советских спецслужб. Кто отказывался подчиниться этим требованиям, мог быть обвинен в деятельности, наносящей ущерб интересам и безопасности США, и попасть под уголовное наказание.

Вскоре под именно этот закон был подведен новый куратор Якова Голоса Гайк Овакимян. Но об этом позднее.

В случае же Эрла Браудера никакого компромисса достичь не удалось. На основе неопровержимых доказательств генеральный секретарь ЦК Компартии США 27 марта 1941 года был арестован и осужден на четыре года тюремного заключения. То, как и от кого он получил фальшивый паспорт, Эрл Браудер скрыл и от дознавателей, и на суде. Иначе Яков Голос сидел бы с ним рядом на одной скамье подсудимых за очень серьезное нарушение закона — изготовление и сбыт фальшивых документов. Оформление же билетов на пароход и железнодорожный транспорт преступным деянием не являлось. То была будничная и вполне законная операция, на что «Уорлд Туристе, Инк.» имела официальную лицензию. Сотрудник же фирмы, оформлявший приобретение билетов, не имел, понятно, возможности выяснять, подлинный или поддельный загранпаспорт ему предъявлен. Это прерогатива и обязанность пограничников и таможенников. И уж подавно он не обязан был знать в лицо лидера американских коммунистов.

Год с небольшим Эрл Браудер провел в качестве «гостя государства» в федеральной тюрьме в Атланте, столице штата Джорджия[53].

Полностью отбыть отмеренное ему наказание Эрлу Браудеру не пришлось: 16 мая 1942 года президент США Франклин Делано Рузвельт своей властью освободил его из тюрьмы досрочно[54]

Глава 7

Одним из следствий завершившегося не так уж страшно судебного дела стало то обстоятельство, что Яков Голос прочно и навсегда привлек к себе внимание Федерального бюро расследований, а возможно, и иных властных структур. Голос, разумеется, не был наивным человеком, прекрасно понимал, что как старый член Коммунистический партии должен был давно интересовать ФБР, и, соответственно, всегда держал в уме возможность быть объектом любопытства со стороны ведомства Джона Эдгара Гувера. Теперь же он обязан был помнить об этом ежеминутно и усиливать предельно меры безопасности. Одной из таких мер стало опережение как реальных, так и потенциальных наблюдателей ФБР за своей особой.

К примеру, Голос знал, что «филеры» (он пользовался этим старым термином дореволюционной российской жизни), то есть агенты наружного наблюдения, если таковое ведется, берут на заметку и проверяют каждый его даже мимолетный контакт в учреждениях, магазинах, аптеках, часовой мастерской, в кинотеатре, просто на улице — даже при обычной покупке утренней газеты. Теперь он ежедневно умышленно, не «проверяясь», обозначал эти «контакты» на каждом шагу. Каждый день десятки, а может, и сотни мимолетных, а то и не мимолетных соприкосновений с различными людьми. В том числе с посетителями своего офиса, с должностными лицами тех учреждений, куда ему приходилось обращаться вполне официально, и обмен пустячной репликой со случайным попутчиком в вагоне сабвея (Нью-Йоркской подземки). Поди проверь, кто из этого множества был случайным контактом, а кто — его агентом или источником информации.

Разумеется, более серьезные, не минутные встречи со своими людьми Голос обставлял достаточно строго и обстоятельно, оставляя агентам ФБР густые подозрения, но не давая им ни одной зацепки, способной стать обоснованием для предъявления ему обвинения в шпионаже. «Звук» понимал возможности ведомства Гувера и относился к ним уважительно.

18 февраля 1941 года агенты ФБР засекли — впервые! — встречу Якова Голоса с Гайком Овакимяном, за которым уже вели некоторое время наблюдение как за установленным советским разведчиком. Установили такой факт, ну и что? Встреча никак Голоса скомпрометировать не могла. В ФБР прекрасно знали, что по роду своей деятельности Голос часто посещал и генеральное консульство Советского Союза в Нью-Йорке, и различные отделы

«Амторга», следовательно, был знаком со многими советскими сотрудниками. Это же относилось и к Овакимяну, у которого за долгие годы работы в США также образовался обширный круг знакомых американцев. Не все же они были его агентами!

Более того, Овакимян никак не мог не быть знаком с Голосом лично хотя бы потому, что, отправляясь в отпуск на родину, оформлял билеты на пароход в… «Уорлд Туристе, Инк.», как и десятки его коллег!

Теперь самое время ознакомить читателя с тем, что представляло собой в те годы Федеральное бюро расследований. Поскольку ни в одной западной стране аналогичного учреждения по своей истории, целям деятельности и полномочиям нет.

Дело в том, что в США никогда не существовало — так уж сложилось исторически — общенациональной, централизованной полиции. Она всегда была разобщенной, поскольку принадлежала штатам, графствам, городам и в своей деятельности руководствовалась не федеральным, а местным законодательством. К примеру, детектив из Нью-Йорка не имел права совершать какие-либо оперативноразыскные действия, тем более аресты, всего лишь переехав мост Джорджа Вашингтона через Гудзон и оказавшись тем самым в другом штате — Нью-Джерси!

Поразительный, малоизвестный в России факт. Когда в ноябре 1963 года в Далласе был убит президент Джон Кеннеди, то представителям федеральных властей пришлось тайно, под покровом ночи вывезти тело покойного в Вашингтон. Потому как расследовать совершенное преступление надлежало властям штата Техас, поскольку убийство являлось преступным нарушением не федерального закона, а закона штата. Всего лишь… Позднее в законодательство было внесено здравое изменение. Ныне покушение на жизнь президента США расследуют соответствующие федеральные власти[55].

Предшественником ФБР был корпус специальных агентов, учрежденный в 1908 году президентом Теодором Рузвельтом и подчиненный министру юстиции и генеральному прокурору Чарльзу Бонапарту, внуку Жерома — младшего брата императора Наполеона. Все агенты были опытными детективами. В следующем, 1909 году новая структура стала именоваться Бюро расследований. Главной задачей Бюро было расследование особо серьезных финансовых преступлений, затрагивающих интересы всего государства в целом, а не только отдельных штатов: фальшивомонетничество, злостное банкротство, мошенничество с землями, рабство и т. п.

Отделения Бюро были открыты во всех крупных городах и

некоторых средних. Работу каждого отделения возглавлял специальный агент, подотчетный не местным властям, а только Вашингтону.

Тут следует заметить, что в спецслужбах нашей страны агентами называют нештатных источников информации, находящихся на связи у кадрового сотрудника разведки, контрразведки или органов внутренних дел и т. д. В Соединенных Штатах агент — это именно кадровый сотрудник той или иной спецслужбы.

Когда началась Первая мировая война, президент Вудро Вильсон возложил на Бюро также ответственность за борьбу со шпионажем, уклонением от мобилизации и саботажем. В этой связи конгресс принял особый «Закон о шпионажем.

Но по-настоящему Бюро развернулось в борьбе с оврагом внутренним»: анархистами, представителями иных радикальных течений, профсоюзными активистами, социалистами и коммунистами, — вообще со всеми «красными». В конце 1917 года заместителем начальника одного из отделов Бюро был назначен двадцатидвухлетний выпускник университета Джон Эдгар Гувер. На службе в этом ведомстве Гувер пережил десять президентов США — от Вильсона до Никсона, причем восьмерых последних — на посту руководителя Бюро. Директором Бюро Гувер был назначен в декабре 1924 года и оставался в этой должности сорок восемь лет, вплоть до своей смерти в 1972 году. Рекорд этот уже никогда не будет превзойден, поскольку в наше время срок пребывания на этом посту не может превышать десяти лет.

В июле 1935 года президент Франклин Делано Рузвельт преобразовал ведомство в Федеральное бюро расследований (ФБР). Еще через год он поручил Гуверу негласное наблюдение за всеми оппозиционными партиями и организациями, способными, по мнению того (а мнение Гувера в данных вопросах было намного шире президентского), представлять угрозу Соединенным Штатам.

Кадровые сотрудники ФБР называются федеральными агентами, на полицейском жаргоне просто «федералами». Население часто называет их «дж-менами» — сокращение от «government men», то есть «люди правительства».

Джон Эдгар Гувер никогда не был женат, и все его жизненные интересы замыкались исключительно на работе. Надо отдать ему должное, за отведенные ему почти полвека он создал весьма эффективную спецслужбу. В соответствии с существующими законами в компетенцию ФБР входит соответствующая деятельность только на территории Соединенных Штатов. На

практике это правило неоднократно нарушалось. Разумеется, подобные «отдельные» исключения всегда или почти всегда оставались для публики хорошо охраняемыми государственными секретами.

За три месяца до начала Второй мировой войны все государственные структуры по секретному распоряжению президента Рузвельта обязаны были ставить ФБР в известность обо всех случаях, «непосредственно или косвенно относящихся к шпионажу, контршпионажу и саботажу». Тем самым ФБР уже окончательно стало головной контрразведкой страны.

Еще через год — также секретным распоряжением президента — ФБР получило право, ранее запрещенное конгрессом, прослушивать телефонные разговоры людей, подозреваемых в подрывной деятельности.

Формально подчиненный министру юстиции, Гувер в последние годы своей жизни фактически перестал считаться с оным и обо всем, что считал нужным, докладывал лично президенту. Его вес и влияние в администрации Белого дома были столь внушительными, что ни один министр даже не пробовал одернуть своего подчиненного.

Ныне директора ФБР назначает президент США, при этом его кандидатура утверждается сенатом. У директора ФБР имеется только один заместитель и четырнадцать помощников, из которых одиннадцать возглавляют управления ФБР, а трое являются руководителями крупнейших отделений бюро: в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Вашингтоне (в котором расположена и штаб-квартира ведомства). ФБР имеет несколько десятков региональных офисов и несколько сотен менее крупных отделений по всей стране.

Вот с каким монстром должен был сосуществовать Яков Голос. Кроме того, ему нужно было считаться и с некоторыми другими учреждениями США, наделенными властными полномочиями: Службой внутренних доходов (налоговой) министерства финансов, Службой иммиграции и натурализации министерства юстиции, ну и, конечно же, с департаментом полиции Нью-Йорка.

Уже после смерти Голоса в его адрес с советской стороны было высказано немало упреков. В основном ему ставили в вину недостаточное соблюдение железных законов разведывательной деятельности (уточним: с позиции Лубянки).

Отчасти эти упреки справедливы. Тому есть объяснение. Яков Голос никогда не проходил обучение ни в одной разведывательной школе, ни даже на краткосрочных курсах ОГПУ/НКВД. Рядом с ним не было и опытного «дядьки-

наставника», у которого можно было бы набираться ума-разума на ходу.

Голос, правда, обладал и собственным немалым опытом, полученным и в юности, и в последующие годы после образования Коминтерна и Компартии США. Это был опыт профессионального революционера. Однако законы, правила, нормы, требования конспирации революционера-подпольщика хоть и схожи, тем не менее, отличаются от тех, которых должен придерживаться профессиональный разведчик, тем более групповод. Независимо от того, действует он под каким-либо официальным прикрытием или является нелегалом.

Совсем иными принципами руководствуются революционеры и разведчики, когда обзаводятся помощниками. Революционер ищет единомышленников, разведчик — источники информации. (Правда, в обоих случаях возможны, в виде исключения, счастливые совпадения.)

Разведчик может вербовать агентов на материальной основе, может воспользоваться компрометирующими кандидата на вербовку фактами. Для революционера это заказано напрочь. Он должен искать соратников только на идейной основе.

Разведчик-дипломат в силу своего официального положения ограничен в установлении связей и знакомств, в посещении различных учреждений и организаций, в передвижениях не только по стране, но и по городу. Дипломат лишен возможности свободного выбора даже ресторана, тем более какого-либо сомнительного увеселительного заведения, сомнительного даже не с точки зрения контрразведки, но и обычной криминальной полиции или полиции нравов.

Яков Голос мог ездить и ходить куда угодно и когда угодно. В соответствии со своими правами гражданина США он не обязан был давать отчет в действиях никакому полисмену или агенту ФБР, если только не был застигнут с поличным при совершении уголовного преступления.

Дипломат при наличии у властей страны аккредитации против него каких-либо подозрений может быть объявлен «персоной нон грата» без всяких объяснений и выслан из страны в двадцать четыре или сорок восемь часов. Голоса как гражданина США выслать из страны было невозможно, предъявить обвинения ему могли лишь как бизнесмену в случае нарушения каких-либо законов ведения бизнеса, к примеру налоговых.

Круг знакомых и друзей Голоса, в отличие от такового у любого кадрового сотрудника советской внешней или военной разведки, был поистине безграничен. Прежде всего это сотни коммунистов и сочувствующих во всех уголках Соединенных

Штатов. По своему положению председателя Контрольной комиссии Голос, по существу, являлся вторым лицом в Компартии после Браудера и мог взять на заметку любого коммуниста, изучить его личные и деловые качества, оперативные возможности на предмет привлечения к сотрудничеству по линии разведки. При этом он далеко не всегда сообщал потенциальному источнику, что получаемая от него информация предназначалась для советской разведки. В большинстве случаев говорил, что данная информация требуется руководству Компартии. Как правило, такой подход действовал безотказно.

В ряде случаев новые агенты догадывались об истинном положении дела, но делали вид, что ничего не подозревают. Такая игра их устраивала.

Огромные возможности предоставляло и официальное положение Голоса как руководителя туристической фирмы. Хороший психолог, обладавший к тому же, по свидетельству многих знавших его людей, немалым личным обаянием, Голос легко находил среди сотен посетителей «Уорлд Туристе, Инк.» таких, кого можно было на какой-либо основе привлечь к сотрудничеству. Или в качестве настоящих агентов, или же просто источников ценной информации (порой одноразовой), не подозревающих иногда, что делятся важными данными с одним из нелегальных резидентов советской разведки.

Наконец, многие знакомые Голоса были выходцами из бывшей Российской империи, американцами в первом или втором поколении, некоторые — евреями, еще не растерявшими духовных связей с Родиной. Для них Яков Голос был прежде всего своим человеком, с которым они могли разговаривать на не забытом русском языке.

Дэвид Даллин проницательно — отдадим ему должное — подметил: «Выходцы из стран с сильными революционными традициями, пропитанные политическими сантиментами предреволюционной России, они были идеалистами, готовыми к самопожертвованию, с конспирацией в самой их крови»[56].

Советские разведчики, направляемые в 30-е годы в США: Борис Базаров, Петр Гутцайт, Исхак Ахмеров и другие, — как правило, имели опыт легальной и нелегальной работы в Европе: в Германии, Франции, Англии, иных странах. В них издавна существовали хорошо отлаженные, со значительным штатом кадровых сотрудников и разветвленной сетью осведомителей контрразведка, иные спецслужбы. Соответственно, наши разведчики привыкли работать именно в крайне жестких условиях конспирации.

В Соединенных Штатах до поры до времени ничего подобного

еще не было. Пресловутое Федеральное бюро расследований обладало огромным опытом борьбы с организованной преступностью, в том числе так называемой беловоротничковой. Но подлинной контрразведкой ФБР еще только становилось.

В этих условиях, не всегда понятных вышеназванным разведчикам как советским гражданам, Яков Голос, гражданин США, чувствовал себя как рыба в воде.

Посему многим советским разведчикам, только-только прибывшим в США и еще не освоившимся с местными законодательством, традициями и обычаями, наконец, менталитетом коренных американцев, деятельность Голоса казалась недопустимо открытой. На самом деле именно эта «открытость» и позволяла «Звуку» при его энергетике создать огромную, до сих пор до конца не раскрытую сеть агентов и источников информации в разных кругах и слоях общества, в том числе элитных, а также в государственных учреждениях и непосредственном окружении президента Рузвельта.

До поры до времени эта активность сходила Голосу с рук безнаказанно, пока в США в силу изменившейся международной и внутренней обстановки не были, в конце концов, созданы полноценные спецслужбы — и контрразведка, и разведка. Но это произошло позднее, лишь в ходе Второй мировой войны. Проживи «Звук» на несколько лет дольше, он, несомненно, коренным образом изменил бы методы своей работы.

Москву озадачивало еще одно обстоятельство: Голос последовательно и упорно отказывался сообщать кураторам из «легальной» и нелегальной резидентур подлинные имена и прочие данные лично им завербованных агентов и привлеченных источников информации. Только псевдонимы, а также — обезличенно — оперативные возможности и степень достоверности и точности получаемых от них данных. За все время имело место лишь несколько исключений, когда он по объективным причинам должен был передать несколько человек на связь кадровым сотрудникам резидентуры. Так, в частности, произошло с трагически известным ныне Юлиусом Розенбергом (псевдонимы «Антенна», «Либерал»).

Как ни настаивала Москва, «Звук» в этом вопросе был неумолим. Классическую заповедь разведчика — «Береги агента пуще глаза» — он соблюдал свято.

Сотрудники резидентуры неоднократно по этому поводу жаловались на Голоса в Центр. Безуспешно.

Теперь немного теоретических рассуждений. В разведке сотни амплуа. В ней служат люди множества профессий, желательно — наивысшей в своем деле квалификации. Но

непосредственно «в поле» работают считаные оперативные сотрудники. Тут вполне уместно сравнение с пилотируемой космонавтикой. Своеобразная пирамида: на вершине один-два космонавта, но работают в действительности на то, чтобы полет состоялся, многие тысячи большей частью безымянных людей.

Когда мы произносим само слово «разведчик», то в девяноста девяти случаях из ста имеем в виду именно оперативного сотрудника, действующего «в поле», то есть на чужой территории, порой враждебной, а иногда и вовсе вражеской.

Заветная цель такого разведчика — личная вербовка агента, желательно ценного. Многие разведчики весь период загранкомандировки работают лишь с агентами или иными источниками информации, завербованными их предшественниками и им, как своеобразным сменщикам, лишь переданными на связь. Это не трагедия, но все же…

В классической вербовке существует определенное разделение труда. Основывается оно на каких-то личных качествах сотрудников. Хотя, разумеется, бывают исключения в виде невероятного везения. Как и в любом ином деле, основанном на работе с людьми.

Очень условно сотрудников, причастных именно к вербовке, можно поделить на несколько категорий. Первая — наводчики. Они подбирают и изучают кандидата на возможную вербовку с учетом его оперативных возможностей (если таковые отсутствуют, вопрос сразу снимается). Вторая категория — установщики. Они изучают характер, семейное положение, пристрастия, достоинства и недостатки. Прикидывают, на какой основе этот человек может пойти на сотрудничество — на идейной или из сугубо меркантильных соображений. Тут возможны многие варианты. В процессе изучения могут принять участие и другие сотрудники, в том числе по поручению Центра, и нелегалы.

Наконец, делается окончательный вывод: стоит овчинка выделки или нет. КПД, как правило, невелик: из нескольких десятков кандидатов, дай бог, если подойдет один, хорошо — если два.

В случае положительного мнения проводится проверка, иногда и повторная, а то и третья. Только тогда высокое начальство дает разрешение на вербовку. Тогда в дело вступает собственно вербовщик. Главное требование к этому человеку — он должен быть превосходным психологом, тонким и тактичным, хотя, если требуется, способным проявить и жесткость…

Наконец, завербованный агент передается на связь своему куратору, оператору, контролеру, проще — руководителю,

сотруднику легальной или нелегальной резидентуры.

Куратор работает в стране три-четыре года, редко дольше. После его возвращения на родину агент передается на связь его преемнику. Известны случаи, когда агент за годы своей деятельности имел дело с тремя, четырьмя, а то и пятью сотрудниками.

Разумеется, на практике бывают исключения. Когда один и тот же сотрудник и подбирал кандидата, и вербовал его, и работал с ним некоторое время.

Разведчик, завербовавший двух-трех агентов, считается в своей среде уже крепким профессионалом-агентуристом. Вербовка ценного агента, то есть занимающего ответственный пост в правительственном учреждении или имеющего доступ к секретным военным документам армии либо флота или к важным разработкам в военной промышленности и т. п., — это уже высший пилотаж.

За такую вербовку оперативник иногда даже удостаивается правительственной награды, присвоения внеочередного звания, повышения по службе. (Его московское прямое начальство получает аналогичные знаки признания от начальства уже наивысшего — почти всегда.)

Следует признать, что Яков Голос, в гласном штате ИНО не состоявший, посему кадровым сотрудником ОГПУ/НКВД формально не являвшийся, ни специального персонального, ни воинского звания не имевший[57], был настоящим уникумом, как теперь принято выражаться, аналогов в истории мировых спецслужб не имеющим. Число его, говоря профессиональным языком, «связей» за девять лет работы превышает две сотни! Причем, по самым скромным подсчетам, не менее пятнадцати-двадцати агентов можно, несомненно, причислить к ценным или даже особо ценным. Куда уж дальше — у Голоса был надежный агент, занимавший должность помощника самого шефа Управления стратегических служб (УСС), то есть разведки США в годы Второй мировой войны, генерала Донована! Но об этом позже…

В Голосе удачно сочетались все ипостаси агентуриста: он был и наводчиком, и вербовщиком, и установщиком. Плюс ко всему — прекрасно руководил деятельностью своих источников информации, как лично им завербованных, так и переданных ему на связь.

Мотивация вербовки общеизвестна, фактически спецслужбы всех государств во все времена пользовались одними и теми же методами, разница лишь в том, что одни разведки предпочитают один набор «отмычек», другие — другой. Перечень действенных

мотивов можно пересчитать по пальцам: деньги или какая-либо иная форма материального вознаграждения, шантаж, месть начальству за реальные или мнимые обиды, так называемые «медовые ловушки» (возможны как гомосексуальные, так и гетеросексуальные варианты), наконец, идейные мотивы. Имеют место комбинации двух и более мотивов.

Так, можно привести многочисленные примеры, когда убежденные белоэмигранты, бывшие офицеры и даже генералы деникинской армии шли на активное сотрудничество с советскими спецслужбами из патриотических побуждений в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами. Такие люди, даже с княжескими титулами, имелись и в сети Голоса.

Существует еще одна, сравнительно редкая категория агентов — так называемые инициативщики, то есть люди, добровольно, по собственной инициативе предлагающие свои услуги иностранной разведке. Большей частью ими движут два мотива: корыстный, когда, к примеру, инициативщик откровенно предлагает купить у него шифр министерства иностранных дел или военного ведомства, либо также из идейных соображений. К числу последних принадлежал (об этом подробнее дальше) Юлиус Розенберг.

Казалось бы, информация в таком случае сама плывет в руки, радуйся и пользуйся! Ан нет… Работа с инициативщиком требует от разведчика высочайшей осторожности и… проницательности. Возможный источник может действительно обладать особо ценной, а то и бесценной информацией, а может оказаться и авантю-ристом-мошенником. А то и хуже: оказаться «подставой» местной контрразведки. Что чревато весьма серьезными и всегда неприятными последствиями. В том числе и в отдаленном будущем.

Оценить важность и достоверность первой, пробной, доставленной инициативщиком информации на месте, силами резидентуры, не всегда представляется возможным. Особенно в случае, если речь идет о научном или техническом материале. Приходится отсылать его на экспертизу в Центр. На это уходит время.

Что касается многочисленной агентуры Голоса, то достоверно известно одно: в ней были люди разных национальностей, мировоззрения, конфессий, профессий, социальных кругов, но никто из них не сотрудничал с ним (следовательно, с советской разведкой) на материальной основе. В ряде случаев могла иметь место компенсация чисто «производственных» расходов, вроде оплаты железнодорожных билетов или гостиницы при поездках в другие города и т. п.

Более того, в целом содержание агентурной сети Голоса не стоило советской внешней разведке ни ломаного цента! Сам Голос и его семья жили на его жалованье в его же компании «Уорлд Туристе, Инк.», из ее доходов оплачивались и оперативные расходы. И это при том, что основная часть доходов компании достаточно сложным путем переводилась Компартии США, в частности на содержание газеты «Дейли Уоркер». (Правда, за девять лет имели место два-три случая, когда из-за временных финансовых трудностей компании резидентура передавала Голосу некоторые не слишком значительные суммы.)

Когда дела в компании шли хорошо, Голос имел возможность оказывать своим информаторам даже материальную помощь, именно помощь, а не вознаграждение: к примеру, в случае серьезного заболевания, переезда в другой город или просто на новую квартиру. Одному из агентов он оплатил учебу в колледже, дав тем самым ему возможность получить высшее специальное образование. Это пошло на пользу делу: данный агент занимался главным образом сбором научно-технической информации.

Об этом человеке следует рассказать особо и достаточно подробно. Звали его Гарри Голд (псевдонимы «Безумец», «Гусь», «Раймонд», «Арнольд»)…

Его настоящее имя — Генрих Голодницкий. Его родители в поисках лучшей доли перебрались из Украины в Швейцарию. Генрих родился 12 декабря 1910 года в Берне. Вскоре семья оказалась в США, осела в Филадельфии. Как многие иммигранты, выходцы из Восточной Европы, Голодницкие решили сократить и американизировать свою фамилию — стали Голдами. Сын Генрих к тому же превратился в Гарри. Этому человеку — Гарри Голду — предстояло стать одним из ключевых агентов советской разведки в США, задействованных в атомных делах. Он имел и подходящее профессиональное образование, и опыт промышленного шпионажа.

Когда он познакомился с Голосом, ему было лет двадцать пять. Невысокого роста, со склонностью к полноте, Голд носил старомодное двубортное пальто, мешковатый костюм со слишком длинными брюками; похоже, он купил его не примеривая. На круглом лице выделялись огромные печальные глаза…

В бедной еврейской семье читали газету «Джюиш Дейли Форвард» («Передовую еврейскую ежедневную») и симпатизировали социализму. В юности одним из любимых героев Гарри был кандидат в президенты США от Социалистической партии Юджин Виктор Дебс.

Гарри Голд никогда не был членом Коммунистической партии США, но верил, как и многие его американские

соплеменники в те годы, что Советская Россия является единственным местом в мире, где нет антисемитизма. Он знал, что в СССР виднейшие посты в государстве занимали и занимают евреи: Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Лазарь Каганович; и многие евреи стали генералами в Красной армии, и даже сам глава ОГПУ/НКВД Генрих Ягода — тоже еврей…

Вопреки расхожему мнению многих советских, а ныне российских евреев, в США наряду с расизмом всегда существовал и проявлял себя в разных формах — в том числе и самых агрессивных — антисемитизм. И этому нисколько не противоречит важная роль в жизни страны влиятельной и многочисленной еврейской общины, значительное число евреев среди самых богатых людей Америки. Именно антисемитизм толкал тогда многих молодых евреев в Компартию США, объяснял их симпатию к Советскому Союзу, а некоторых побуждал даже сотрудничать с советской разведкой, особенно после прихода в Германии к власти нацистов.

Перебравшись в США, старый Голд столкнулся с жестоким проявлением антисемитизма не только со стороны работодателей, но и своих же коллег по столярной мастерской, рабочих-итальян-цев. У него воровали инструменты или подменяли хорошие на плохие, подбрасывали в клей толченое стекло или умышленно заливали клеем сменную одежду.

С антисемитизмом в школе встретился и Гарри. Его одноклассники, дети таких же бедняков-иммигрантов, но неевреи, всячески дразнили и унижали мальчика, иногда и поколачивали. Потому в школе у подростка друзей не было, как позднее и в университете.

В 1929 году Гарри Голд окончил школу и стал работать лаборантом в Пенсильванской сахарной компании. В сентябре 1930 года он поступил в Пенсильванский университет и на протяжении трех семестров изучал химию и химическое оборудование. Но деньги, накопленные отцом на его обучение, закончились, и Гарри вернулся на предприятие. Увы, ненадолго. То были годы Великой депрессии, и Голда, как и многих других рабочих, выставили за ворота.

Неожиданно Голду повезло. Кто-то из приятелей сообщил, что некто Том Блэк, химик, оставляет свой пост в мыловаренной компании в Джерси-Сити, штат Нью-Джерси, и подыскивает себе замену. Место досталось Голду. Тридцать долларов в неделю помогли ему и его семье в Филадельфии пережить самые тяжелые месяцы Великой депрессии.

Блэк был коммунистом и стал водить молодого человека на партийные собрания. Однако коммунисты показались Голду

какимито закомплексованными неудачниками, и вступать в партию он не стал. Тем не менее его отношение к Советской России от этого не изменилось.

В Î935 году, когда» Новый курс» президента Рузвельта вывел страну из депрессии, Голд вернулся в Филадельфию и вновь поступил на работу в Пенсильванскую сахарную компанию. И тут Блэк обратился к Гарри с неожиданной просьбой — снабжать его закрытой, то есть, по сути, секретной информацией о новой технологии производства сахара, разработанной компанией. Блэк не стал скрывать, что, в свою очередь, передаст эту технологию представителю Советской России для налаживания в государстве рабочих и крестьян современной сахарной промышленности.

Голд не мог отказать Блэку, выручившему его в тяжелые времена, да и возможность помочь народу Советской России пришлась ему по душе. Задание было не таким уж безобидным, как может показаться на первый взгляд нынешнему читателю. Для России сахар всегда был, что называется, сырьем стратегическим. Тростниковый сахар — только импортный, следовательно, дорогой. Свекольный сахар вырабатывался лишь на нескольких предприятиях Украины и юга России. Его было мало, и он тоже был дорог. Большинство населения страны могло позволить себе пить чай только вприкусу с крохотным кусочком твердого колотого сахара. И то не каждый день. Потому почти в каждой семье имелись специальные щипчики для колки сахара. Пить чай внакладку с сахарным песком могли себе позволить только зажиточные люди.

Специально обработанный твердый сахар применялся и в военных целях, к примеру во взрывателях мощных шаровых, «рогатых» морских мин… Получение новейшей американской технологии производства сахара стало для советской НТР весомым достижением.

Что же касается Гарри Голда, он так никогда и не узнал, что фактически привлекший его к сотрудничеству с советской разведкой Том Блэк сам незадолго до того был завербован сотрудником «Амторга», которого звали Гайк Овакимян (оперативный псевдоним в ИНО «Геннадий»).

По своему служебному положению Овакимян имел возможность лично вербовать агентов лишь из числа тех лиц, которые по тому или иному поводу могли иметь с «Амторгом» какие-то дела. Таковых было не так уж много. Тем не менее руководимая Овакимяном сеть расширялась и расширялась. Это было возможно, в частности, и потому, что главным наводчиком и установщиком Овакимяна, а затем и ведущим групповодом, субрезидентом был «Звук» — Яков Голос.

Убедившись в перспективности дальнейшего сотрудничества с Голдом, Голос лично познакомился с ним в Американском химическом обществе, представившись бизнесменом, связанным с химической промышленностью. Назвался «Джоном». Как «Джона» Голд знал его и все последующие годы.

Копирование технической документации и чертежей Пенсильванской сахарной компании было делом достаточно трудоемким. Голду приходилось заниматься этим и долгими вечерами, порой за полночь. Узнав об этом, Голос передал ему деньги, на которые тот мог пользоваться коммерческими копировальными аппаратами. Таких офисов, располагающих пишущими машинками и множительной техникой, в США уже тогда было довольно много, их услугами за небольшую плату мог пользоваться любой желающий. Владельцев совершенно не интересовало, что именно копирует клиент, зашедший с улицы[58].

Все пятнадцать лет своей агентурной деятельности Голд работал абсолютно бескорыстно. Голос или резидентура позднее оплачивали ему только «производственные расходы».

Впрочем, однажды для Голда было сделано исключение, и серьезное.

Улучшившееся материальное положение позволило, наконец, Гарри вновь начать посещения в Институте Дрекселя. Правда, скоро выяснилось, что зарабатываемых им денег все равно не хватает для получения высшего образования.

В этой ситуации советская внешняя разведка, персонифицированная в образе Якова Голоса, дальновидно пришла на помощь многообещающему агенту. Голос предоставил Голду скромную, но вполне достаточную для учебы своего рода стипендию. С 1936 по 1940 год Голд успешно прошел полный курс в Университете Ксавьера в Цинциннати и получил долгожданный диплом бакалавра[59].

В данном случае можно еще раз повторить слово «дальновидность» по отношению и к Центру, и лично к Голосу. Только дипломированный специалист в будущем имел бы возможность получить доступ к серьезным научно-техническим достижениям США, грамотно в них разбираться и, соответственно, квалифицированно отбирать ценную информацию.

Голд обладал еще одним достоинством: поразительной фотографической памятью. Спустя много лет он был в состоянии без запинки ответить в случае надобности, что встреча с Х имела место во столько-то, такого-то числа-месяца-года на северо-западном углу 51-й улицы и Лексингтон-авеню…

Позднее Голос успешно использовал Голда как безотказного и дисциплинированного связника с другими агентами. Притом — высококвалифицированного специалиста, поскольку работать ему приходилось в основном по линии научно-технической разведки. Он мог четко передать контакту смысл очередного задания и грамотно принять материал, особенно в тех случаях, когда информация сообщалась в устной форме.

Одним из агентов, завербованных лично Голосом, был химик Абрахам (Эйб) Бротман. Из-за особенностей телосложения Голос дал ему прозвище «Пингвин». На самом деле его псевдонимами были «Крон», «Хром», «Конструктор» и — уже после смерти Голоса — «Эксперт». Сам Голос встречался с ним редко, в основном связь с агентом поддерживала его помощница по кличке «Хелен» (о ней позже).

Голос передал Бротмана Хелен в 1940 году в китайском ресторанчике на 33-й улице между Шестой и Седьмой авеню. В числе прочего на той встрече Бротман вручил Голосу копии чертежей и технические объяснения нового котла и иных конструкций Арсенала Эджвотер. В свою очередь Голос сделал Бротману небольшой подарок: альбом грампластинок с записью скрипичного концерта Брамса и объемистый «Справочник инженера-химика».

К сожалению, отношения у Бротмана и Хелен не сложились. Ее раздражало, что «Крон» постоянно опаздывает, а то и вообще путает места встреч. Бротмана же злило, что, по его словам, Хелен думает, что фланец — это кухонная плита. В конце концов он попросил Голоса, чтобы тот прислал кого-нибудь разбирающегося в химии.

И Голос прислал Гарри Голда. Голд должен был встретиться с Бротманом в 10 часов утра в один из жарких[60] сентябрьских понедельников на малолюдной улочке в Манхэттене. Бротман, как всегда, опоздал на пятнадцать минут.

Наконец из-за поворота медленно подъехал автомобиль с заранее названным номером: 2N9088. Как только мышиного цвета «Форд» остановился, Голд открыл дверь, сел на переднее сиденье рядом с водителем и задал обусловленный вопрос: «Вы Эйб?[61] Привет от Хелен».

В машине работало радио: спортивный комментатор вел репортаж о бое между чемпионом мира по боксу в тяжелом весе Джо Луисом и претендентом на титул Лу Нова…

Последующие их встречи проходили, как правило, в забегаловках-автоматах. Голд получил от Бротмана и, соответственно, передал Голосу массу информации. Среди нее попадались, как водится, и «пустышки», но их с лихвой

перевешивали действительно ценные материалы. Так, были получены данные о производстве высокооктанового бензина, натурального и искусственного каучука, органических химикалий, синтетического спирта, коллоидного графита, смазочных масел, новых авиационных турбин и многом другом.

Затем вся эта информация через Голоса поступала к «Геннадию» — Гайку Овакимяну.

Голд уже был приучен к конспирации. Для общения с Бротманом он самостоятельно придумал трогательную легенду: дескать, его зовут Фрэнк Кесслер, у него больная жена (Голд никогда не был женат) и двое малолетних детей… Только через много месяцев, когда они стали деловыми партнерами, Годд назвал Бротману свое настоящее имя.

Другое задание Голоса привело Голда осенью 1941 года в Рочестер, штат Нью-Йорк, в знаменитую «Истмен Кодак Компани». Здесь он встретился с агентом Овакимяна — неким Альфредом Ди-ном Слэком (псевдоним «Аль»). От него он получил информацию о технологии производства высокочувствительной фото- и кинопленки, а также информацию о разработках в области цветной фотографии. Все компоненты технологического процесса производства последней были настолько засекречены, что компания даже не запатентовала их из-за боязни утечки информации.

Сам Голд впоследствии писал: «…Я считаю это более разрушительным, чем атомная бомба, потому что этот процесс нельзя скопировать… После того как стало известно, что атом можно расщепить, это может сделать кто угодно, если он обладает достаточным техническим и промышленным материалом. Это не сложно с той точки зрения, что известна теория процесса… Но фотография — это та область, в которой нет теории. Здесь все зависит от знания мельчайших деталей, на открытие которых может уйти два-три года. Примерно столько времени нужно, чтобы разработать определенный проявитель. А кроме этого, нужно разработать и эмульсии, в некоторых из которых смешиваются компоненты шести-семи цветов»[62].

От Слэка также был получен способ промышленного извлечения серебра из использованной фотокинопленки. Это очень важно, потому что серебро применяется в промышленности, в том числе оборонной, гораздо шире, нежели золото. Слэк передал Голду также информацию о производстве нейлона. Благодаря этому советские женщины, правда уже лишь после войны, получили в неограниченном количестве и по весьма доступной цене прочные и красивые чулки, чуть позднее — косынки, шарфики, колготки. Но куда важнее другое: нейлон

нашел широкое применение при производстве многих изделий военного характера.

Через год «Аль» перешел на новую работу — на завод Holston Ordnance Works («Артиллерийские предприятия Хольстона») в Кингспорте, штат Тенесси. Здесь Голд получил от него данные о новых взрывчатых веществах, разработанных на этом предприятии.

Ввиду невероятной перегруженности Голос передал Голда на связь сотруднику резидентуры Семенову («Твену»), Голд знал его как «Сэма». Уже под руководством «Сэма» Голд в начале лета 1943 года принимал участие в операции «Сульфо» — ее цель заключалась в сборе материалов о разработке биологического оружия в Германии, Японии, а также США и Великобритании. Позднее, уже под началом сотрудника резидентуры Анатолия Яцкова (работал под фамилией «Яковлев», оперативный псевдоним «Алексей»), был связным с физиком-ядерщиком Клаусом Фуксом («Чарльз»).

Научно-техническая линия была не единственной заботой Голоса. На связи у него было еще несколько групп государственных служащих в Вашингтоне. Кроме того, он поддерживал нелегальные контакты с Фредом Роузом, канадским парламентарием-коммунистом, и Сэмом Кэрром, национальным организатором Рабочей прогрессивной (Коммунистической) партии Канады, а также с группой единомышленников уже по другую сторону южной границы страны — в Мексике.

Коль скоро несколько раз упоминалась фамилия Овакимян, видимо, об этом человеке следует уже рассказать более подробно. Ибо с ним связан хоть и короткий, но весьма насыщенный период деятельности Голоса в предвоенные два-три года и в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Гайк Бадалович Овакимян — «хитрый армянин», как его впоследствии называли между собой агенты ФБР, — родился в Нахичевани в 1898 году. Молодым человеком участвовал в известном Алек-сандропольском восстании в Армении, после подавления которого был приговорен к длительному тюремному заключению. Из тюрьмы был освобожден после советизации Армении.

Уже вполне сложившимся, хотя и молодым человеком был направлен в Москву на учебу в знаменитое МВТУ им. Баумана. По окончании института Овакимян, проявивший заметную тягу к научной работе, был зачислен в аспирантуру Химико-технологического института имени Менделеева. Так, вероятно, и покатилась бы его жизнь по рельсам чисто научной и преподавательской линии, если бы вскоре после защиты

диссертации его не пригласил на беседу начальник Иностранного отдела ОГПУ Артур Хри-стианович Артузов. В результате беседы кандидат химических наук Г. Б. Овакимян 18 февраля 1931 года по решению Оргбюро ЦК ВКП(б) был зачислен в штат ИНО и рекомендован на работу в советское торгпредство в Берлине. Тогда же он получил свой основной оперативный псевдоним «Геннадий».

Первый же завербованный Овакимяном специалист по химическому приборостроению дал ценную информацию о наиболее совершенной технологии производства синтетического бензола и селитры.

Особо ценным агентом, ставшим надежным помощником «Геннадия» исключительно по идейным соображениям, стал «Фильтр» — крупный инженер и изобретатель Ганс-Генрих Кум-меров. «Фильтр» работал на советскую разведку десять лет. Он был изобличен гестаповцами лишь в 1942 году в связи с разгромом знаменитой «Красной капеллы» и казнен в 1944 году в Галле. От «Фильтра» поступала информация исключительной важности по оптическим приборам военного назначения, противогазам, эхолотам, средствам противохимической защиты, а позднее по новым типам артиллерийских снарядов.

В конце 1933 года в связи с установлением нормальных дипломатических отношений между СССР и США Овакимян был направлен в Нью-Йорк под прикрытием стажера-диссертанта в Нью-Йоркском химическом институте. По завершении этой части командировки Овакимян был переведен в аппарат уполномоченного по химической промышленности при «Амторге».

Тогда-то и произошла первая встреча Овакимяна как заместителя резидента ИНО по линии НТР с Голосом, ставшим фактически его основным помощником и информатором. Впрочем, термин «информатор» в данном случае не совсем точен. Отношения между «Геннадием» и «Звуком» складывались не по классической схеме «оперативный сотрудник — агент». Нет, то были отношения равноправных партнеров. В частности, Овакимян, понимая особые отношения Голоса со своими источниками информации, никогда не требовал от него раскрытия псевдонимов. Его вполне устраивало, что информация научно-технического и политического характера, поступающая от «Звука», после изучения и проверки в Москве всегда оказывалась абсолютно достоверной, точной и ценной.

Как писал один из биографов Овакимяна после назначения его заместителем резидента:

«…Геннадий еще больше активизировал свою

разведывательную деятельность: впервые были получены агентурным путем сведения о технологии производства автобензинов прямой перегонкой в атмосферно-вакуумных установках и авиабензинов с октановым числом 74; о переработке газов нефтеперерабатывающих заводов; о каучуке и масляных дистиллятах для выработки из них разнообразных смазочных масел и парафинов; о термическом крекинге и риформинге и о многих других секретных разработках. Научно-техническая разведка, как отмечалось в 1938 году Центральным Комитетом ВКП(б), имела важнейшее значение для социалистической реконструкции народного хозяйства и развития различных областей науки и техники»[63].

Парадоксально: одновременно со столь высокой оценкой НТР на ее лучшие кадры был обрушен вал репрессий. Были расстреляны начальник отделения НТР ИНО, бывший резидент Петр Гут-цайт, многие разведчики-нелегалы, сотрудники центрального аппарата ИНО и НКВД, в том числе работники технических служб и подразделений, обладавшие специальными знаниями в различных областях. Погибли также многие ученые, инженеры, конструкторы ведомственных НИИ, которых привлекали конфиденциально к оценке полученных НТР материалов.

Это не могло не сказаться на состоянии агентурного аппарата на местах. Многие идейные агенты, узнав, что они, оказывается, до сих пор работали с отозванными и осужденными «врагами народа», отказывались от дальнейшего сотрудничества с их преемниками.

Примечательно, что у Овакимяна, в отличие от многих коллег, хватило гражданского мужества доложить в Москву, что именно это обстоятельство привело к снижению, и существенному, отдачи его работы.

А тут еще одна напасть. Высокие вожди — Климент Ворошилов, Лазарь Каганович и новый нарком НКВД Лаврентий Берия — в нескольких своих публичных выступлениях безапелляционно заявили, что советские ученые достигли в своей деятельности невероятных высот и способны доказать это всему миру. Яркий, даже ярчайший пример того — народный академик Трофим Лысенко…

В системе НКВД немедленно нашлись люди, которые из этих хвастливых и безответственных заявлений (ни один здравомыслящий человек, разумеется, не отрицал, что отечественная наука действительно за двадцать лет советской власти добилась многого) сделали вывод, что деятельность разведки по научно-технической линии следует свернуть,

поскольку за границей нет ничего такого, чего бы уже ни свершили наши отечественные «спецы». Из и без того изрядно поредевшей нью-йоркской резидентуры отозвали еще шесть человек.

Овакимян посылает резкую шифровку в Центр: «… Появившиеся в печати заявления о том, что Аттике (Советскому Союзу. — Лркм. яя/я.) не нужны закордонные разведданные по линии НТР, объясняются не чем иным, как некомпетентностью и шапкозакидательскими настроениями. Считаю, что недооценка получаемых Артемидой (разведкой. — Лрмм. янтя.) научных сведений глубоко ошибочна. Смею утверждать, что Артемида на протяжении семи лет добывала по линии НТР ценнейшие документальные материалы, которые способствовали научно-техническому прогрессу Аттики, укреплению ее обороноспособности и, главное, позволяли экономить интеллектуальные, финансово-валютные и топливно-энергетические ресурсы, а также обеспечивать более быстрое внедрение в производство новых образцов техники.

Геннадий.

23.07.39 г.»[64].

Ко всему прочему, «Геннадий» устал, невероятно устал. Шутка сказать: у него лично на связи было тогда четырнадцать агентов и три групповода! Кроме того, на нем лежало руководство подчиненными по резидентуре и — от этого никуда не денешься! — официальная, ответственная гласная работа в «Амторге»!

Неудивительно, что в какой-то момент Овакимян был вынужден поставить перед Центром вопрос об отзыве на Родину. Ввиду крайней усталости и необходимости не просто отдыха, но лечения. В то же время он поставил перед руководством конкретные вопросы немедленного укрепления резидентуры подготовленными сотрудниками.

По счастью, Овакимян тогда не знал, что новый заместитель руководителя англо-американского отдела разведки Андрей Траур, сам не очень удачно поработавший перед этим в США на протяжении всего лишь полугола, написал на имя наркома Берии докладную, в которой, в частности, предлагал отозвать «резидента “Геннадия” как не внушающего политического доверияm. Позднее в личном письме выдающемуся советскому разведчику Василию Зарубину Овакимян назвал Траура «ямокопателем ГАВ-ГАВ!»

В мае 1939 года начальником 5-го отдела НКВД (так теперь официально назывался ИНО) был назначен новый человек, в недавнем прошлом издательский работник и журналист Павел

Фитин. Его предшественник Владимир Деканозов стал заместителем наркома иностранных дел СССР, а позднее по совместительству и полпредом в Берлине. Фитин, впоследствии генерал-лейтенант, руководил разведкой и все тяжелые годы Великой Отечественной войны. По свидетельству многих ветеранов ведомства, он был лучшим руководителем внешней разведки после Артура Артузова.

Приход Фитина, по счастью, свел на нет все наветы Траура[65]. Овакимян не только был оставлен на своем посту, но и на основании секретного письма Фитина в ЦК ВКП(б) срок его командировки в США был продлен.

В 1940 году «Геннадий» получил от «Звука» информацию о проекте первого стратосферного самолета, о кислородных масках для высотных полетов, об использовании глицерина в военных целях и т. п. На основании изучения и сопоставления полученных от сети «Звука» разрозненных сведений Овакимян сообщил в Центр о начавшихся в Соединенных Штатах строго засекреченных работах по расщеплению ядра атома урана. Как высокообразованный специалист Овакимян сразу понял, что эти исследования ведутся на предмет изучения возможности использовать высвобождающуюся при этом колоссальную энергию в военных целях.

Понимал ли Голос, такого образования, увы, не получивший, всего значения этой информации тогда, в 1940-м? Мы можем только гадать. Но позднее, через год-два, конечно же, понимал…

По свидетельству ветерана контрразведки Владимира Чикова: «Тогда же Овакимяном была зафиксирована и проанализирована ситуация, связанная с большим наплывом из Европы крупных ученых-физиков, спасающихся от коричневой чумы фашизма. В своем сообщении в Центр он делает вывод о том, что данное обстоятельство позволит Соединенным Штатам значительно увеличить свой научный потенциал и достигнуть ощутимых практических результатов во многих отраслях знаний и экономики»[66].

Меж тем грозовые тучи сгущались и над головой Якова Голоса. Не в отделении ФБР в Нью-Йорке. В Москве, на Лубянке. Сам «Звук», по счастью, об этом не подозревал. Хотя кто может об этом сегодня знать наверняка? Во всяком случае, если и были у него какие-то смутные нехорошие предчувствия, ни с кем из близких он ими не делился.

Удивляться подозрениям, вдруг возникшим в Центре относительно Голоса, не приходится. То был пик массовых репрессий в Советском Союзе, когда по велению вождя избивались и выбивались лучшие кадры Коммунистической

партии, Красной армии, народного хозяйства, науки и культуры. На Западе эту страшную эру назвали двумя емкими и точными словами — Большой террор. (По данным ветерана СВР Игоря Дамаскина, из общего числа сотрудников внешней разведки в Центре и резидентуры — 450 человек — было репрессировано 275[67].)

Жестоко пострадала и внешняя разведка НКВД. Были отозваны на Родину, а затем немедленно арестованы и в большинстве своем расстреляны более половины закордонных оперативных сотрудников, в том числе едва ли не все нелегалы.

Для костоломов-следователей они были легкой добычей. Сам факт длительного пребывания за границей, личное знакомство со многими тамошними политиками, военными, банкирами, промышленниками был достаточен, чтобы обвинить их в измене и шпионаже в пользу разведки той страны, в которой они работали не один год.

Живя в относительно демократических странах — Англии, Франции, США, Швеции, Швейцарии, — разведчики не могли не видеть, что уровень благосостояния народа, в том числе рабочих и крестьян, гораздо выше, нежели в СССР. Уже одно это делало их для высшего руководства страны потенциально опасными. В той же степени это относилось к военной разведке, дипломатам Наркоминдела, сотрудникам Наркомвнешторга, иным советским специалистам, длительное время работавшим за границей.

Страх перед возможными репрессиями доходил до того, что наши инженеры, направляемые в служебную командировку на два-три месяца в те же Соединенные Штаты, от этих лестных и заманчивых предложений под любым предлогом открещивались. Каждый знал примеры, когда вернувшегося из загранкомандировки сослуживца, одетого в невиданную даже в Москве красивую одежду, с хорошими часами (предмет особого дефицита), обладателя мощного радиоприемника, способного принимать не только радиостанцию имени Коминтерна на Шаболовке, но и весь мир, вплоть до далекой Австралии, через месяц-другой арестовывали. На ближайшем партийном или профсоюзном собрании до сведения работников доводили, что такой-то имярек, находясь за границей, чуть ли не на второй день по приезде был завербован вражеской разведкой…

Сегодня уже трудно установить, по чьим донесениям в Центре пришли к нелепому, но опасному заключению, что»Звук& — Яков Голос — является скрытым… троцкистом. Надо напомнить современному читателю, что в те годы принадлежность партийца к троцкистской оппозиции или даже просто проявление симпатии к ней автоматически причисляло

изобличенного к оврагам народа», изменникам Родины, немецко-фашистским или иным шпионам.

Яков Голос, разумеется, никаким троцкистом не был. Он был ортодоксальным коммунистом, дисциплинированным партийцем, строго придерживавшимся всех директив Исполкома Коминтерна и ЦК ВКП(б). Но принимал их не тупо и бездумно, а вполне сознательно, осмысленно. Некоторые решения вполне мог посчитать недостаточно обоснованными или даже ошибочными. Однако это никак не мешало ему в целом придерживаться того, что в те годы называлось «генеральной линией партии». И в любой ситуации считал своим долгом оказывать всестороннюю поддержку Советскому Союзу как первому в его представлении государству рабочих и крестьян, сбросивших иго капиталистической эксплуатации, строящих подлинное царство свободы, равенства и братства. И еще — с середины примерно 30-х годов Голос, как и большинство коммунистов и просто демократов, видел в Советском Союзе единственную силу, способную реально противостоять фашистской угрозе.

Обвинение в троцкизме, родившееся на Лубянке, однако, к сожалению, не было высосано из пальца. Оно стало вполне закономерным результатом охватившей даже такое серьезное учреждение, как НКВД, политической паранойи, массового умопомешательства на почве гипертрофированной «бдительности» и поисков «врагов народа».

…В 1938 году в Москве вдруг исчезла из обращения разменная монета достоинством в одну копейку. Тут же возник мгновенно распространившийся по столице слух, что враги народа в центре этой крохотной монетки в изображение на реверсе герба СССР хитроумно вплели… свастику! Правда, разглядеть ее можно было только в лупу. Посему, мол, после разоблачения врагов-вредителей на Монетном дворе бдительные и доблестные органы НКВД стали вражескую и зловредную монету из обращения изымать.

Этому слепо верили. И никому не приходила в голову незатейливая мыслишка: на кой черт врагам нужно было прибегать к фашистской пропаганде столь нелепым образом? И какой вред нашей великой Родине и делу строительства коммунизма в одной, отдельно взятой стране могли нанести копейки эти в действительности, если бы и впрямь в колосья на гербе была столь хитроумна вплетена свастика?

Остается утешаться сознанием того, что подобным идиотизмом много лет спустя оказалась охвачена и… Америка! После трагической гибели в 1963 году президента Джона Фицджеральда Кеннеди в США была выпущена в обращение

красивая серебряная монета достоинством в 50 центов. Так вот, в благословенной демократической Америке тоже нашелся бдительный патриот-антикоммунист, который на аверсе монеты под чеканным профилем Кеннеди обнаружил изображение скрещенных серпа и молота, являющихся, как известно, коммунистическим символом! Действительно, под лупой можно разглядеть крохотные инициалы… автора портрета президента, при наличии фантазии способные показаться серпом и молотом…

…В 1937 году в США в короткую командировку прибыл вроде бы опытный разведчик, капитан госбезопасности Самуил Ливент-Левит (оперативный псевдоним «Загар»), который с ходу пришел к выводу, что «Звук» — замаскировавшийся меньшевик и троцкист, вступивший в Компартию, дабы разлагать ее изнутри, и т. д. Естественно, «Звука» следует немедленно отозвать в Москву и арестовать.

Резидент Петр Гутцайт немедленно написал в Центр, что все обвинения в адрес Голоса — сущий вздор, что он известен советской разведке на протяжении семи лет и никто и никогда, кроме «Загара», не сомневался в его преданности.

Вскоре, как уже известно читателю, Гутцайт сам был отозван в Москву и арестован. Но даже в камере внутренней тюрьмы он не отказался от данной им оценки личности «Звука».

На одном из допросов Гутцайт заявил следователю: «…Когда ре-зидентура нуждалась в проверенных и преданных людях, мы обращались к “Звуку”, и он подбирал нужных людей. Никаких провалов за все годы нашей связи с ним не было. Каких-либо подозрений или сомнений он никогда не вызывал. Характерным для “Звука” является то, что он послал свою жену с 12-летним ребенком в СССР, где сын мог бы получить настоящее коммунистическое воспитание. Жалованья от нас “Звук” не получал».

К слову, в случае вызова в Москву Яков Голос, даже если бы и подозревал неладное, несомненно, подчинился. Поскольку при отказе могли пострадать его жена и сын, оказавшиеся бы, по сути дела, заложниками кровавого карлика Ежова или его преемника Берии.

Надо отдать должное и Гайку Овакимяну. Человек со сложным характером, отчасти высокомерный, за что его откровенно недолюбливали многие сослуживцы, не говоря уже о завистниках, он полностью доверял Якову Голосу и продолжал нагружать его работой, невзирая на подозрения Центра.

В конце концов от «Звука» отвязались. Предчувствие надвигающейся войны отрезвило многие горячие головы.

Что же касается Самуила Ливента-Левита, то шумно

проявленная им бдительность на пользу ему не пошла. Вскоре он сам был арестован и расстрелян как «враг народа» и шпион. Ни тем ни другим, он, конечно же, не был… Потому и реабилитирован посмертно в 1938 году.

Глава 8

К середине невыносимо жаркого и душного лета 1938 года Голос впервые в жизни почувствовал, что устал. Не той физической усталостью, что приходит с тяжелой физической работой или просто кратковременной нагрузкой в ходе игры в футбол или восхождения на горные вершины. Такая успешно и без последствий снимается крепким сном, умелым массажем или даже обычным горячим душем. Нет, то была тягучая, трудно формулируемая усталость, проявляющаяся как раз не столько в физических ощущениях, сколько в своего рода депрессии, когда ничем не хочется заниматься, когда даже самые обычные житейские дела для своего исполнения требуют несусветных волевых усилий. И все же это не подлинная депрессия как состояние уже патологическое, когда для излечения требуется помощь профессионального медика. Это именно усталость, но особого рода.

Оптимисту по натуре Голосу это состояние ранее не было знакомо. К тому же — также впервые в жизни — он стал ощущать время от времени какой-то неприятный дискомфорт в груди, точнее — за грудиной.

Знакомый врач, тоже партиец, после самого поверхностного осмотра уверенно сказал:

— Сердечко пошаливает, Яша. Так работать, как ты работаешь, нельзя. Тебе уже не двадцать и даже не тридцать…

— Так что делать? — задал Голос исконно русский вопрос. — Ничего не делать, — пожал плечами эскулап. — По возможности ничего не делать. Но, коль скоро это невозможно, работать поменьше, отдыхать побольше. Словом, снизить нагрузку… Впрочем, кое-какие лекарства я тебе выпишу. Но учти: они помогут только в том случае, если убавишь обороты…

Поняв, видимо, что данный совет вряд ли будет принят к исполнению, доктор высказал другой, более реалистичный:

— Почему бы, Яша, тебе не обзавестись хорошим помощником? Переложил бы на него хотя бы беготню…

Это была идея. Оставалось только дивиться, как он сам до нее — столь очевидной — не додумался.

Среди ближайших друзей Голос подходящего человека не нашел, а потому обратился за помощью к партии — вполне естественно.

В середине октября того же 1938 года в небольшом ресторанчике на углу 8-й улицы и Юниверсити-Плейс ему представили высокую, заметно выше его самого, женщину лет

тридцати. У нее были темные, пышные вьющиеся волосы, широко расставленные неожиданно светлые глаза, крупный прямой нос и несколько убегающий подбородок…

Звали ее Элизабет Бентли, и на день их знакомства никто не мог бы предвидеть, что всего через несколько лет во всех газетах эту женщину, внешне не слишком привлекательную, будут называть «королевой шпионажа».

Она родилась в январе 1908 года в живописном городке Нью-Милфорд, штат Коннектикут. Отец ее был торговцем галантерейными товарами, мать — школьной учительницей. В семье девочка была поздним и единственным ребенком. Впоследствии Элизабет утверждала, что ее предок, некто Роджер Шерман, родом также из Коннектикута, был в числе тех пятидесяти пяти американцев, представляющих тринадцать штатов, кто 4 июля 1776 года подписал Декларацию независимости США[68]. Представитель штата Коннектикут Роджер Шерман в этом историческом событии действительно участвовал, но являлась ли Элизабет Бентли его дальним потомком… Трудно сказать.

Родители часто переезжали из города в город, и Элизабет в разные годы пришлось учиться в четырех школах. Диплом о среднем образовании она получила в Рочестере. В школе она была неприметной, серенькой ученицей, серенькой настолько, что впоследствии никто из одноклассниц не смог припомнить о ней ничего интересного. Училась Бентли на «С+», что примерно соответствует российской стройке с плюсом», или, если проявить некоторую снисходительность, «четверке с минусом».

Сама Бентли вспоминала честно, что в школе ее интересовали только уроки игры на фортепьяно, участие в модном движении герлскаутов, посещения пресвитерианской церкви и игра в баскетбол.

Мама Бетти Мэй Шарлотта была женщиной строгих правил и не позволяла дочери дружить со сверстницами, которые уже испробовали вкус виски, курили и посещали ночные клубы. Впоследствии девушка с успехом компенсировала эти упущенные в юности мелкие радости, да так, что далеко перегнала своих раскрепощенных одноклассниц, ставших, несмотря на давние грешки, добропорядочными американскими обывательницами, примерными супругами и матерями семейств.

Видимо, к последнему школьному году Элизабет все-таки поднапряглась, поскольку сумела получить стипендию для продолжения образования в знаменитом Коллежде Вассара. То было одно из старейших и уж во всяком случае самых элитных частных высших заведений для девушек в США. Его основал в

штате Нью-Йорк в небольшом городке Покипси в 1861 году некто Мэтью Вассар, однако из-за продолжающейся Гражданской войны занятия в колледже начались лишь через несколько лет.

В 1915 году семь самых именитых частных университетов Америки, в том числе Колумбийский в Нью-Йорке и Гарвардский в Бостоне, точнее в его спутнике Кембридже, штат Массачусетс, и Вассар образовали своеобразное объединение, известное в Америке под названием «Семеро сестер».

К моменту поступления Бентли в Вассар в нем насчитывалось лишь немногим более тысячи студенток[69].

Следует отметить, что в США по традиции, перенятой от англичан, название университета прилипает к его выпускнику на всю жизнь, становится своего рода визитной карточкой, свидетельством не только высокого уровня полученного образования, но и принадлежности к определенному общественному кругу. Выпускники таких элитных университетов, как уже названные Колумбийский, Гарвард или… Вассар, гордятся его дипломом до седых волос, они навсегда сохраняют узы студенческого братства и оказывают друг другу всемерную поддержку независимо от года выпуска и факультета.

Университеты и колледжи США, как и Великобритании, имеют традиционные цвета, эмблемы и девизы. Студенты и выпускники зачастую носят галстуки или косынки «своих» расцветок, что, в частности, помогает им распознавать даже в толпе ранее незнакомых однокашников. Недаром в английском языке «узы» и «галстук» обозначаются одним словом — «tie». Название элитного университета было и остается по сей день в США серьезным аргументом в пользу любого претендента на престижную работу в солидную фирму или государственное учреждение.

В колледже, как и в школе, Бентли решительно ничем не выделялась на фоне сокурсниц. За все годы учебы она не обзавелась ни одной близкой подругой, не было у нее и постоянного бойфренда. Академический уровень и в Вассаре оставался у нее все на том же «С+». Она и здесь была одиноким, замкнутым середнячком.

В Вассаре у девушки (примечательно, что сокурсницы называли ее Бентли, по фамилии, а не по имени) пробудился живой интерес к политике, причем привлекали ее преимущественно самые радикальные теории и течения. Впрочем, интерес к политике у молодежи в США на рубеже 20-30-х годов был явлением почти повсеместным, во всяком случае, у так называемого среднего среднего класса. (Повтор слова не случаен: в среднем классе в Америке очень точно разделяют нижний

средний и верхний средний классы!) Особенно это проявилось в годы знаменитого кризиса 1929 года и последующих нескольких лет, вошедших в историю страны под многозначительным названием Великая депрессия.

У Вассара в конце 20-х годов была репутация весьма либерального учебного заведения, студентки были известны как независимо мыслящие особы, вольнодумствующие. На фоне Великой депрессии у некоторых возникло чувство своеобразной вины за свое материальное благополучие по сравнению с положением миллионов американцев — либо разорившихся, либо очутившихся в армии безработных.

Влияние так называемых левых в университете определялось и тем, что его возглавляла одна из самых авторитетных, радикально настроенных женщин того времени Хелли Фленеген. Это влияние ощутила на себе и Бентли, когда прослушала ее курс драматического искусства — ректор одновременно руководила и Экспериментальным театром Вассара. Эта незаурядная женщина с энтузиазмом относилась к коммунистическим идеям, хотя членом Компартии никогда не была. В 1930 году она с группой студенток совершила поездку в Ленинград и вернулась в полном восторге от увиденного. В одной из статей по возвращении в Америку она писала: «Россия — это то, что я и думала, только несравненно больше. Россия — это страна свободных людей, это земля рабочих. Они живут, чтобы помогать другим».

Восхищаясь Советами, Фленеген поставила в театре две пьесы левацкого содержания.

Бентли вступила в Компартию лишь через пять лет после окончания Вассара, но, без сомнения, в значительной степени под влиянием идей еще студенческой поры. Надо отметить, что в те годы левые взгляды, в том числе социалистические и даже коммунистические, разделяли многие представители американской профессуры, творческой интеллигенции, журналистики — словом, достаточно широкой общественности.

За год до окончания курса в Вассаре Элизабет потеряла мать. Небольшое наследство девушка потратила на то, чтобы в последующие четыре года совершить три путешествия в Италию. Одно каникулярное лето она провела там, дополнительно занимаясь в университете Перуджи.

Получив диплом, Бентли со своим свободным владением итальянским и французским языками получила работу преподавателя в женской школе в Мидлберге, штат Вирджиния.

В 1932 году Бентли продолжила свое образование — чтобы получить докторскую степень — в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Тогда это считалось поступком не совсем обычным. В

те годы в докторантурах страны женщин обучалось не более 20 % от общего числа соискателей степени. В «Колумбии» (так называли университет в городе) Бентли влюбилась в студента-араба. Однако через год помолвку порвала, когда получила стипендию для продолжения образования в университете Флоренции. Перед самым отплытием Элизабет в Европу скончался ее отец.

Как многие молодые американцы, посещавшие Италию в начале 30-х годов, Бентли попала под влияние идей Муссолини и эффективности внутренней политики дуче во многих сферах экономики и социальной жизни страны. В США, особенно в Нью-Йорке и Чикаго, в годы так называемого Сухого закона[70] неслыханно расцвел гангстеризм, многочисленные, со строжайшей дисциплиной мафиозные «семьи» обладали могуществом и влиянием, каким не пользовались порой даже мэры и губернаторы. Неслыханных размеров достигла коррупция среди чиновников полиции и местной власти.

Между тем Муссолини в кратчайшие сроки самыми крутыми мерами сумел фактически покончить с организованной преступностью даже на самой вотчине «Коза Ностра» — в Сицилии. Мерами до изумления простыми, но оказавшимися единственно эффективными: пренебрегая крючкотворством демократической юриспруденции, руководствуясь лишь «волеизъявлением народа» и категорическим приказом всесильного дуче, полицейские и сотрудники тайной спецслужбы ОВРА на основании имеющейся оперативной информации попросту бросили за решетку тысячи бандитов. Самых ретивых и особо опасных охотно пристреливали на месте за оказание сопротивления власти или за попытку бегства.

Растерявшиеся некоторые «доны» и «доны донов», привыкшие полюбовно улаживать свои затруднения взятками, в том числе знаменитый Вито Джеванезе, с перепугу попросту сбежали из страны и обосновались в… Соединенных Штатах Америки! Там, в самой демократической стране мира, они с успехом и куда большим размахом — следовательно, доходами, — нежели дома, продолжили свои «семейные» дела.

И по сей день американские спецслужбы и полиция не в состоянии искоренить преступные мафиозные кланы, и не только традиционных итальянского и еврейского, но теперь еще латиноамериканского, китайского, японского, а в последние годы и «русского» происхождения. (Напомним, что «русскими» в США и поныне называют любых выходцев из бывших республик СССР[71].)

Под впечатлением от поездок в Италию Бентли даже приняла

участие в фашистской университетской группе. Впрочем, ослепление личностью Муссолини, возможно, именно благодаря работе в группе испарилось столь же быстро, сколь и возникло. Подлинная сущность фашизма, даже в его относительно «мягкой» по сравнению с гитлеровским нацизмом форме, стала очевидной даже для экзальтированной американской студентки. Теперь Бентли — уже убежденная антифашистка, более того — с укрепившимися на основе нового опыта радикальными социалистическими взглядами. Оставался лишь один шаг для перехода на рельсы коммунистической идеологии, вплоть до родившегося намерения вступить в Коммунистическую партию. Эта легкость смены убеждений, равно как и настроений, была важной чертой характера Бентли, обусловившей ее многие неожиданные и противоречивые поступки в будущем. Этому способствовали еще некоторые моменты, но об этом позже…

Последующие несколько месяцев в Нью-Йорке ушли на бесплодные поиски работы. В конце концов на оставшиеся небольшие сбережения Бентли поступила на бизнес-курсы, чтобы обучиться стенографии, машинописи слепым методом и делопроизводству — высокопрофессиональные секретари в деловой Америке всегда были и будут востребованы. Пресловутые секретарши советских времен, в основном из числа девушек с окраин, максимум с восемью классами за плечами, ничего общего с их американскими коллегами, разве что кроме названия должности, не имели.

В этот период Элизабет познакомилась с соседкой по дому — некоей Лини Фур. Эта девушка, на три года старше Бентли, происходила из семьи голландских иммигрантов, ее юные годы прошли на шелкоткацкой фабрике в Паттерсоне, штат Нью-Йорк, знаменитом своей так называемой Гражданской войной 1913 года, то есть всеобщей забастовкой рабочих, переросшей в настоящее боевое столкновение с полицией и национальной гвардией. Этой стачке посвятил один из своих лучших очерков легендарный журналист Джон Рид. Он даже получил вместе с активистами забастовки от местного судьи две недели ареста.

Лини Фур была сознательной социалисткой и антифашисткой. Когда Элизабет рассказала ей о своих впечатлениях от фашистской Италии, Лини вовлекла ее в группу политически активных идеали-стов-интеллектуалов. По ее настоянию Бентли несколько раз выступила на митингах Американской лиги против войны и фашизма. Эта организация, движущим ядром которой были коммунисты, стремилась объединить американскую оппозицию против распространяющегося фашизма в Европе.

Закончилось все тем, что Лини созналась новой подруге, что является членом Коммунистической партии — единственной силы, по-настоящему противостоящей фашистской угрозе. И не только в Европе, но и в благословенных родных Соединенных Штатах Америки. После нескольких недель колебаний Бентли заявила Фур, что готова и хочет вступить в Компартию. Колебания были далеко не беспочвенными. И дело было не только в том, что Компартия США всегда, даже будучи вполне легальной, подвергалась всяческим гонениям со стороны властей. Членство в партии налагало на коммунистов серьезные обязанности, требовало соблюдения жесткой дисциплины и самоотдачи. В первую очередь это относилось к тем, кого на Западе принято называть функционерами.

В 1935 году Бентли вступила в Компартию под именем Элизабет… Шерман! Теперь ей приходилось порой участвовать в четырех митингах или собраниях в неделю, в разные периоды она выполняла функции финансового секретаря, руководителя сектора агитации и пропаганды, организатора, вела классы марксизма-ленинизма в партийной рабочей школе, организовывала шествия и митинги и рекрутировала новых членов. Иногда доводилось даже испытывать на себе мастерство, с которым нью-йоркские полисмены владеют своими клабами — резиновыми дубинками…

С наступлением фашизма в Европе лидеры Коминтерна смягчили традиционную и, как показала история, не просто бессмысленную, но и глубоко ошибочную, приведшую ко многим бедам оппозицию по отношению к другим левым. Началось движение к созданию «народных фронтов» в союзе с другими антифашистами. Смычку с либералами стала проводить и Компартия США. Этот период — с 1935 по 1939 год — был одним из самых успешных для коммунистов в истории их партии. Именно тогда вступили в Компартию тысячи людей, в том числе и весьма влиятельных в американском обществе. Тогда же объявилось много симпатизирующих коммунистам, но в партию не вступавших. Наконец, и это весьма характерно именно для Компартии США, в ней появился институт «секретных членов», то есть в партию вступивших, но скрывавших с ведома руководства КП США свою к ней принадлежность. В первую очередь это были люди, занимавшие посты, иногда достаточно ответственные, в государственных учреждениях, федеральных и штатов, а также в крупных компаниях, банках, трестах, концернах, фирмах.

Примечательно, что в 1936 году впервые в истории Компартии США число коренных американцев, то есть являющихся гражданами страны по рождению, часто в третьем, а

то и четвертом поколении, превысило число партийцев, являющихся гражданами натурализованными, а то и вообще лицами без гражданства, обладающими всего лишь видами на жительство с правом работы по найму или учебы. С 1930 года генеральным секретарем Компартии США был гражданин страны именно по рождению, к тому же ирландец по происхождению, Эрл Рассел Браудер.

Осенью 1935 года Бентли возобновила свои занятия в Колумбийском университете — на сей раз на факультете социологии. Она рассудила, что, имея докторскую степень по социологии, ей легче будет устроиться на работу в какое-либо государственное учреждение.

Функционер Американской Лиги против войны и фашизма Паулина Роджерс в ресторане «Чайлдс» (рестораны, точнее, кафетерии «Чайлдс» — стандартный обед стоимостью всего лишь 20 центов — были тогда в Манхэттене на каждом углу) познакомила ее с плотной, плохо одетой женщиной средних лет, представив ее как миссис Глезер. На тот день это соответствовало истине, ибо вышеназванная женщина формально состояла в браке с немцем по фамилии Глезер.

Эта внешне ничем не примечательная женщина была одной из самых таинственных фигур в американской Компартии еще с 20-х годов. Настоящее ее имя было Джулиет Стюарт Пойнтц. Как и Бентли, Пойнтц была коренной американкой с двумя университетами за плечами. Она была первым директором рабочей школы в Нью-Йорке и даже выдвигалась кандидатом в конгресс. То есть, как принято сейчас выражаться, являлась фигурой публичной.

Однако в 1934 году Пойнтц вдруг исчезла с политической арены. Ее больше не видели на митингах и собраниях, ее статьи больше не публиковались на полосах коммунистической и вообще левой печати. Словно таковой партийки вовсе никогда не существовало. Только несколько человек в высшем руководстве КП США знали, что «товарищ Пойнтц» по весьма серьезным соображениям переведена на нелегальное положение. В США, где никогда не было внутренних паспортов и института так называемой прописки, а основным документом, удостоверяющим личность, служила водительская лицензия (в просторечии справа»), сделать это было нетрудно.

Американские коммунисты переходили время от времени на нелегальное положение, разумеется, не с целью вести подрывную деятельность против правительства или подготовки пролетарской революции. Такой переход проводился в двух случаях. Первый — товарищ под чужим именем, с чужим или подложным паспортом

по заданию Коминтерна мог направляться за рубеж для ведения там революционной работы. Чаще всего — в одну из колониальных стран, где шла национально-освободительная борьба против колонизаторов, например в Индию, Китай, Индокитай…

Второй вариант — партиец после прохождения соответствующей подготовки начинал работу в качестве агента на одну из советских разведок — военную или внешнюю.

Исчезнув из Нью-Йорка, Пойнтц на протяжении шести месяцев проходила усиленную подготовку в одной из секретных школ Разведупра Красной армии под Москвой. Вернувшись в США, она действительно отошла от активной политической деятельности.

Теперь одной из ее основных обязанностей была вербовка новых агентов, предпочтительно коренных американок, белых, англосаксонского происхождения.

Бентли идеально подходила на роль кандидатки на вербовку. Она была молодой привлекательной белой женщиной хорошего происхождения, весьма образованной, владела тремя иностранными языками, не значилась в полицейских списках правонарушителей даже за неправильную парковку автомобиля, не была обременена семьей…

Миссис Глезер легко завербовала Бентли так, что та об этом даже не догадалась. Джулиет объяснила Элизабет, что ее весьма интересует Италия и она хотела бы, чтобы девушка занялась с ней итальянским языком и вообще побольше рассказывала бы ей об этой замечательной стране и о том, что на самом деле представляет собой итальянский фашизм. Спустя некоторое время добавила, что последняя проблема весьма интересует и партийных товарищей, поскольку в Нью-Йорке живут и работают многие тысячи выходцев с Апеннинского полуострова, а также с островов Сицилия и Сардиния…

…На тринадцатом этаже штаб-квартиры Компартии на Восточной 13-й улице Бентли была представлена «товарищу Брауну». На самом деле его звали Марио Альпи. Впрочем, у этого опытного нелегала были и другие имена, под которыми его знали разные люди, в разных кругах, в разные годы. Как «товарищ Браун» этот человек был официальным представителем Коминтерна при Компартии США. Как Марио Альпи — функционером партийного подполья. Кроме того, он входил в итальянское бюро Компартии США.

Элизабет заинтересовала Альпи, видимо, в связи с тем, что Бюро по трудоустройству своих студентов Колумбийского университета устроило ее на работу в Итальянскую

правительственную библиотеку в Нью-Йорке. На самом деле то был самый настоящий пропагандистский центр итальянского фашизма в самом крупном городе страны. В нем жили и работали сотни тысяч итальянских иммигрантов. Среди посетителей библиотеки шла усиленная вербовка не только сочувствующих режиму Муссолини, но и потенциальных агентов итальянских спецслужб. Элизабет стала до бровольным и весьма обстоятельным информатором «товарища Брауна» обо всем, что происходило в вышеназванном культурно-просветительном учреждении. В Бентли, возможно, неожиданно для нее самой пробудился живой интерес к разведывательной деятельности.

По поручению «товарища Брауна» Бентли выполнила ряд заданий еще двух «товарищей» (в основном в качестве связной), которые, как она узнала много позднее, были оперативными сотрудниками резидентуры советской военной разведки в Нью-Йорке.

Сбор информации об итальянской библиотеке уже не мог удовлетворять новые интересы Бентли, о чем она не преминула поставить в известность своего шефа. «Товарищ Браун» и сам уже видел, что его новая помощница способна на нечто гораздо более серьезное.

Миссис Глезер к этому времени снова исчезла… 3 июня 1936 года она вышла из своего номера-квартиры в «Американ Вумен Отел», и… с тех пор ее больше никто никогда не видел… В 1944 году Джулиет Стюарт Пойнтц была официально признана умершей.

Что стало с Пойнтц на самом деле — неизвестно. В исторической литературе из книги в книгу переходит одна и та же версия: ее уничтожили боевики НКВД за предательство (вариант — за то, что «слишком много знала»). Доказательств — никаких. Такова уж традиция. На самом деле так называемых литерных устранений за границей люди ОГПУ/НКВД осуществили не так уж много. Так, достоверно установлены: ликвидация разведчиков-невозвращенцев Георгия Атабекова, Рудольфа Клемента и Игнатия Райса, политика Льва Троцкого, похищение генерала Александра Кутепова, в послевоенные годы — украинских националистов Льва Ребета и Степана Бандеры… Имели место несколько смертей при не выясненных по сей день обстоятельствах: сына Троцкого Льва Седова, Вальтера Кривицкого и Федора Раскольникова… Вокруг каждой такой смерти сразу начинают клубиться слухи. Никто не верит, что, к примеру, известный или даже знаменитый человек может, как простой смертный, стать жертвой автомобильной катастрофы.

В 1934 году в Нью-Йорке в районе 52-й улицы был найден в

бессознательном состоянии с проломленной головой резидент ИНО Валентин Маркин (оперативные псевдонимы «Оскар», «Дэвис»). Через несколько дней он скончался, так и не придя в сознание. По некоторым данным, он был обнаружен возле кинотеатра, по другим — неподалеку от бара… Установить, кто и почему напал на Маркина, не удалось и, видимо, уже никогда и не удастся. Но и сегодня каждый житель Нью-Йорка знает, что чужому человеку появляться в некоторых барах или кинотеатрах не стоит, как не следует с наступлением темноты гулять по Центральному парку в Манхэттене. Иностранец может этих тонкостей и не знать…

Опять же — в каждом мегаполисе почти каждый день бесследно исчезает человек, и не обязательно старик, страдающий потерей памяти. Кто не видел по телевидению или не читал в газетах сообщений, начинающихся словами: «Ушел из дома и не вернулся…»

Так что не стоит лишний раз повторять раз за разом никем не подтвержденную версию, что за исчезновением Пойнтц обязательно стоит «длинная рука Лубянки»…

…15 октября 1938 года состоялась — как выяснилось — последняя встреча Бентли с товарищем Брауном в Гринвич-Виллидж, перед маленьким ресторанчиком на Юниверсити-Плэйс. Браун заранее предупредил, что с этого дня она будет работать помощницей очень серьезного человека, занимающего в партии важное положение, точнее — одного из ее руководителей.

Встретившись, они неторопливо пошли вдоль 8-й улицы. На одном из углов вдруг, словно ниоткуда, возник широкоплечий невысокий, заметно ниже Элизабет, мужчина лет сорока с небольшим, в далеко не новом костюме с жилетом и таких же изрядно поношенных ботинках. У мужчины были яркие голубые глаза и… огненная шевелюра.

— Это Тимми, — представил его Браун несколько оторопевшей Бентли.

Тимми пригласил их сесть в стоявший за углом также далеко не новый «Додж»-седан. Втроем они проехали по 14-й улице, затем Тимми высадил Брауна у первой же станции подземки.

Лишь спустя много недель Бентли узнала настоящее имя «Тимми» — Яков Рейзен, впрочем, эта фамилия и в партии, и в деловых кругах Нью-Йорка была известна немногим. Большинство друзей, знакомых, деловых партнеров знали его как Якова Голоса. Только тогда Элизабет перестала называть его «Тимми», он стал для нее «Яшей», по его же просьбе. (Так, по-русски, называли его родственники[72].)

Молодая женщина понравилась новому шефу. Он достойно

оценил ее интеллект, образование, эрудицию, владение тремя иностранными языками, а со временем — организованность, деловитость и трудоспособность.

К сожалению, ни Паулина Роджерс, ни Джулиет Пойнтц, ни «товарищ Браун», ни Яков Голос не знали о двух серьезных недостатках Элизабет Бентли. (Впрочем, все годы ее сотрудничества с Голосом она их успешно преодолевала.) А именно: эта скромная, даже застенчивая женщина скрыла (сама полагая искренне, что рассталась с этим навсегда), что была алкоголичкой и нимфоманкой.

Девушка, как уже отмечено, за годы учебы в Вассаре, не говоря уже о средней школе, не имевшая ни одного бойфренда, в первое же лето после его окончания словно с цепи сорвалась. Ее первым любовником стал английский инженер, с которым она познакомилась на пароходе при первом ее путешествии в Европу. За студентом-арабом, несостоявшимся женихом, последовала череда случайных связей. Она безошибочно выбирала в баре, кафе, холле отеля мужчину или юношу, наделенного от природы повышенными интимными достоинствами. Сама не будучи красавицей, она обладала тем, что по-английски называется «sex appeal», то есть сильной сексуальной притягательностью.

В сочетании с тягой к спиртному это весьма опасная комбинация, способная довести до большой беды…

Так Элизабет Бентли стала агентом советской внешней разведки. Ей были присвоены (последовательно) оперативные псевдонимы «Умница» и «Мирна». (Источникам информации обычно представлялась как «Хелен».) До поры до времени она, как и многие другие информаторы Голоса, полагала, что собирает важные, в том числе и явно секретные, сведения исключительно для ориентирования в серьезных политических вопросах руководства Компартии.

Достаточно скоро она, однако, поняла, что некоторые данные, проходящие через ее руки, никак не могли быть полезны партии как национальной политической организации, но могли представлять большую ценность для иностранного государства. Таковым государством, чьим представителем в США был в ее глазах «Яша», на всем земном шаре могло быть одно-единственное — Советский Союз. А затем… Затем произошло то, что неминуемо должно было произойти, когда нормальная свободная женщина и нормальный свободный (уже несколько лет оторванный от семьи) мужчина проводят вместе большую часть суток.

Элизабет впервые за тридцать лет жизни при достаточно значительном числе интимных связей влюбилась, что называется,

«по уши» в своего руководителя. Что же касается Якова, то вряд ли приходится говорить о какой-то особой любви к своей помощнице с его стороны. Просто-напросто он слишком долго жил вдалеке от жены.

Интимная близость между двумя разведчиками, не являющимися законными супругами, никогда Центром не поощрялась, там, должно быть, всерьез считали своих агентов, находящихся в репродуктивном возрасте, существами бесполыми или принявшими монашеский обет полного воздержания. Автор полагает, что в действительности навсегда останется неизвестным, сколько — раз пресловутые запреты Центра нарушались, нарушаются в наши дни и будут нарушаться в будущем. Возникающие время от времени скандалы, особенно если разведчик попадает в так называемую «медовую ловушку», только подтверждают высказанное несколькими строками ранее предположение автора. Понятно, что на один раскрытый случай, завершившийся скандалом, приходится не менее десяти-двадцати, а то и более «нарушений», оставшихся достоянием лишь двоих «нарушителей».

Возникшая интимная связь никак не повлияла на отношение Голоса к своей любовнице именно как к помощнице в разведке. «Умница» в основном была его агентом-маршрутником. Ее главной обязанностью стали поездки в Вашингтон. В столице она шла по указанному адресу, встречалась с указанными ей людьми, забирала от них информацию (это могли быть копии каких-то документов или непроявленные фотопленки) и доставляла их в Нью-Йорк Голосу. В ряде случаев ей приходилось запоминать информацию устную. Это не составляло большого труда, поскольку она, как все люди, владеющие несколькими иностранными языками, обладала прекрасной, натренированной памятью. Однажды ей пришлось запомнить и передать, не сделав ни одной ошибки, тактико-технические данные истребителя, при этом не поняв ни одного термина…

После 1945 года американские газеты окрестили Элизабет Бентли «королевой шпионажа». На самом деле она таковой никогда не была, да и быть не могла. (Как и легендарная Мата Хари.) Сама Бентли не завербовала ни одного агента, не обзавелась ни одним источником информации самостоятельно, не проникла ни в одно государственное учреждение или военно-промышленное предприятие. Поэтому, собственно, она никогда не была изобличена ни ФБР, ни обычной полицией.

Подлинным «master spy», то есть в переводе с английского «мастером шпионажа», был «Звук» — Яков Голос. Бентли — всего лишь его помощницей на протяжении пяти лет, лишенной права

предпринимать какие-либо самостоятельные действия. К сожалению, и в этом качестве она слишком много и о многом в конечном счете узнала. Это, разумеется, непозволительно и крайне нежелательно для простого связного, то есть передаточного звена между групповодом, каким был «Звук», и его многочисленными агентами.

То была беда, присущая многим разведывательным группам, возникшим на базе активистов коммунистических партий, и не только в США, но особенно в США. Партийная дисциплина в них подчас была понятием размытым, некоей абстракцией, потому во многих случаях она не выдерживала серьезного испытания на прочность, особенно когда вступала в столкновение с личными интересами или жестокой реальностью жизни. К тому же многие участники такой цепи были даже не коммунистами, а лишь либерально настроенными демократами-интеллигентами, испытывающими личные симпатии либо к Советскому Союзу, в котором видели прообраз грядущего Царства всеобщего братства и справедливости, либо к идеям социализма, о котором также имели представления большей частью абстрактные и романтические. И, разумеется, все эти люди были убежденными антифашистами. И это уже без всяких натяжек.

Вышесказанное, разумеется, ни в малейшей степени не относится к самому Голосу. Потому как он был прежде всего российским революционером в лучшем смысле этого слова с огромным стажем борьбы, в том числе и с нелегальных позиций.

Примечательно и объяснимо, что многие идейные агенты советской военной и внешней разведки, в том числе и коммунисты, прервали с ними связь после заключения Пакта о ненападении между СССР и Германией. В США нечто подобное повторилось с наступлением эры холодной войны и накалом антисоветской и антикоммунистической истерии. Само словцо «маккартизм» по имени печальной памяти сенатора Джозефа Маккарти стало нарицательным, сменив пресловутую «охоту на ведьм».

Движущей силой всей деятельности Голоса были не спонтанные благородные порывы, а глубокие сознательные убеждения. Его тоже не мог не задеть пакт, но он понимал всю необходимость и вынужденную закономерность этого шага советского руководства после того, как Мюнхенский сговор распахнул настежь ворота для гитлеровской агрессии в Европе. Не было бы 30 сентября 1938 года, не вошла бы в мировую историю трагическая дата 1 сентября года 1939-го.

Элизабет Бентли ни в чем не сомневалась, никогда не колебалась, ни о чем всерьез не задумывалась, когда жила и

действовала за широкой спиной Якова Голоса. Стоило «Мирне» лишиться этой опоры, остаться один на один с реальной действительностью, жестокостью и разочарованиями окружающего мира, подминавшими людей и более крепкой нравственной закалки и моральных устоев, как неизбежно произошло то, что произошло. На беду, никто в этот тяжелый для «Мирны» период не пришел к ней на помощь, не поддержал даже простым словом участия…

Глава 9

Днем 21 июня 1941 года Голосу позвонил Арнольд Финкельберг и с гордостью сообщил, что у него только что от сына Джорджа родился второй внук, которого решили назвать Захари, сокращенно Заком. Старшему внуку — от дочери Минны, живущей с русским мужем, советским гражданином, в Москве, — было почти девять лет. Арнольд видел его совсем крохотным, годовалым, когда нелегально в последний раз приезжал в Москву по секретным комин-терновским делам. Этим внуком был автор этих строк.

Яков от души поздравил старого друга. А через несколько часов узнал уже о вовсе не радостном событии: на его Родину, которой он всегда считал Советский Союз, напала гитлеровская Германия.

Племянник Якова Ральф спустя почти полвека рассказывал Дмитрию Голосу, впервые после 1936 года прилетевшему в США, что дядя еще примерно за месяц до 22 июня говорил ему, что нападения немцев на Россию следует ожидать со дня на день. Племянник потому и запомнил этот разговор, как и то, что, по словам Голоса, война советской страны с оккупантами будет долгой и кровопролитной. Но победу в ней непременно одержит Страна Советов.

Что скрывалось за словами Голоса: наитие, предвидение, интуиция? В какой-то степени и первое, и второе, и третье… Но и только. В основном же — точный анализ международной обстановки в Европе, а также определенная информация. Ныне известно, что американские спецслужбы при всей их тогдашней относительной слабости все же имели в Третьем рейхе в высших эшелонах власти осведомленных информаторов. Достаточно достоверными сведениями о планах Гитлера по отношению к Советскому Союзу располагали и послы США в Берлине, Риме, Хельсинки, Будапеште, Бухаресте. Толика этой информации доходила и до источников Голоса в Вашингтоне.

К сожалению, значительная часть американцев под впечатлением от блистательных побед вермахта в Европе полагала, что Советский Союз, как «колосс на глиняных ногах», падет через 5–6 недель после начала вторжения.

Но это еще полбеды. Имели место странные высказывания ответственных лиц в высших кругах государственных структур. Так, сенатор-демократ от штата Миссури ГарриС. Трумэн на следующий день после нападения Германии на СССР сделал печально знаменитое и циничное (иначе не назовешь) заявление:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше».

Меж тем Трумэн уже тогда был не рядовым, малоизвестным сенатором. Он возглавлял сенатский комитет по наблюдению за производством военной продукции![73]

Через несколько лет, после смерти Франклина Рузвельта, Гарри Трумэн стал тридцать третьим президентом США, известным, как писал один из его биографов, не только слишком короткими, обнажавшими лодыжки, брюками, но и «своей честностью и здравым смыслом».

Высокопоставленные полковники и генералы, а также люди, имеющие какое-либо отношение к вооруженным силам или военной промышленности, высказывали мнение, что СССР потерпит неминуемое поражение из-за разгрома Сталиным и наркомом НКВД Ежовым высших, старших, средних и даже младших командиров РККА в 1937–1938 годах. Доля истины в таких рассуждениях, несомненно, была. Нет никаких сомнений, что крупные поражения, которые понесла Красная армия в первые месяцы войны, отчасти объясняются и зияющими прорехами во всех звеньях ее командного состава.

Соединенные Штаты в войне не участвовали — формально до Перл-Харбора оставалось еще пять месяцев, тем не менее они оказывали серьезную политическую, экономическую и военную помощь Великобритании.

На Британские острова переправлялись самолеты, вооружение, зенитные орудия, радиоаппаратура, различные боеприпасы, прочее военное снаряжение, медикаменты, средства тушения пожаров, продовольствие.

Эти поставки осуществлялись на основании закона о так называемом ленд-лизе[74], принятого конгрессом и подписанного президентом Рузвельтом 11 марта 1940 года. Тем самым президент получил право продавать, передавать, обменивать или поставлять каким-либо иным способом вышеперечисленные и иные материалы правительству любой страны, если ее оборона против гитлеровской агрессии признавалась жизненно важной для Соединенных Штатов. При этом материалы, уничтоженные в ходе военных действий, оплате не подлежали. Материалы или имущество, оставшиеся после войны и пригодные для гражданских нужд, либо оплачивались полностью, либо частично в порядке долгосрочных кредитов. (Существенно — правительство США сохраняло за собой право истребовать уцелевшее имущество обратно.)

Выделенные слова «любой страны» означали, что после 22 июня 1941 года Советский Союз автоматически получал право пользоваться ленд-лизом на тех же условиях, на которых уже получала американскую помощь Великобритания. Однако в действительности дело обстояло иначе.

Опрос общественного мнения, проведенный уже 24 июня, показал, что 54 % американцев высказались против и только 35 % — за оказание Советскому Союзу помощи на условиях, одинаковых с Великобританией. Остальные опрошенные своего мнения не высказали.

Значительная часть населения США полагала, что драматические события в Европе никакого отношения к их благословенной стране не имеют. Некоторые наивно верили, что, как в годы Первой мировой войны, Америка, надежно укрытая Атлантикой от Старого Света, на этом еще раз хорошо заработает. Изоляционисты во всех средствах массовой информации повторяли формулу Гитлера, что он, то есть Гитлер, является единственным оплотом цивилизации против большевизма. Правда, оставалось в таком случае загадкой, почему Великобритания объявила войну Германии, неужто вступившись за большевиков?

Разубедить замшелое обывательское сознание, казалось, было не в силах ничто… Даже два трагических события подряд в течение одного месяца.

17 октября 1941 года в 350 милях юго-западнее Исландии торпеда с немецкой подлодки попала в американский эсминец «Керни». Было убито 11 членов экипажа. Корабль едва добрался до гавани Рейкьявика.

Но гражданское население США не отождествляло себя с профессиональными солдатами и матросами, пожарными и полицейскими. Все они — контрактники, знали, что вербовались на службу, связанную с риском для жизни. Это — их проблемы… Вот призывники — это «наши парни». Совсем другое дело.

31 октября немцы торпедировали американский эсминец «Рубен Джеймс». Погибло 115 человек, в том числе все офицеры корабля.

Однако и эта информация ничего не изменила в общественном мнении…

Президент Франклин Делано Рузвельт, в отличие от своего будущего вице-президента и преемника по Овальному кабинету в Белом доме Гарри Трумэна, был политиком дальновидным и прагматичным. Дабы преодолеть сопротивление даже в собственном окружении, а также внести ясность в общественное мнение, он неоднократно разъяснял существенную разницу

между оказанием помощи Советскому Союзу и его Красной армии и помощью коммунизму.

30 августа Рузвельт заявил военному министру Генри Стимсону и военно-морскому министру Фрэнку Боксу: «Мне представляется исключительно важным для защиты и безопасности Америки, чтобы России была оказана любая в разумных пределах помощь военным снаряжением, но лишь пока она продолжает успешно сражаться с державами Оси».

28 октября 1941 года Рузвельт подписал распоряжение о распространении на СССР закона о ленд-лизе. (В соответствии с ним Советскому Союзу США предоставили беспроцентный заем в один миллиард долларов на оплату поставок по ленд-лизу. Тогдашний доллар по покупательной способности был равен по меньшей мере двадцати нынешним, а то и больше.)

Опубликовано это решение было и тем самым вступило в силу 7 ноября 1941 года, то есть после самых тяжелых для нашей страны месяцев войны, когда СССР, потерявший огромное количество самолетов, танков, орудий, стрелкового оружия и прочего военного имущества, как никогда остро нуждался в такой помощи[75].

Меж тем изоляционистское лобби в США, в том числе в конгрессе, а также во многих правительственных учреждениях и в большом бизнесе было чрезвычайно сильно. Любой помощи, даже воюющей Великобритании, не говоря уже об СССР, активно противодействовали и препятствовали многомиллионные немецкая и итальянская диаспоры. Одних только немецких организаций, союзов, всяческих ферейнов явно пронацистской ориентации в стране действовало сотни. Американо-германские штурмовики в полной коричневой униформе СА устраивали митинги даже в самом большом нью-йоркском зале знаменитого Мэ-дисон-сквер-гарден. Президенту Рузвельту для проведения ряда законов и положений приходилось преодолевать громадные трудности. Так, при принятии закона всего лишь о продлении срока воинской повинности сверх одного года он был принят в палате представителей большинством в… один голос!

Дело доходило до откровенного саботажа высокопоставленными правительственными чиновниками даже прямых распоряжений президента. Ситуация изменилась лишь в декабре 1941 года, после того как японцы совершили нападение на Перл-Харбор — главную базу Тихоокеанского флота США на Гавайских островах. Флоту был нанесен колоссальный урон. Японцы уничтожили 8 линкоров, 6 крейсеров, 1 эсминец, 272 самолета. Убито и ранено было 3400 человек. Вопреки распространенному мнению, камикадзе (летчики-смертники) в

этом нападении не участвовали.

В результате Япония в первые же часы боевых действий захватила господство на океане.

США сразу же были вынуждены объявить войну Германии как союзнице Японии.

В первый же день после нападения Германии на СССР Коммунистическая партия Америки выступила с обращением к народу. Она разъяснила задачи всемирной антифашистской освободительной борьбы, призвала к поддержке в этой борьбе Советского Союза и более тесному и действенному сотрудничеству с ним.

28 июня Национальный комитет Компартии США призвал к защите Америки путем предоставления неограниченной помощи Советскому Союзу и всемерному сотрудничеству США, Великобритании и СССР для военного и политического разгрома гитлеризма.

Примечательно, что многие неонацистски настроенные промышленники при выполнении заключенных впоследствии с ними правительственных заказов на продукцию, предназначенную для поставок в СССР, прибегли к давней тактике… пролетариата — так называемым итальянским забастовкам. (Когда работы не прекращаются, но при этом все установления инструкций, техники безопасности, договоров с профсоюзами и т. п. выполняются столь тщательно и неукоснительно, что производство фактически буксует, производительность падает в два-три и более раз.)

Рабочие большинства предприятий оборонной промышленности тогда приняли беспрецедентное решение: они добровольно согласились на удлинение рабочего дня и рабочей недели, на отказ от забастовок с целью максимального расширения производства. Эти решительные меры борьбы с саботажем промышленников получили даже собственное название — битва за производство.

Обо всех подобных фактах, тенденциях и настроениях в американском обществе агенты советской разведки — и внешней, и военной — обстоятельно информировали свои резидентуры. В Москве к этим тревожным сигналам прислушались…

Даже в самые страшные первые недели войны руководство страны не упускало из сферы своего внимания разведку, понимая ее роль в решении не только сиюминутных задач, сколь важны они ни были, но и в перспективе. Каковы бы ни были несомненные успехи агрессора на этом первом, трагическом для Советского Союза этапе боевых действий, в Кремле, похоже, понимали, более того — были убеждены, что поражения Красной

армии — дело временное, что война продлится еще долгие месяцы, а то и годы. Потому перед разведкой следовало ставить задачи и на обозримое будущее.

В июле 1941 года ГКО — Государственный Комитет Обороны во главе с И. Сталиным, фактически сконцентрировавший всю полноту власти в стране — и законодательную, и исполнительную, и военную, и партийную, — определил для всех резидентур основную тематику научно-технической информации, в которой первоочередно нуждалось государство. Приоритетными были выбраны следующие направления:

— исследования в области использования урана как нового источника энергии (вопрос о военном применении еще не стоял);

— радиолокаторы для армии и флота, а также портативные радиотехнические устройства;

— военные самолеты новых моделей, в первую очередь — высотные, авиационные приборы и оборудование, авиамоторы;

— новейшие средства обнаружения кораблей (гидроакустика); — синтетические каучуки, производство высокооктанового горючего, новых смазочных материалов и т. п.;

— новые средства химической и бактериологической войны, средства защиты от боевых ОВ и т. п.

Примечательно, что по целому ряду вышеназванных позиций резидентуры внешней разведки в США уже передавали в Центр полученную агентурным путем информацию, в том числе документальную.

В том же июле 1941 года в США прибыла полномочная советская комиссия с целью скорейшего решения сложнейших вопросов о материальной помощи СССР. Возглавил ее заместитель начальника Генерального штаба Красной армии и начальник его Разведывательного управления (РУ) генерал-лейтенант Филипп Голиков.

Перед отбытием его принял Председатель Государственного Комитета Обороны, Председатель Совнаркома СССР, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), нарком обороны и Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин.

Как вспоминал много лет спустя Голиков, уже Маршал Советского Союза, речь в ходе продолжительной беседы (что было весьма нехарактерно для обычно немногословного вождя) шла о вопросах военно-политического характера, а также о возможности приобретения в США вооружения и стратегических материалов.

Голиков пробыл за океаном не одну неделю, подметил многое и впоследствии, когда давно отшумели годы Второй мировой войны, с горечью вспоминал: «И в государственном аппарате США многие военные и гражданские чиновники были

настроены пронемецки».

Американские власти выделяли для перевозки грузов в Советский Союз главным образом суда различных латиноамериканских стран. Грузоподъемность этих судов и мореходные качества были низкими, команды — разношерстные, что создавало благоприятную почву для работы фашистских агентов. Во второй половине 1941 года и в первой половине 1942 года в американских морских портах и на железнодорожном транспорте было немало случаев проявления саботажа и диверсий. На подходах к портам умышленно создавались пробки с различными грузами, предназначенными для СССР. На судах возникали пожары, происходили поломки механизмов, аварии во время погрузок, сама погрузка проводилась беспорядочно, ящики с грузами часто разбивались, создавалась путаница транспортной документации. Эти и другие «неполадки» тормозили отправку из американских портов грузов для Советского Союза.

Борьба с этими трудностями осложнялась тем, что среди грузчиков, работавших на причалах Нью-Джерси, преобладали выходцы из Германии, а на Бруклинской стороне порта — из Италии. Профсоюзы грузчиков находились под руководством реакционных элементов. Грузчики немецкого и итальянского происхождения большей частью были настроены к нам враждебно.

Со стороны фирм и организаций, направлявших в наше распоряжение различные виды вооружений, оборудование и материалы, было также немало случаев недоброжелательного отношения. Например, при контрольном вскрытии подготовленных для отправки в Советский Союз ящиков в них вместо тех или иных механизмов и материалов обнаруживали металлические чушки, стружку и т. п. На протесты со стороны советских представителей американцы отвечали: «А не все ли равно, ведь все это утонет по дороге или попадет в руки к немцам»[76].

Надо отдать должное профессионализму и местной полиции: даже не обладая специфическим опытом борьбы с иностранной разведкой, но накопив таковой, и весьма богатый, при ликвидации гнезд организованной преступности (в Европе известной под собирательным термином «мафия»), сотрудники ФБР и полиции в кратчайший срок обезвредили почти всю агентуру германского абвера (большей частью) и AMT-VI — внешней разведки СД/ РСХА — Главного управления имперской безопасности.

Однако ни ФБР, ни иные государственные учреждения не могли ориентировать общественное мнение Соединенных Штатов

на осознание опасности, которой была чревата разнузданная деятельность бесчисленных объединений профашистского толка, и не только в германской и итальянской диаспорах.

Известно, что не стеснялся своих коричневых симпатий и активно поддерживал реакционеров всех мастей даже католический архиепископ Нью-Йорка и… вооруженных сил США с 1939 года (а позднее кардинал страны) Фрэнсис Джозеф Спеллман.

Не скрывал своих прогерманских и пронацистских взглядов знаменитый «автомобильный король», основатель этой важнейшей отрасли промышленности США Генри Форд. Он вообще отличался реакционными взглядами решительно на все. Промышленник знал по именам всех старых мастеров и рабочих своих предприятий; они, в свою очередь, могли обращаться к нему просто по имени (это соответствует нашему русскому быть на «ты»). И это не было со стороны миллиардера игрой на публику, он действительно оставался в быту и в отношениях с людьми таким же простецким парнем, каким был в дни далекой молодости. Но при всей внешней демократичности Форд категорически и успешно противился созданию на своих предприятиях самых обычных профсоюзов, давно существовавших во всем мире и на множестве крупных заводов, фабрик, шахт, транспорте США. На заводах Форда в Детройте имелась даже собственная полиция численностью в несколько сотен человек. Как известно, любой автомобильный завод имеет дело с сотнями предприятий-смежников, поставляющих ему материалы, комплектующие и т. д. Форд не заключал соглашения ни с одним предприятием, даже на выгодных для себя условиях, если знал, что среди его владельцев есть хоть один еврей.

Немцам же Форд симпатизировал настолько явно и полезно для имиджа Третьего рейха в глазах американских обывателей, что в 1938 году в связи с семидесятипятилетием промышленника Гитлер наградил его высшей степенью ордена Германского Орла — Большим Крестом. Этот орден имел шесть степеней и две медали. Большим Крестом по статуту награждались только генерал-фельдмаршалы, гроссадмиралы, генерал-полковники, генерал-адмиралы и главы иностранных государств…

…Хорошо понимая эту опасность, счел своим долгом предупредить соотечественников Яков Голос. Причем без подсказки со стороны кого-либо из советских товарищей, исключительно по собственной инициативе. Да никому в резидентуре и в голову бы не пришло обратиться к нему с соответствующим предложением. Никто из товарищей просто не представлял в полной мере, какими возможностями в самых

неожиданных кругах американского общества обладал <жЗвук».

Меж тем Яков Голос успешно осуществил пропагандистскую акцию, подобные которой впоследствии в практике уже КГБ СССР получили многозначительное, хотя и весьма туманное название «активные мероприятия». В ПГУ (Первом главном управлении — внешней разведке) КГБ была образована даже специализированная служба <А», так называемая Служба активных мероприятий.

…В первые послевоенные годы в нашей стране большой популярностью пользовались ныне ставшие библиографической редкостью книги прогрессивных американских публицистов Майкла Сейерса и Альберта Кана «Тайная война против Советской России» и «Тайная война против Америки»[77].

Вторая из них своим рождением и выходом в свет целиком обязана усилиям Якова Голоса.

Еще с той поры, когда Яков Рейзен сам печатался в рабочих газетах под псевдонимом «Голос», у него установились широкие и прочные связи со многими прогрессивными журналистами и литераторами (не говоря уже о легендарном Джоне Риде, которого друзья обычно называли Джеком). Симпатии к социалистическим идеям в этой среде были явлением тогда весьма распространенным, интерес к Советской России огромен. А после прихода к власти Муссолини в Италии и, особенно, Гитлера в Германии большинство этой интеллектуальной элиты стали и убежденными антифашистами. Эти настроения отлично передал крупнейший американский драматург Артур Миллер. Увы, сегодня большинству американских обывателей автор знаменитой «Смерти коммивояжера» и других замечательных пьес известен лишь как… один из официальных мужей Мэрилин Монро!

Миллер, в частности, писал: «Социализм символизировал разум, в то время как фашизм, апеллировавший в лице Гитлера, Муссолини, а позже Франко к темным, атавистическим инстинктам, провоцировал низменные проявления коллективного сознания, чтобы править не с помощью разума, а войны. Разум олицетворял Советский Союз, ибо там делалось все, чтобы большинству жилось лучше. Он постоянно призывал заключить пакт о коллективной безопасности, который бы объединил усилия Запада и России против фашизма. Хотя однопартийная советская система не казалась верхом демократии, было достаточно отговорок, позволявших закрыть на все это глаза (десятилетия спустя та же история повторилась с кастровской Кубой, а в правом крыле — с диктатурами Чили, Аргентины и Турции). Все обстояло очень просто: нам надо было во что-то верить, и мы

обретали веру там, где могли, в том числе в благородных иллюзиях. Действительность Америки с ее постоянно растущей армией безработных, затхлой атмосферой подавленности, разгулом расизма, потерей ценностей и, что самое страшное, отсутствием будущего для молодых была невыносима. Рузвельта едва ли можно было причислить к лику святых, но даже он пытался что-то сделать, чтобы предотвратить полное крушение. Единственное, что могло спасти мир, — это трезвый рассудок и социализм с его установкой на производство не ради прибыли, а ради всеобщей пользы»[78].

И далее: «Постичь человеческие иллюзии — значит понять их исходные предпосылки, проникнуть в логику алогичного. Когда западные демократы во главе с такими людьми, как Чемберлен в Англии и Даладье во Франции, с легкостью отдали Гитлеру Чехословакию, обладавшую одной из сильнейших и наиболее подготовленных в Европе армий, способной остановить немцев, и отказались продавать оружие испанским республиканцам, тем самым откровенно пособничая итальянскому и германскому фашизму в разгроме первого в истории Испании демократического правления, стало ясно, о чем мечтают союзники. Франции и Англии нужна была победа Германии над Россией, чтобы надолго разделаться с коммунистическими идеями, отказать в праве на существование социалистическому государству и заново перекроить мир, судьбы которого вершили бы германские нацисты, английские аристократы и французские миллионеры при поддержке наемных армий»[79].

Альберт Кан и Майкл Сейере искренне симпатизировали Советскому Союзу и были убежденными антифашистами. Как профессиональные журналисты, они самостоятельно собирали материалы о подрывной деятельности нацистов в США, но их возможности, что вполне объяснимо, были весьма ограничены, в основном им приходилось довольствоваться разрозненными сообщениями в периодической печати, в том числе провинциальной, и радиопередачами. Надежными информаторами во властных структурах, тем более в спецслужбах, они не располагали. Правда, имелись некоторые источники в полиции, и то не на ключевых должностях. Кое-что они черпали из открытых, весьма скудных публикаций министерства юстиции, Государственного департамента и различных комитетов конгресса. Абсолютное большинство американцев эти публикации никогда не читали, потому как вообще не подозревали об их существовании.

С апреля 1939 года Кан выпускал еженедельный бюллетень «Час», в котором в меру своих сил изобличал деятельность

нацистской «пятой колонны» в США. Еженедельник являлся официальным органом Американского совета антинацистской пропаганды, председателем которого был бывший посол США в Берлине Вильям Додд.

…Профессор историк Вильям Додд-старший был убежденным антифашистом и пост посла США в Берлине принял лишь по настоятельной просьбе президента Франклина Делано Рузвельта, чьим личным и давним другом являлся. Пост этот он занимал с 1933 по 1937 год. Вместе с отцом в Германию отправилась и его двадцатипятилетняя дочь, талантливая журналистка Марта. (Впоследствии она помогла отцу привести в порядок рукопись и издать ее под названием «Дневник посла Додда». Эта интереснейшая книга была переведена и на русский язык. Написала Марта и собственную — «Из окна посольства».)

В Берлине Марта входила в руководство Американского женского клуба при посольстве США на Бельвьюштрассе. Здесь она подружилась с имевшей двойное — американское и немецкое — гражданство Милдред Харнак, женой одного из создателей «Красной капеллы» Арвида Харнака, являвшегося агентом советской внешней разведки (псевдонимы «Балтиец» и «Корсиканец»), Милдред также была активным членом антифашистского подполья.

Марта Додд была женщиной весьма смелых нравов. Не в феминистском смысле, но в той сфере отношений, что принято стыдливо называть личной жизнью.

К двадцати четырем годам Марта успела побывать замужем за нью-йоркским банкиром и развестись с ним. Не будучи писаной красавицей, она обладала невероятной сексуальной привлекательностью и пользовалась у мужчин огромным успехом. В числе героев бурных романов дочери посла в Берлине побывали первый шеф гестапо Рудольф Дильс, внук кайзера Вильгельма Второго кронпринц Луис-Фердинанд, знаменитый летчик (самый результативный ас Первой мировой войны из оставшихся в живых — 62 победы), личный друг Германа Геринга генерал Эрнст Удет, известный американский писатель Томас Вулф…

Но главной и настоящей любовью Марты Додд стал советский дипломат и кадровый разведчик Борис Виноградов. Он-то и привлек ее к сотрудничеству с советской разведкой под псевдонимом «Лиза». Нашим агентом стал и ее брат Вильям Додд-младший (оперативный псевдоним «Президент»).

По возвращении в США Марта Додд вышла замуж за состоятельного бизнесмена Альфреда Стерна, также ставшего агентом советской внешней разведки (псевдоним «Луис»).

Все трое, не занимая никаких серьезных постов, но обладая

огромными связями, как принято говорить, «в высших сферах», поставляли резидентуре массу политической информации, нередко — ценной.

Голосу приходилось время от времени контактировать и с Мартой Додд Стерн, и с ее братом Уильямом Доддом-младшим.

…В январе 1942 года Яков Голос пришел в дом к Альберту Кану, который тогда жил на 9-й Восточной улице между Пятой авеню и Юниверсити-Плейс. Пришел не с пустыми руками: он предложил молодому тридцатилетнему журналисту помощь — ценнейшую информацию, которой располагал как опытный и серьезный разведчик.

Невзирая на свое название, «Час» просуществовал еще долгие недели и месяцы — последний выпуск вышел в свет 20 мая 1943 года. За это время в нем были приведены десятки изобличительных фактов саботажа, шпионажа и диверсий нацистских спецслужб и их американских агентов. Сегодня невозможно точно установить, какие из материалов были добыты издателями самостоятельно, какие предоставлены Яковом Голосом. Важно другое — еженедельник стал важным фактором в антифашизации (если допустим этот термин) американского общества. Не может быть сомнения и в том, что эти публикации в известной степени способствовали активизации профессиональной работы ФБР и полиции.

…Несколько примеров подобных публикаций. В ноябре 1940 года, через неделю после того, как Франклин Делано Рузвельт был в третий раз избран президентом США, на протяжении 20 минут со странной последовательностью — ровно каждые 10 минут — произошло три страшных взрыва на оборонных заводах в штатах Пенсильвания и Нью-Джерси. В Вудбридже были уничтожены два корпуса завода, производящего торпеды и сигнальные ракеты. В Эдинбурге взорван пороховой завод. В Аллентауне еще одно такое предприятие, но уже другой фирмы. Погибло 16 человек, ранены десятки. Убытки исчислялись миллионами долларов.

В начале 1942 года в Атлантике потерпели аварию восемь судов с военными грузами, предназначенными для СССР. Три из этих судов затонули, четыре получили тяжелые повреждения в результате взрывов и пожаров и были вынуждены вернуться обратно, одно из поврежденных судов было добито торпедой, выпущенной немецкой субмариной, которая по удивительному совпадению в нужный момент оказалась именно в этом месте.

В ноябре того же года у одного из причалов нью-йоркского порта возник сильный пожар на огромном французском океанском лайнере «Нормандия»). Это чудо судостроения,

созданное во Франции всего несколько лет назад, было куплено правительством США и готовилось к выходу в океан в качестве вспомогательного корабля американского военного флота. (Факты диверсии были достоверно установлены последующим расследованием…)

…Свой первый после ввода в эксплуатацию рейс «Нормандия», тогда еще принадлежавшая Франции, с пассажирами на борту совершила в Нью-Йорк в 1935 году. По этому поводу в роскошных салонах лайнера был устроен пышный прием с банкетом. В числе гостей на приеме присутствовал и глава известной туристической компании… Яков Голос, облачившийся в смокинг, взятый, разумеется, напрокат[80]!

В конце 1942 года увидела свет книга Майкла Сейерса и Альберта Кана под названием: «САБОТАЖ! Тайная война против Америки».

Слово «саботаж», набранное крупными литерами, отсутствующее в русском переводе, объясняется еще и тем, что авторы приводят в книге многочисленные факты тайного сотрудничества ряда крупных американских фирм с врагом США — нацистской Германией!

…Война в далекой России своим «крылом» коснулась и лично Якова Голоса. Как отца сына, которому в марте 1941 года исполнилось восемнадцать лет.

27 июня 1941 года в небольшом чахлом скверике в районе так называемой Маленькой Италии Голос в очередной раз встретился с сотрудником резидентуры «Леонидом» (Алексеем Прохоровым). Голос тогда предложил организовать отправку в германский тыл под видом журналистов, медсестер и т. п. ветеранов Бригады Линкольна для разжигания там партизанской войны. По словам Голоса, в его распоряжении имеются американцы польского, чешского и украинского происхождения, согласные и способные вести такую борьбу. Он также намеревался организовать отправку бойцам действующей Красной армии посылок с сигаретами, теплыми носками и свитерами, а также предметами личной гигиены.

В заключение он просил «Леонида» отправить в Москву телеграмму с отцовским пожеланием своему сыну вступить добровольцем, не дожидаясь призыва, в Красную армию.

Этот факт абсолютно достоверен, поскольку об этой встрече «Леонид», вернувшись в Москву, подробно доложил заместителю начальника (впоследствии начальнику) 3-го, англо-американского отдела внешней разведки Андрею Трауру.

Родительское благословение «Звука» запоздало — в тот день, 27 июня, его сын Мильтон Рейзен, ставший в СССР Дмитрием

Голосом (почему-то Наумовичем по паспорту, а не Яковлевичем), в воинском эшелоне уже следовал на фронт. Далось это ему далеко не просто.

23 июня Дмитрий вместе с несколькими одноклассниками, всего три дня назад получившими свидетельство об окончании средней школы (аттестаты зрелости тогда еще не были учреждены), отправился в райвоенкомат — записываться добровольцем. И встретил категорический отказ. Оказывается, его фамилия в числе еще двухтрех числилась в особом секретном списке лиц, призыву не подлежащих. Причины такого приказа сверху военком, разумеется, не знал, мог только о чем-то догадываться. Но распоряжение было категоричным.

Тогда Дмитрий Голос, как рядовой комсомолец, прямым ходом отправился в райком ВЛКСМ. Там, понятно, о секретном указании и не знали…

…Боевое крещение рядовой Дмитрий Голос принял уже недели через две в оборонительных боях в Эстонии, под Нарвой. Потом в составе бригад Морской пехоты (знаменитых 6-й, 4-й и 260-й — все они понесли тяжелейшие потери) защищал Ленинград. Стал командиром отделения войсковых разведчиков[81].

Летом 1942 года в Кронштадте, где его часть находилась на переформировании, краснофлотец Голос вдруг получил приказ незамедлительно явиться в Ленинград в Особый отдел штаба фронта! Прямое начальство только разводило руками, поскольку никак не могло понять подобного интереса столь высокого органа военной контрразведки к рядовому бойцу.

В Питере ничего не понимающий полковник сообщил Дмитрию, что в соответствии с секретной шифровкой из Москвы он должен передать краснофлотцу Голосу привет от папы, а также получить от него коротенькое, написанное тут же, письмецо тому же таинственному папе… Что и было сделано.

Впоследствии жена Голоса через посредничество сотрудников НКВД/НКГБ СССР, в частности от ставшего крупным руководителем во внешней разведке и генерал-лейтенантом Виталия Павлова, недавно ушедшего из жизни, получила еще несколько коротеньких весточек от мужа… Последних.

Пристальное внимание к вышеназванному «Часу» не умаляло интереса Голоса к журналистике иного толка. Общеизвестно, что любая разведка значительную часть информации черпает из открытых средств массовой информации: газет, журналов, радио, а в наши дни — телевидения и Интернета. В 30-е и 40-е годы едва ли не самыми информированными, а потому и влиятельными журналами в США были «Форчун» (Fortune) и «Тайм» (Time), шеф-

редактором которых был знаменитый Генри Люс. Эти издания обладали огромной корреспондентской сетью, их репортеры проникали в самые забытые господом утолки земного шара, не говоря уже о «горячих точках» тогдашней мировой политики. В обе редакции ежедневно по телефонам, телетайпам и телеграфу стекалась уйма информации. Естественно, лишь ее малая толика (по многим соображениям, порой и не самая важная) попадала на страницы.

Люди Якова Голоса сумели проникнуть в оба издания, в результате многие сообщения, имеющие порой исключительную политическую, экономическую и даже военную ценность, в Москве читали раньше, чем с ними знакомился сам Генри Люс или его ближайшие помощники.

Примечательный пример: 5 октября 1941 года супруга президента Элеонора Рузвельт[82] устроила семейный ужин для самого узкого круга личных друзей в связи с грустным событием — кончиной матери Франклина Рузвельта. Среди гостей присутствовал и «контакт» Голоса. На следующий день он сообщил Якову, что миссис Рузвельт высказала мнение, что нынешний ход событий во многом зависит от взаимоотношений трех лидеров: ее собственного супруга, руководителя Советского Союза Сталина и премьер-министра Великобритании Черчилля. При этом Элеонора Рузвельт не слишком почтительно назвала Черчилля «старым английским пьяницей», который, по мнению самого президента, является неплохим лидером своей страны во время войны, но на которого нельзя полагаться в вопросах послевоенного устройства мира. Последняя фраза имела для Москвы огромное значение. Как известно, советский руководитель Сталин придерживался такой же точки зрения, и мнение Рузвельта лишний раз ее подтвердило и укрепило.

Яков Голос столь же успешно информировал резидентуру как об открытой, так и о закрытой деятельности ряда пронацистских, антисоветских и эмигрантских организаций и их органов печати в США.

Вторая мировая война обрушила на Якова Голоса новые тревоги, новые заботы, новые нагрузки. После памятного судебного разбирательства «Уорлд Туристе» — Голос это понимал — уже навсегда останется объектом пристального внимания властей. К тому же в глазах некоторых обывателей ее репутация оказалась подмоченной, в результате компания стала менее доходной. А деньги были нужны, тем более что из-за войны, пока только в Европе, и в США все стало дорожать.

Голос пришел к выводу, что ему не остается ничего иного, как… основать еще одну компанию! И он это сделал: так в Нью-

Йорке появилась United States Service & Shipping Corporation — «Корпорация Соединенных Штатов по обслуживанию мореходства» — примерно так можно перевести ее название на русский язык. Задачи — примерно те же, что и у «Уорлд Туристе, Инк.», — оказание деловых услуг по перевозке грузов различным судам, принадлежащим компаниям США, СССР, Канады и Мексики. После нападения Германии на СССР — отправление посылок, продовольственных и вещевых, советским родственникам.

Офис компании располагался на девятнадцатом этаже огромного здания на Пятой авеню, 212, всего в нескольких кварталах от офиса «Уорлд Туристе». Из окон нового офиса открывался великолепный вид на Гудзон и Нью-Джерси на противоположном берегу реки.

Сделав разумные выводы после злосчастной истории с «Уорлд Туристе», Голос решил во главе новой компании поставить «стопроцентного», «чистого» американца, пользующегося хорошей репутацией в деловых кругах, принятого, как говорится, в лучших домах Пятой и Парк-авеню.

И он такого человека нашел. Звали его Джон'Хазард Рейнольдс. Он был старым знакомым Голоса, когда-то даже работал некоторое время в «Уорлд Туристе». Дело в том, что Рейнольдс принадлежал к старой шотландской семье (отсюда его псевдоним — «Скотт»). Его дед в былые времена избирался мэром Нью-Йорка, отец — членом верховного суда Нью-Йорка. В 1935 году Рейнольдс посетил СССР, там ему понравилось, он вообще разделял многие левые идеи, что, впрочем, нисколько не мешало ему быть успешным биржевым маклером. У него были — что имело значение для дела — большие связи в адвокатских могущественных кругах Нью-Йорка. Его личный юрисконсульт являлся юрисконсультом посла США в Советском Союзе Аверелла Гарримана!

Предложение Голоса почему-то пришлось по душе Рейнольдсу, и он не только согласился стать президентом фирмы, но и внес солидные деньги — 5 тысяч долларов — для ее создания. Остальной пай — 15 тысяч долларов — поступил от Эрла Браудера, то есть из партийных средств, заработанных, понятно, все тем же… Яковом Голосом в «Уорлд Туристе, Инк.»! Благодаря связям Рейнольдса новая компания не была зарегистрирована Госдепом в качестве иностранного агента. Вице-президентом ее стала Элизабет Бентли. Этим Голос убил одним выстрелом двух зайцев: легализовал свою помощницу и обеспечил ей вполне официально хорошее жалованье. В документах НКВД корпорация проходила под кодовым

наименованием «Комбинат».

В 1941 году Рейнольдс, участник Первой мировой войны, имевший воинское звание «майор», вернулся в армию и, хотя еще долгое время оставался в Нью-Йорке, ввиду большой занятости по службе в дела корпорации фактически не вмешивался.

В конце 1940-го или в начале 1941 года попал под наблюдение ФБР Гайк Овакимян. Бесполезно высказывать предположения, допустил ли он какие-либо ошибки, утратил в какой-то степени профессиональную бдительность из-за неимоверной усталости…

«Геннадий» работал в Нью-Йорке уже около семи лет. Это не просто долго. Это даже не очень долго. Это слишком долго. Рано или поздно местная контрразведка неминуемо должна была накрыть его невидимым, но плотным колпаком.

Один из агентов Овакимяна, научный сотрудник крупной фирмы — псевдоним «Октан», — вдруг явился с повинной в отделение ФБР. Остальное было, как говорится, делом техники. «Геннадий» был задержан, по американскому выражению, «caught red handed» («пойман с красными руками»), то есть взят с поличным при приеме от «Октана» секретных материалов. Это случилось 5 мая 1941 года. Судья федерального суда на Фолисквер зачитал постановление о взятии Овакимяна под стражу или освобождении его до суда под залог в 25 тысяч долларов. Сумма по тем временам была огромная. Ни консульство, ни «Амторг» собрать ее сразу никак не могли, и разведчику пришлось некоторое время провести в федеральной тюрьме. Судьбой Овакимяна в Москве занимались в высших эшелонах власти, вплоть до второго лица в стране — заместителя Председателя Совнаркома СССР и наркома иностранных дел Вячеслава Молотова. Освобожденному наконец под залог Овакимяну по указанию Центра консульство стало подыскивать сильного, следовательно, очень дорогого адвоката.

Трудно сказать, чем мог бы завершиться суд. (Напомним читателю, что сотрудник «Амторга» Овакимян не пользовался дипломатическим иммунитетом, если бы он таковым обладал, не было бы речи ни о залоге, ни об аресте, ни о суде. Его просто объявили бы персоной нон грата и выслали из страны. Таковое порой делается даже без названного официального объявления, по «тихой» договоренности с посольством, дабы скандалом не омрачать отношения между двумя странами.)

От неминуемой тюрьмы Овакимяна спасло… нападение гитлеровской Германии на СССР! Советский Союз вмиг оказался союзником Великобритании, следовательно, пока что неофициально, и Соединенных Штатов. Осуждение советского

гражданина по обвинению в шпионаже выглядело бы явно недружелюбным шагом по отношению к стране, ведущей смертельную схватку с германским агрессором.

По личному указанию президента Рузвельта Государственный департамент сообщил генеральному консульству СССР в Нью-Йорке, что мистер Гайк Овакимян может беспрепятственно отбыть на родину.

Яков Голос в этой ситуации смог оказать другу последнюю услугу. Через своих людей в Сан-Франциско (добраться до советского порта в условиях уже бушующей войны в Европе можно было только с Восточного побережья США, то есть через Тихий океан) по самой льготной цене отправил на родину нажитое за семь лет имущество семьи Овакимян. 23 июля 1941 года на советском пароходе «КИМ»[83] Овакимяны отплыли во Владивосток[84].

Вступление США в войну с Японией, Германией и ее союзниками положило конец некоторому благодушию Федерального бюро расследований и воссозданию, а точнее, созданию полноценной разведывательной службы. Общеизвестно, что розовой мечтой любой разведки является проникновение в чужую (вовсе не обязательно во вражескую) контрразведку и разведку. О каком-либо проникновении в ФБР в те годы не могло быть и речи.

Отдадим должное Гуверу — за долгие годы своего руководства он создал сплоченную, монолитную службу, к тому же относительно малочисленную, где каждый знал каждого по сложной и зачастую весьма опасной работе. Агенты ФБР составляли своего рода касту, причем — элитную касту специалистов высшей квалификации, прочной репутации абсолютно неподкупных и преданных делу людей. Проникнуть в эту замкнутую систему с разведывательной целью со стороны или с той же целью завербовать кого-либо было абсолютно нереально.

Что же касается разведки, то таковой сколь-либо серьезной до Второй мировой войны у американцев не было. Возможно, именно по этой причине японцы и смогли 7 декабря 1941 года нанести столь страшный удар по военно-морскому флоту США в Перл-Харборе. Правда, существует версия, что президент Франклин Делано Рузвельт был осведомлен о намечавшемся нападении, но, как и высшее командование ВМФ, пренебрег симптомами надвигающейся беды, чтобы, преодолев сопротивление конгресса и значительной части общества, объявить войну Стране восходящего солнца. Если это всего лишь версия с претензией на сенсационность, то следует признать, что, если бы у США была серьезная разведка, пользующаяся у

Рузвельта авторитетом и доверием, он бы прислушался к доказательным предупреждениям.

Но не будем так уж сурово относиться к Франклину Делано Рузвельту, самому выдающемуся государственному деятелю США в XX столетии. Председатель Совнаркома СССР Иосиф Сталин также не прислушался к куда более аргументированным донесениям и внешней, и военной разведки Советского Союза.

Абсолютно недостаточная информация поступала к президенту в Вашингтон в основном от военных и военно-морских атташе в различных странах по дипломатическим каналам, а также из… публикаций в средствах массовой информации, то есть газет и радиопередач.

Кое-чем делились с Рузвельтом традиционные союзники — англичане. Но Черчилль после вступления Великобритании в войну был лицом заинтересованным и в получении военной помощи из США, и в прямом вступлении Америки в войну. Рузвельт, естественно, это понимал…

Президенту, как уже было сказано, приходилось считаться в ту пору и с сильными изоляционистскими настроениями в тогдашнем американском обществе, разделяемыми многими конгрессменами и сенаторами.

Как бы то ни было, но даже до Перл-Харбора и вступления США в Мировую войну президент уже осознавал необходимость создания дееспособной разведки. В традициях Америки — назначать на ответственные государственные посты зачастую не профессионалов, а политиков, лично известных президенту, иногда просто за заслуги в предвыборной кампании[85].

Строго говоря, 11 июля 1941 года была учреждена даже не организация, но пока только должность с уклончивым названием «координатор информации» («КИ»). Под конкретного человека — личного друга президента, крупного нью-йоркского адвоката Уильяма Донована, известного в кругах Уолл-стрит под красноречивым прозвищем «Дикий Билл».

В документах НКВД/НКГБ он проходил под псевдонимом «Диктор».

Донован участвовал в Первой мировой войне, был трижды ранен, за личную отвагу в боях награжден высшими американскими, английскими и французскими орденами. Когда в России произошла революция и разразилась Гражданская война, Донована направили в эту страну, и некоторое время в качестве офицера связи армии США он находился при штабе адмирала Колчака.

После войны Донован занимал высокие прокурорские должности, затем переключился на частную адвокатскую

практику, которой занимался в международном масштабе. В числе его клиентов, к примеру, был Уинстон Черчилль.

Донован был человеком авантюрного склада, что, однако, не мешало ему быть удачливым практиком во всех своих делах. Из природной любознательности, а также тяги к приключениям он в частном порядке побывал и в Эфиопии во время итальянской агрессии в эту страну, а затем и в Испании, охваченной Гражданской войной.

В конце 30-х годов президент Рузвельт назначил Донована своим послом для особых поручений. В этом качестве Донован объездил всю Европу и Средний Восток. Находясь в Англии, он лично познакомился с руководителями британских спецслужб, получил от них определенное представление о структуре, кадрах и методах разведки Великобритании. Среди представленных ему офицеров старейшей разведки страны — военно-морской — был капитан-лейтенант Ян Флеминг, будущий автор знаменитых книг о супершпионе, агенте 007 Джеймсе Бонде…

Британские спецслужбы учредили должность своего постоянного представителя в США, им стал полковник Уильям Стивенсон. Вместе со Стивенсоном в конце 1940 года Донован совершил опасную поездку общей протяженностью в 25 тысяч миль по фронтам открытого и тайного противостояния воюющих держав. Он побывал на Гибралтаре, Мальте, в Египте, Греции, Югославии, Турции, Португалии и Испании.

Донован имел звание полковника запаса, но на пост координатора по ряду соображений он был назначен как гражданский человек. Лишь позднее, уже после реорганизации ведомства в Управление стратегических служб (УСС), 11 июня 1942 года он был произведен в бригадные генералы, а затем и в генерал-майоры[86].

Примечательно, что созданию Бюро Донована яростно противился директор ФБР Эдгар Гувер, не желавший делить с кем-либо своих полномочий.

Назначив Донована на этот пост, Рузвельт поручил ему 4!..сбор и обработку всех данных и материалов, имеющих отношение к национальной безопасности; обеспечение доступа к этим данным президента, а также тех чиновников из тех правительственных структур, которые определит президент; принятие с личного одобрения президента мер для облегчения получения данных, важных с точки зрения национальной безопасности, но еще не имеющихся в наличии…»

Последняя часть замысловато закрученной фразы означала не что иное, как проведение разведывательных операций.

По штатному расписанию в Бюро насчитывалось

первоначально всего девяносто два сотрудника, но уже через пять месяцев в нем работало почти шестьсот человек!

Надо сказать, что кадровые проблемы Донован решал чрезвычайно решительно и смело. Помимо некоторых ветеранов разведки еще Первой мировой войны он пригласил на службу людей, ранее к разведывательной деятельности по своей гражданской профессии вроде бы никакого отношения не имеющих. Так, Донован сразу создал в Бюро Отдел исследований и анализа, куда пригласил талантливых, зачастую весьма молодых ученых: математиков, экономистов, психологов, историков, географов, даже… антрополога.

Привлек Донован к сотрудничеству и уж совсем вроде бы неожиданных лиц, например — знаменитого кинорежиссера Джона Форда, автора «Гроздьев гнева», и Мериана Купера, режиссера <Кинг-Конга».

Донован создал — и это был очень дальновидный поступок — при Бюро и Службу иностранной информации, во главе которой поставил выдающегося драматурга Роберта Е. Шервуда. Его помощниками согласились стать известные писатели Торнтон Уайлдер и Стивен Винсент Бенет.

Не позабыл Донован и о некоторых служащих из своей адвокатской конторы. Так, одного из них — Дункана Чаплина Ли — он сделал своим помощником и в Бюро КИ. Ли был прямым потомком знаменитого генерала южан в годы Гражданской войны в США Роберта Ли.

Создание Бюро координатора информации не осталось незамеченным советской внешней разведкой. Она внимательно отслеживала все этапы формирования новой спецслужбы, изучала ее кадровый состав, задачи, методы работы и т. п.

Благодаря надежным информаторам в ближайшем окружении Донована выявилась примечательная, весьма многозначительная деталь — поскольку отражала реальное положение в американском обществе, вернее, в его правящих кругах. Своеобразие кадровой политики Донована заключалось в том, что при всей ее парадоксальности, вроде приглашения писателей и кинорежиссеров, в действительности он с самого начала опирался на деловой мир Америки с его мощными международными связями, в том числе и в странах Оси. Так, сын богатейшего и влиятельнейшего банкира Эндрю Меллона Пол стал офицером отдела специальных операций УСС в Лондоне, его сестра была замужем за начальником Пола, миллионером Дэвидом Брюсом.

В УСС служили также два сына Джеймса Пирпонта Моргана, один член семьи Вандербильдов работал в вашингтонском офисе штаба Управления, за столом рядом сидел молодой Дюпон.

В штабе УСС и его резидентурах сидели облаченные в офицерскую униформу своеобразные делегаты от могущественных компаний — «Стандарт Ойл», иГолдман Сакс», Первого национального банка Бостона и даже киноимперии «Парамаунт пикчерс»…

Информация об этом была не просто занятной — она красноречиво говорила о многом. Прежде всего о важности, которую придали новому разведывательному ведомству подлинные власти США — воротилы большого бизнеса. Кое-кто из профессионалов спецслужб мог, конечно, хмыкнуть: что, дескать, эти дилетанты понимают в разведке! Это было заблуждением.

Американский капитал за несколько десятилетий своего бурного развития выработал особый тип бизнесмена, в старой Европе почти не встречающийся: невероятно энергичного, предельно жесткого, чрезвычайно умного и работоспособного, умеющего в кратчайшие сроки перелопатить уйму информации и практически безошибочно даже в самых экстремальных ситуациях принять и реализовать единственно верное решение. И еще, плюс к вышесказанному: эти люди умели учиться и на лету схватывать суть чужого опыта и чужих идей.

Они не были профессиональными разведчиками, но зато были профессиональными предпринимателями, способными поразительно быстро построить любое предприятие. Они и построили таковое — Управление стратегических служб, предтечу и ядро нынешнего ЦРУ — Центрального разведывательного управления.

Для Москвы создание УСС означало появление на международных фронтах тайных войн еще одного сильного, а через несколько лет сильнейшего участника…

Ничего удивительного в такой информированности Лубянки в данном вопросе нет. По официальному признанию Службы внешней разведки России, ее предшественница — советская внешняя разведка НКВД/НКГБ имела в УСС не менее двенадцати источников информации. В частности, Яков Голос имел таковые почти во всех правительственных структурах Вашингтона. В их число входил и ранее уже упомянутый Дункан Чаплин Ли — оперативный псевдоним «Кох»!

Как такое могло произойти?…Едва ли не самым влиятельным журналистом в Соединенных Штатах был Уолтер Липпман. В свое время он выступал против интервенции в России, а впоследствии поддерживал ее дипломатическое признание. Поддержал Липпман и распространение на СССР закона о ленд-лизе. Будучи истинно американским прагматиком, он трезво указывал, что

США и СССР разделены идеологической пропастью, но соединены через нее мостом национальных интересов.

Липпман был вхож решительно во все правительственные кабинеты Вашингтона, и Белый дом не являлся исключением. Он обладал колоссальными связями и, следовательно, информацией, превосходящей по важности и объему ту, какой располагали другие, даже самые именитые политические обозреватели. Разумеется, в своих колонках (а их перепечатывали десятки американских газет по всей стране) Липпман использовал лишь малую толику тех сведений, в том числе весьма конфиденциальных, которыми обладал.

Голосу стало известно, что Липпман расстался со своей многолетней помощницей и подыскивает новую. «Звук» расценил эту новость как потенциальную возможность добраться до десятков рабочих папок именитого журналиста.

В Вашингтоне у Голоса имелся важный контакт — умная и толковая, к тому же (что немаловажно) привлекательная женщина по имени Мэри Прайс (псевдоним «Дир»). Она являлась секретным членом Компартии США, членский билет ей был выдан на имя Мэри Аткинс. Голос полагал, что по своим данным — образованию, эрудиции, деловитости — Мэри вполне могла бы занять вакантное место в бюро Липпмана.

Они встретились втроем — Голос, Бентли и Прайс, вызванная из Вашингтона, — в кафетерии на углу 13-й улицы и Пятой авеню в Нью-Йорке. При этом Голос представил Бентли, основную связную с вашингтонскими источниками информации, как «Хелен». Хелен так Хелен… Наверняка Мэри догадывалась, что на самом деле эту женщину зовут совсем не так, но она тоже не первый день жила в мире строгой конспирации.

Идея Голоса Мэри понравилась во всех отношениях. Энергично мобилизовав общих с Липпманом знакомых, она-таки стала правой рукой пятидесятилетней звезды американской политической журналистики.

Элизабет Бентли и Мэри Прайс подружились. Настолько, что когда «Хелен» раз в месяц, иногда чаще, приезжала в Вашингтон, то останавливалась не в отеле, а в квартире Прайс на Ай-стрит. Прайс передавала ей копии наиболее интересных документов и выписок из бесчисленных досье Липпмана, в том числе содержащие сведения, которые обозреватель получал в конфиденциальном порядке от самых высокопоставленных правительственных чиновников вплоть до аппарата Белого дома.

Сестра Мэри Милдред, также давняя сподвижница Голоса, была председателем Совета помощи Китаю. Она и познакомила Мэри с Дунканом Ли. В детстве Дункан двенадцать лет прожил в

Китае, где его родители были миссионерами. Дункан навсегда полюбил эту страну и потому, уже став взрослым, также принимал участие в работе Совета помощи Китаю. Молодой человек был блестяще образован: несколько семестров он учился в Йельском университете, а затем окончил юридический факультет в другом знаменитом университете — Оксфордском. По окончании Оксфорда Ли был принят в крупнейшую нью-йоркскую адвокатскую контору, которую возглавлял Уильям Донован. «Дикий Билл» быстро оценил способности своего помощника и взял его с собой в УСС.

Дункан был женат, тем не менее вскоре между ним и Мэри возникла интимная связь. Под воздействием Мэри Дункан согласился делиться с «Хелен» той информацией, к которой имел доступ по службе. Причем на каждой встрече Бентли по поручению Голоса задавала ему дополнительные вопросы, которые особенно интересовали разведчика.

Ли подробно рассказывал об антисоветской работе, которой занимались сотрудники УСС «между делом», о дипломатической активности США в Турции и Румынии, операциях УСС в Китае, Франции и на Балканах, о персонале УСС в разных странах. У Дункана было только одно условие — он никогда не приносил на встречи ни одного документа и не разрешал Бентли на встречах (или в квартире Мэри, или в кафетерии) делать никаких записей. По счастью, у Бентли была отличная память. Тем не менее, расставшись с Дунканом, она немедленно записывала подробно содержание беседы.

3 марта 1944 года Дункан Ли сообщил Бентли, а та передала информацию уже новому куратору (поскольку Голос скончался в ноябре 1943 года), что Второй фронт в Европе будет открыт между 15 мая и первыми числами июня. Точнее назвать дату «Дня-Д» не мог бы даже главнокомандующий войсками союзников генерал Дуайт Эйзенхауэр. Многое зависело от ряда обстоятельств, в частности от погоды в районе высадки.

Официально глава военной миссии США генерал Джон Дин и глава английской военной миссии генерал Монтегю Бэрроуз лишь 10 апреля уведомили начальника Генерального штаба Красной армии Маршала Советского Союза Александра Василевского, что операция по форсированию Ла-Манша начнется 31 мая 1944 года при возможном отклонении от этой даты на несколько дней в ту или иную сторону, учитывая условия погоды и прилива.

Благодаря сообщению Дункана Ли Верховное Главнокомандование в Москве знало об этом уже месяц с лишним.

Дункан Ли[87] был важным, но не единственным источником

Голоса в Управлении стратегических служб. Так, Джулиус Джозеф (псевдоним «Осторожный») передавал информацию о работе Дальневосточного и Русского отделов. Весьма эффектная женщина Хелен Тенни (псевдоним «Муза») сообщала о деятельности филиала УСС в Нью-Йорке, которое скрывалось под скромной вывеской Исследовательского центра коротковолнового вещания. Позднее Тенни была переведена в Вашингтон. Оттуда она освещала деятельность своего ведомства в Испании.

Старый коммунист (о чем, понятно, в УСС никто не подозревал) Морис Гальперин (псевдоним «Заяц») возглавлял в Управлении Отдел Латинской Америки. У него была уникальная возможность знакомиться с ежедневными разведывательными сводками, составляемыми Государственным департаментом. Кроме того, он через Бентли передавал Голосу двухнедельные «выжимки» подобной информации, а также копии ряда дипломатических сообщений, поступаемых в УСС, бюллетени и разного рода доклады, подготавливаемые Управлением по запросам различных ведомств.

По указанию Голоса Бентли встречалась с Гальпериным в офисе его друга, также специалиста по латиноамериканским делам, Вилларда Парка, работавшего в другом федеральном агентстве, — координатора по внутриамериканским делам. Парк также стал ее источником информации.

Гальперин передал советской разведке дипломатические телеграммы, раскрывающие политику Турции по отношению к Румынии, инструкции Госдепартамента послу США в Испании, доклады от него относительно Марокко, доклады посла США в Лондоне Джона Винанта, освещающие внутренние разногласия в польском правительстве в изгнании по отношению к переговорам со Сталиным, доклады о правительственных связях со многими конкурирующими французскими группами и отдельными личностями в изгнании, доклады о попытках поиска мирных переговоров немецких диссидентов через посредничество Ватикана, сведения об оценке Вашингтона деятельности Тито в Югославии, сообщения о дискуссии между правительством Греции и США относительно советских амбиций на Балканах и многое другое.

Дональд Уилер (псевдоним сИзра»), работавший на подразделение исследований и анализа УСС, обеспечивал, как и Гальперин, поступление копий телеграмм Государственного департамента, а также информацию о деятельности британских разведывательных служб.

Порой от источников в УСС в Москву поступали важные данные, которые агенты Управления стратегических служб

добывали, по-видимому, в военных ведомствах государств — союзников гитлеровской Германии. Так, были получены достаточно точные данные о потерях германских войск на Восточном фронте в сентябре 1943 года, такое же сообщение пришло о потерях вермахта за ноябрь 1943 года, к нему была приложена достоверная справка о состоянии — количественном в целом и по группам — населения Германии, в частности о трудовых резервах страны.

13 июня 1942 года вполне удовлетворенный кипучей деятельностью Донована за минувшие одиннадцать месяцев президент учредил так называемое Управление стратегических служб (УСС), подчинив его Объединенному комитету начальников штабов[88]. УСС был поручен уже в прямой, незавуалированной форме сбор разведданных, а также проведение диверсионных операций за пределами Соединенных Штатов. Тем самым был окончательно осуществлен раздел компетенции с ФБР, поле деятельности которого лимитировалось территорией США.

Существовавшие в Бюро КИ информационные подразделения были реорганизованы в самостоятельное Управление военной информации.

По официальному признанию Службы внешней разведки России, ее предшественница — советская внешняя разведка НКВД/ НКГБ имела в УСС не менее двенадцати источников информации[89].

Генерал Донован, будучи убежденным антикоммунистом, однако, как и подобает крупному американскому адвокату, был прагматиком, не боявшимся в случае надобности принимать смелые, порой даже парадоксальные решения. Поэтому он не боялся присутствия в рядах своих подчиненных людей левых, даже радикальных взглядов. Поскольку понимал: эти люди — стойкие антифашисты, а потому в борьбе с нацистской Германией на них можно полностью полагаться. (Ну а после войны — это уже другой вопрос.)

Однажды он заявил: «Я бы охотно внес в платежную ведомость УСС даже Сталина, если бы это помогло покончить с Гитлером».

Как уже было сказано ранее, в США существовало официальное (хотя и негласное) представительство британских спецслужб под уклончивым названием зБритиш секьюрити координейшн».

Разместилось оно в одном из офисов в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке под вывеской Британского контрольно-паспортного управления. Его глава Уильям Стивенсон был

участником еще Первой мировой войны. После войны он будет посвящен в рыцарство и станет именоваться сэром Уильямом. Стивенсон поддерживал постоянные контакты и с Донованом, и с Гувером.

Одним из его сотрудников стал английский журналист Седрик Белфредж, получивший при поступлении на эту службу офицерское звание. Белфредж сочувствовал Советскому Союзу и самостоятельно пришел к выводу, что он может конфиденциальной информацией, к которой имел доступ в силу своего служебного положения, помочь советскому народу в его борьбе с гитлеровской Германией. С этим предложением он через общего знакомого обратился к генеральному секретарю Компартии США Эрлу Браудеру, а тот переадресовал его к… Якову Голосу! Так началось сотрудничество Белфреджа с советской разведкой. Ему был присвоен оперативный псевдоним «Чарли».

Белфредж передавал через связников значительное количество секретной информации, которой по-партнерски обменивались между собой британские и американские спецслужбы.

От него поступила, к примеру, информация о противостоянии в Югославии антикоммунистических вооруженных формирований генерала Дражи Михайловича и коммунистической партизанской армии Иосипа Тито, о политике Черчилля в вопросе об открытии Второго фронта в Европе и др.

Белфредж был связан не только с британской разведкой и контрразведкой, но и со Скотленд-Ярдом — знаменитой английской уголовной полицией. Для надобности спецслужб и по их просьбе специалисты Скотленд-Ярда подготовили весьма специфическую и необычную работу. Для ее написания были привлечены крупнейшие… «медвежатники» Англии, которые в качестве патриотического вклада в достижение победы подробно, со схемами и рисунками описали способы вскрытия сейфов, бронированных дверей, различных хитроумных замков, отключения тревожной сигнализации, а также методы доступа к основным типам зданий и офисного оборудования. Этот прелюбопытный документ «Чарли» получил в виде стопки копировальной бумаги.

Белфредж также снабжал связников материалами о политике Англии на Среднем Востоке и намерениях по отношению к России.

Информация, подобная той, что доставлял» Чарли», была особого рода, таковая чрезвычайно редко попадает в распоряжение противостоящей спецслужбы. Ко всему прочему,

она имела еще одно значение, помимо собственной, разумеется, ценности: она позволяла дополнять, уточнять, порой перепроверять ту, что Москва получала от Кима Филби.

Донован действительно был весьма неординарной личностью, как, впрочем, и многие политики в окружении президента Рузвельта. В интересах дела — достижения разгрома гитлеровской Германии — он даже пошел на невероятный для человека его круга шаг: на сотрудничество, в известных пределах разумеется, с коммунистами.

В ноябре 1941 года Донован встретился с лидером ветеранов Бригады Авраама Линкольна Мильтоном Вольфом. Встреча была организована через посредничество журналистки Дайаны Шин, жены также журналиста Винсента Шина, который освещал Гражданскую войну в Испании со стороны республиканцев. Оба они хорошо знали Вольфа. Скорее всего, Дайана, англичанка по происхождению, была агентом британских спецслужб. Вольф об этом догадывался, но в данной ситуации это для него не имело особого значения.

Предлог для встречи — обсуждение возможности освобождения из французского концлагеря бывшего инспектора интербригад в Испании Луиджи Галло (псевдоним одного из лидеров Компартии Италии Луиджи Лонго). Затем Донован сделал Вольфу неожиданное предложение направить нескольких бывших офицеров — ветеранов Бригады Линкольна в распоряжение британской разведки как людей, обладающих военным опытом для организации партизанской диверсионной работы на оккупированной Германией и Италией территории.

С санкции одного из руководителей Компартии США Юджина Денниса[90] Вольф отобрал шестнадцать добровольцев: двенадцать югославов, трех чехов и одного итальянца. Для дальнейшей подготовки этих людей следовало переправить на Мальту.

После того как через две недели США и сами вступили в войну, Вольф, также с санкции Компартии, в данном случае Денниса и Голоса, направил уже в распоряжение самого Донована еще четырнадцать добровольцев. Сам Вольф также был зачислен в ведомство Донована (впоследствии УСС) на офицерскую должность.

Однако многообещающий альянс дальнейшего развития не получил. Начальник внешней разведки НКВД Павел Фитин, узнав об этих контактах Вольфа, счел необходимым их немедленно прекратить. По его мнению, возможно обоснованному, это было чревато опасным проникновением сотрудников УСС в Компартию США, а затем и в агентуру внешней разведки. Эти соображения

Фитин в категорической форме высказал в секретном письме руководителю Исполкома Коминтерна Георгию Димитрову. Тот согласился с мнением начальника разведки и расценил деятельность Вольфа как принципиальную ошибку американской Компартии, что и высказал в директивном письме в адрес ее Национального Комитета.

Дальнейшие контакты с Донованом, разумеется, уже не состоялись.

Насколько известно, инфильтрация агентов УСС в Компартию места не имела. Но число «своих людей» в Управлении стратегических служб значительно возросло. Произошло это в мае 1942 года, то есть за месяц до преобразования ведомства Донована в УСС. По случайному, а возможно и не случайному, совпадению в том же мае, 16-го числа, президент Франклин Делано Рузвельт досрочно освободил из тюрьмы Эрла Браудера.

В конце декабря 1943 года, то есть через три недели после исторической встречи в Тегеране «Большой тройки» — Председателя Совнаркома СССР Иосифа Сталина, президента США Франклина Делано Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля — генерал Уильям Донован неожиданно прилетел в Москву.

На встрече с заместителем Председателя Совнаркома и наркомом иностранных дел Вячеславом Молотовым Донован сделал неожиданное предложение о сотрудничестве между УСС и советскими спецслужбами.

Молотов, разумеется с ведома Сталина, дал принципиальное согласие. 27 декабря Донован и глава американской военной миссии в Москве генерал Джон Дин встретились с начальником внешней разведки, комиссаром госбезопасности третьего ранга Павлом Фи-тиным и его заместителем Гайком Овакимяном. Последний был представлен американцам как полковник Александр Осипов.

По просьбе Фитина Донован рассказал о своей организации, о том, как агенты УСС ведут разведывательную работу на территории врага, как туда забрасываются, как поддерживается с ними связь. Фитин поинтересовался, могут ли американцы помочь советской разведке в заброске ее групп в отдаленные от территории СССР страны, например во Францию. Ответ был положительным.

Директор УСС предложил осуществлять взаимодействие с советской разведкой по целому ряду направлений. В частности, он подчеркнул, что такое сотрудничество между США и СССР будет иметь решающее значение в деле обеспечения мира после войны[91].

Был решен и предварительно уже обсуждавшийся ранее в рабочем порядке вопрос об обмене ответственными представителями обеих спецслужб для поддержания постоянной и оперативной связи.

Одним из факторов, безусловно повлиявших на положительную реакцию Кремля, было наличие у советской разведки хороших источников в УСС, в том числе в ближайшем окружении Донована. Это давало определенную гарантию, что, если американцы будут вести нечестную игру, в Москве о ней станет известно незамедлительно…

Глава 10

Арест и последующая высылка Гайка Овакимяна пробили в нью-йоркской резидентуре внешней разведки внушительную брешь. Равноценной замены ему не нашлось, да и не могло найтись. Старые опытные кадры были изрядно повыбиты пресловутыми счистками», молодым сотрудникам нового набора еще предстояло расти и расти, учиться и учиться в суровых условиях военного времени, когда спрос с каждого оперативного сотрудника шел по жестким требованиям и о скидках на юный возраст в профессии не могло быть и речи.

Обязанности резидента принял Павел Пастельняк, работавший в США под фамилией Кларин (оперативный псевдоним сЛука»). Экономист по образованию, в таком качестве он много лет работал в колхозах на Украине, затем во Всеукраинском союзе кооператоров, наконец, в Наркомате земледелия СССР.

Весной 1939 года его неожиданно для него самого зачислили во внешнюю разведку НКВД и послали не куда-нибудь в еле заметную на карте страну, а сразу в Нью-Йорк! Было ему тогда всего тридцать четыре года. Вначале он работал под прикрытием должности начальника Сельскохозяйственного отдела советского павильона на Всемирной выставке 1939 года, затем его повысили в должности. Он стал помощником главного представителя СССР на выставке.

Выставка, как известно, дело временное, и с 17 февраля 1940 года Кларин — старший сотрудник резидентуры под прикрытием должности вице-консула СССР в Нью-Йорке. Выходит, что опыт собственно разведывательной работы у <Луки» имелся минимальный, к тому же у него был и весьма существенный недостаток — он почти не владел английским языком.

Сегодня такое и представить невозможно. Современный российский разведчик не только должен отлично знать язык (а то и два), но также историю, традиции, культуру той страны, в которой ему предстоит работать, иметь четкие представления о ее политике, экономике, особенностях государственного строя, наконец, менталитете жителей. Но в те годы, увы, после «чисток» 1937–1938 годов подобное было явлением обычным. К примеру, в последние два предвоенных года в резидентуре внешней разведки в Берлине оставалось всего… два сотрудника, из которых только один владел немецким языком, второй спешно осваивал его на месте — в школе НКВД он обучался… итальянскому!

В Нью-Йорк весной 1941 года прибыли два молодых

сотрудника, по счастью оказавшихся людьми талантливыми и быстро прогрессирующими. Один из них, Анатолий Яцков (работал под фамилией Яковлев, оперативный псевдоним «Алексей»), в Школе особого назначения (ШОН) ИНО изучал… французский язык! Английским ему пришлось овладеть в должном объеме уже на месте. В Нью-Йорке Яковлев числился стажером, а затем секретарем генконсульства.

Вторым новичком был Александр Феклисов (работал под фамилией «Фомин», оперативный псевдоним «Каллистрат»). Он также работал в Нью-Йорке под прикрытием должности сотрудника генерального консульства[92].

Поддерживать связь с Яковом Голосом Павел Пастельняк вынужден был поручить молодому сотруднику Алексею Прохорову (оперативный псевдоним «Леонид»), работавшему под прикрытием должности дипкурьера, прикрепленного к генконсульству. Работать с таким «китом», каковым являлся «Звук», «Леониду» было чрезвычайно трудно, о чем он впоследствии честно докладывал начальству в Москве: «Должного руководства в работе со “Звуком” я не получал. В таких условиях встречи с ним были для меня мукой. Что касается самого “Звука”, то в процессе работы с ним я систематически узнавал от него много полезного как в смысле изучения страны, так и в вопросах работы с агентурой. Именно он, а не руководители резидентуры учили меня этим вопросам».

.. 4 января 1942 года в США на скромную должность третьего секретаря посольства и вице-консула в Нью-Йорке прибыл мужчина средних лет, круглолицый, с аккуратным пробором в негустых уже, русых волосах, в старомодных круглых очках в простой металлической оправе. Весьма похожий на потомственного сельского учителя или земского врача. Некто Василий Михайлович Зубилин. Жена его Елизавета Юльевна в противоположность супругу была женщиной яркой красоты, словно сошедшей с итальянских полотен Карла Брюллова. На самом деле супруги Зарубины — такова их настоящая фамилия — были, возможно, самой знаменитой (в определенных узких кругах, разумеется) семейной парой в истории советской внешней разведки. В системе ИНО еще ОГПУ ветераны помнили ее как Лизу Горскую.

За плечами Зарубина были долгие годы работы с нелегальных позиций в Китае, Финляндии, Дании, уже вместе с женой, владевшей пятью иностранными языками, в Швейцарии, Франции, Германии. Как много лет спустя установило ФБР — и в США.

Кроме того, Василий Зарубин (оперативные псевдонимы

«Бетти», «Купер», «Питер», «Максим» и др.) выезжал в краткосрочные командировки в ту же Швейцарию, Швецию, Италию, Турцию, Польшу, Австрию, Югославию. В период нелегальной работы в Германии именно Зарубин курировал деятельность единственного советского ценного агента в гестапо — гауптштурмфюрера СС и криминалькомиссара Вилли Лемана, ныне известного под оперативным псевдонимом «Брайтенбах». Елизавета Зарубина также сменила не один псевдоним: «Эрна», «Хелен», «Вардо»[93]…

Строго говоря, то был непорядок — посылать за границу на легальную дипломатическую должность разведчика, уже работавшего в этой стране с нелегальных позиций по паспорту и прочим документам гражданина совсем другого государства. Если бы это было загодя известно американским властям, то «дипломат Зубилин» просто не получил бы так называемого агремана, то есть официального согласия на прием.

Возможность опознания после прибытия в США и объявления персоной нон грата была хоть и маловероятной, но теоретически допустимой. В этом случае, прежде чем выслать нежелательного «дипломата», ФБР взяло бы его под плотную опеку, чтобы выявить связи, контакты и прочие полезные факты. Направление Зарубина в США, как исключение из правила, можно объяснить лишь двумя причинами. Первая — суровые обстоятельства военного времени, самые тяжелые для страны недели и месяцы. Вторая — фактически на должность «легального» резидента внешней разведки в США Василия Зарубина утвердил-лично Сталин! Естественно, нарком НКВД Лаврентий Берия не посмел указать вождю на вышеупомянутый непорядок…

12 октября 1941 года (обратите внимание на дату — то было начало самой страшной недели в сражении за Москву! Через неделю столица была объявлена на осадном положении!) Василия Зарубина в сопровождении начальника разведки Павла Фитина принял Иосиф Сталин. Принял не в своем известном по газетным фотографиям кремлевском кабинете, а в куда более скромном помещении в Ставке, находящейся на тогдашней улице Кирова (ныне снова Мясницкой), возле станции метро «Красные Ворота», где был оборудован подземный бункер Верховного главнокомандующего. Переезд Сталина из Кремля на улицу Кирова был тогда одной из самых важных государственных тайн.

Ни одно решение, ни один поступок Сталина никогда не носили случайного характера. Он все знал об уникальном опыте Зарубина, о его разведывательных талантах и безграничной преданности Родине. Знал и о его полной готовности занять самый важный на тот день пост советской разведки за рубежом. И

отлично понимал, какое значение имеет встреча с ним — Сталиным — не только для Зарубина, но и для Фитина, и первого замнаркома НКВД Меркулова[94], и для наркома НКВД Берии. За размеренными, как обычно вполголоса, словами Председателя ГКО и Генерального секретаря ЦК ВКП(б) подразумевалась наивысшая степень персональной ответственности за успешное выполнение каждого пункта четко сформулированного задания.

Александр Феклисов (он же «Фомин», он же «Каллистрат») много лет спустя о конкретных заданиях Иосифа Сталина писал так:

«По его (Сталина. — Ярим, ав/п.) мнению, главные усилия резидентура в США должна направить на то, чтобы помочь выиграть войну. Сталин поставил конкретные задачи:

— следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и все вместе не пошли бы против Советского Союза;

— добывать сведения о военных планах Гитлера в войне против СССР, которыми располагают союзники;

— выяснять секретные цели и планы союзников в этой войне;
— пытаться узнать, когда западные союзники собираются в действительности открыть второй фронт в Европе;

— добывать информацию о новейшей секретной военной технике, создаваемой в США, Англии и Канаде.

Сталин также отметил, что советское правительство заинтересовано в получении секретной информации и по многим другим вопросам. Главное — приблизить разгром фашистской Германии и сорвать тайные планы союзников относительно послевоенного устройства мира»[95].

В последнем пункте явно угадывается, что Сталин уже был ознакомлен с информацией о высказывании Элеоноры Рузвельт по этому вопросу, хотя супруга президента сделала его всего лишь неделю назад!

…Разумеется, о встрече со Сталиным Зарубин тогда никому не проронил ни слова. Однако все пункты задания в той или иной форме были им доведены до каждого оперативного сотрудника и приняты ими как руководство к действию.

Спустя некоторое время по прибытии в страну Зарубин был назначен главным резидентом внешней разведки в США, то есть теперь он руководил резидентурами в Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско. В этой связи ему, естественно, пришлось переехать в столицу. Отныне рабочий кабинет «Зубилина»-Заруби-на-«Максима» находился в особо защищенной зоне на последнем, четвертом этаже посольства СССР.

Переезд Зарубина в Вашингтон сделал весьма

затруднительными, почти невозможными личные встречи главного резидента с Голосом. И это, по мнению автора, имело грустные последствия…

Меж тем Голос через свою вторую фирму наладил отправку посылок от американских граждан российского происхождения их родственникам в СССР, остро нуждавшимся в такой помощи. Для упрощения и удешевления процедуры Голос придумал три-четыре стандартных варианта таких посылок разного веса и, соответственно, стоимости. Содержимое было хорошо продумано: сахар, шоколад, консервы — свиная тушенка и лярд, сухое молоко, сухие концентрированные супы, мыло, витамины, теплые носки, шарфы и свитера. По желанию отправителей в стандартную посылку можно было кое-что добавить — детские вещи, бритвенные лезвия, дефицитные лекарства. Впрочем, в военной Москве, не говоря уже о провинции, все было дефицитом. Примечательно, что, узнав о бомбардировках Москвы и других городов, в некоторые посылки отправители вкладывали специальные перчатки из плотной сыромятной кожи с асбестовыми вкладками, предназначенными для тушения немецких зажигательных бомб!

Посылочное дело, кроме прочего, прежде всего — оказания реальной помощи тысячам соотечественников, давало возможность Голосу вполне открыто встречаться с множеством людей, в том числе с официальными сотрудниками советского генконсульства и «Амторга». Эти безобидные встречи отвлекали возможное внимание ФБР от тщательно подготавливаемых встреч иного рода…

Поскольку сам «Зубилин» отныне крайне редко и только по официальным поводам мог выезжать в Нью-Йорк, то некоторые его обязанности успешно приняла на себя супруга — Елизавета Юльевна. В последующие месяцы она неоднократно приезжала в Город большого яблока для конспиративных встреч со «Звуком». Обычно на этих встречах присутствовал (собственно, он их обеспечивал) вышеупомянутый «Леонид». О чем он также подробно докладывал в Центре после возвращения в СССР.

Прибытие в США Василия Зарубина с его огромным авторитетом в профессиональной среде придало дополнительный и мощный импульс в работе оперативным сотрудникам всех резидентур. Под его руководством быстро приобретали необходимый опыт молодые Александр Феклисов и Анатолий Яцков. Стал завершенным мастером Семен Семенов (его последнее достижение — получил через агента Блэка и переправил в Москву штамм очищенного пенициллина, что сыграло огромную роль в производстве этого антибиотика в

нашей стране). Не только восстановил, но и значительно расширил свою агентурную сеть вернувшийся в США Исхак Ахмеров.

Пять лет успешно работал в Нью-Йорке под прикрытием корреспондента, а затем заведующего отделением ТАСС Владимир Прав-дин (он же Ролан Аббиа, Франсуа Росси, оперативный псевдоним «Сергей»). Начав с должности оперативного сотрудника, он впоследствии стал заместителем резидента и резидентом в Нью-Йорке.

В январе 1943 года в Нью-Йорк прибыл Леонид Квасников как заместитель резидента по научно-технической разведке, инженер по гражданской специальности. Квасников (оперативный псевдоним «Антон») стал одной из ключевых фигур при проникновении в атомные секреты США[96].

Под прикрытием должности вице-консула на Западном побережье в Сан-Франциско с осени 1941 года успешно работал опытнейший разведчик Григорий Менделевич Хейфец (оперативный псевдоним «Харон»). Жизненный путь этого незаурядного человека сложился — даже трудно подобрать правильное и точное слово — то ли на удивление несчастливо, то ли наоборот. В партию вступил двадцати лет от роду. Участвовал в Гражданской войне. Много лет работал в аппарате Отдела международных связей Исполкома Коминтерна, а также за границей с нелегальных позиций. С 1931 года — в особом резерве ИНО ОГПУ, выезжал со специальными заданиями во Францию и США, затем работал резидентом в Италии. В 1938 году Хейфеца в связи с «чисткой» из НКВД уволили, но позволили устроиться на работу в БОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей). В октябре 1941 года его восстановили в кадрах внешней разведки… За последующие три года «Харон» создал в портах и военных предприятиях Западного побережья США серьезную агентурную сеть.

В 1947 году подполковника Хейфеца из органов госбезопасности снова уволили — как и многих других сотрудников, имевших неосторожность родиться евреями. Тем не менее его назначили… заместителем ответственного секретаря и членом президиума Еврейского антифашистского комитета. По печально знаменитому делу ЕАК в 1931 году Хейфеца арестовали как американского шпиона и приговорили к 25 годам тюремного заключения. Через год дело пересмотрели и приговорили уже по новой… к смертной казни! Расстрелять, однако, почему-то не успели и после смерти Сталина Григория Хейфеца освободили в 1955 году и полностью реабилитировали…

Автор оставляет читателю право самому рассудить и решить,

чего больше было в жизни выдающегося разведчика: везения или невезения?

…Плодотворная деятельность Зарубина в США прервалась в августе 1944 года. Не будем слишком наивными: ФБР не могло не догадываться о подлинной роли дипломата не очень высокого ранга «Зу-билина». Контрразведка, как правило, рано или поздно вычисляет резидента, особенно если тот работает в стране несколько лет. Когда он уж очень допекает, ему вежливо намекают (на то существует множество рецептов) на желательность возвращения на родину.

В Москве произошел уже эпизод трагикомический, который, однако, при других обстоятельствах мог стать просто трагическим.

Заместителем резидента Зарубина работал подполковник госбезопасности В. Миронов (в США действовал под фамилией Марков). Зарубин и Миронов были давними сослуживцами еще по работе в Центре. Особой дружбы между ними не наблюдалось, но в целом отношения были вполне нормальными. И вдруг… Вышеназванный подполковник Миронов направил в Москву несколько писем, в которых требовал немедленно отозвать резидента Зарубина и его жену, поскольку те, по его глубокому убеждению, являются немецкими и японскими шпионами. Спустя какое-то время выяснилось, что ранее В. Миронов написал еще одно весьма пространное письмо… уже директору ФБР Гуверу! В нем он сообщил, что В. Зарубин и Е. Зарубина занимаются шпионажем в пользу Германии, Японии и СССР. Далее он объявил уже только советскими шпионами сотрудников резидентуры С. Лукьянова, П. Пастельняка, Г. Хейфеца, А. Квасникова, С. Семенова, А. Шевченко, В. Дорогова, а также резидента в Оттаве В. Павлова, резидента в Мексике Л. Василевского (Тарасова) и… самого себя!

Невзирая на явную абсурдность обвинения разбирательство в Москве продолжалось довольно долго, что измотало нервы Зарубина и сильно сказалось впоследствии на его здоровье. Абсурдность абсурдностью, но сигнал поступил не анонимный, исходил от заслуженного подполковника госбезопасности, потому полагалось его проверить, а не отправлять незамедлительно в бумагорезку с последующим сожжением.

Разобрались. Поначалу было решено отдать Миронова под суд за злонамеренную клевету. Однако те, кто занимался изучением доносов, да и сам Зарубин обратили внимание на некоторые несуразности, а также особенности стилистики, логику «доказательств» и т. д. Миронова отправили на обследование в Центральный институт судебной психиатрии имени В. Сербского.

Тут и обнаружили, что В. Миронов-Марков страдает тяжелым психическим заболеванием.

В ноябре 1944 года восемьдесят семь сотрудников внешней разведки были награждены орденами. В списках представленных к наградам числился первоначально и В. Зарубин. Однако свой орден Ленина он получил значительно позднее, лишь после окончательного и благополучного завершения этой дурацкой истории.

В США, разумеется, дипломат «Зубилин» уже не вернулся. В дальнейшем В. Зарубин занимал руководящие должности во внешней разведке. Летом 1945 года ему было присвоено звание генерал-майора.

Новым резидентом в Вашингтоне был назначен Анатолий Горский (работал под фамилией «Громов», оперативный псевдоним «Вадим»). До этого Горский находился продолжительное время в Лондоне, был куратором знаменитой «Кембриджской пятерки» во главе с Кимом Филби.

…Но вернемся на два года назад. О том, как советская разведка планировала некоторые направления своей деятельности в США, можно получить представление из секретной ориентировки, составленной в марте Î942 года заместителем начальника англо-американского отделения ИНО Виталием Павловым («Климом»)[97].

Политическая и дипломатическая линия работы

Объекты, на которых должны сосредоточить свое внимание работники, занимающиеся разведкой по этой линии, определяются структурой и государственным устройством данной страны.

Нас особенно интересуют планы, намечаемые правительством для проведения внешней и внутренней политики страны, все совершаемые при этом махинации, закулисные переговоры, интриги, все, что делается прежде, чем то или иное решение правительства становится достоянием всех.

Задача сводится к тому, чтобы проникнуть в те места, где происходят споры и дебаты, туда, где делается политика.

В США такими местами являются: БЕЛЫЙ ДОМ со штабом Рузвельта, ГОСДЕПАРТАМЕНТ, различные министерства, правительственные комиссии, подобные ОПМ и др., а также разведывательные и контрразведывательные учреждения — Ф. Б. И. (заглавные буквы названия ФБР по-английски, так в документе. — Прим. ред.), бюро Донована и т. д.

Эти-то объекты мы и взяли за отправную точку в своей работе. БЕЛЫЙ ДОМ — мозг внешней и внутренней политики США, место, куда стекается вся политическая и дипломатическая информация.

Штаб президента состоит из ряда лично близких знакомых президенту людей, таких как Моргентау, Гопкинс, Икее, Уэллер и др., а также штаба личных секретарей, советников и экспертов по различным вопросам.[98]

Работа здесь строится на основе личных контактов, устных докладов, личных посланников, избегая, во всех особо важных и принципиальных вопросах, пользоваться каналами таких министерств, как Госдепартамент, военное, морское и др., с целью соблюдения конспирации.

Понятно поэтому, что проникновение в окружение самого Рузвельта и является той целью, к которой мы стремимся в нашей повседневной работе.

Мы, к сожалению, не имеем там еще своей агентуры, однако у нас есть нити, тянущиеся как к самому президенту, так и к его секретарям. Используется сейчас, правда, пока что втемную, один из личных секретарей Рузвельта. Мы ставим себе сейчас задачей использование его наиболее эффективно с дальним прицелом полного перевода его на рельсы нашей агентурной работы. (Речь идет о подысточнике “Паж”.)

Второй, пока еще более бледной наводкой в этом же направлении является привлечение через нашего источника] “Диану” секретаря Гарри Гопкинса.

“Диана” лично знакома с этой девушкой, и мы дали задание развивать это знакомство с целью изучения намеченного объекта к вербовке.

Мы также рассчитываем направить нашего источника] “Лизу” на работу в каких-либо благотворительных обществах, руководимых Элеонорой Рузвельт. Проявив себя на работе, “Лизе”, возможно, удастся сблизиться на этой почве с женой президента.

Источник “Найгель” по своему общественному положению вхож в правительственные круги, запросто бывает в Белом доме. Мы не ставим себе задачей использование его именно в этом направлении, так как считаем, что у него более выгодные, с нашей точки зрения, возможности. Однако получение через него информации также не исключается из функции его работы с нами. Подробно о плане использования “Найгеля” мы послали указание письмом № 1 с. г.

ГОСДЕПАРТАМЕНТ — центр стечения дипломатической информации и раздачи директив американским

дипломатическим представительствам.

Здесь мы имеем одного очень ценного агента — ” 19-й”, с которым после большого перерыва восстановил связь наш нелегальный работник. Требуется отметить, однако, что резидентурой никогда не были целиком использованы все возможности этого источника. Под различными предлогами “19-й” старался уклониться от работы. Такое же настроение у него сохранилось и сейчас, судя по тому, как он реагировал на восстановление с ним связи. Поэтому перед работником, связанным с “19-м”, стоит большая задача по воспитанию агента и по максимальному использованию всех его возможностей.

Источник] “Найгель” дважды поступал на работу в Госдепартамент и дважды уходил с работы. Используя связи, он может давать нам информацию, но это не основное в работе с ним.

Мы ставим себе задачей проникнуть в русский и европейские отделы, а также в отдел информации и архивный. С этой целью “19-му” дано задание наряду с освещением работы “цирка” дать характеристику на лиц, работающих в вышеуказанных отделах.

Лучше обстоит дело с разработкой министерства финансов. Группа “Пэла”, в которую входят: “Юрист”, “Сакс”, “Пик” и “Поло”, является сейчас наиболее эффективной из всей имеющейся у нас агентуры. Правда, пока что только один “Пэл” является нашим агентом, все же остальные используются нами втемную.

В начале марта с. г. мы получили сообщение из ре[зиденту]ры, что “Юрист” и “Пэл” получили новое, очень интересное для нас назначение. Наша задача — максимальное их использование сейчас и постепенный перевод целиком на наши рельсы — в будущем.

В последнем письме в резидентуру дана полная ориентировка по этому вопросу.

В условиях военного времени большое значение приобретает работа управления по делам военного производства.

Знать заранее намеченные планы производства, срок их изготовления и поставок, знать все действующие педали этой сложной капиталистической машины, где наряду с общими задачами, проводимыми правительством, имеются задачи частные, личной заинтересованности. Знать, какая из “пружин” может быть наиболее эффективной в проведении того или иного нашего мероприятия, — вот что требуется.

Однако у нас есть лишь бледные намеки на возможность проникновения туда.

Агент “Зеро”, с которым недавно установили связь, работает

секретарем в оборонной промышленности. Мы еще не знаем всех ее возможностей, но как проверенный наш человек, думаем, что через нее нам удастся получить наводки на интересующих нас лиц.

Секретарем-стенографисткой в комитете ОПМ работает “Анюта”, которую мы решили пока что не вербовать, так как ее возможности на сегодня не заслуживают этого, однако мы думаем держать ее в поле нашего зрения, получать периодически от нее материалы с тем, чтобы знать, что она может для нас сделать.

Тем не менее этот участок работы не был взят нами в активную разработку. При более глубоком и тщательном его изучении можно и нужно будет найти пути для проникновения туда, и это наша очередная задача.

КОМИТЕТ ДОНОВАНА — “РАЦИЯ”, — созданный под непосредственным руководством президента, развивает сейчас большую активность по созданию мощного централизованного аппарата разведки, привлекая к работе различные государственные и частные учреждения США.

Нашей задачей является, пользуясь организационным периодом, внедрить туда наших людей и с их помощью вести разработку.

Через нашего источника] “Дир” мы узнали, что известный американский разведчик, играющий довольно большую роль в политике страны, — В. Липман[99], связан с Донованом [кл. “Диктор”]. Мы поставили перед “Дир” задачу выяснить характер этой связи и, пользуясь этим каналом, наряду с разработкой самого Липмана, вести разработку “Рации”.

Второй наш ист[очник], “Мираж”, работает во вновь созданном комитете по координации всей культурной деятельности между странами Южной и Северной Америки. Во главе этого комитета стоит Нельсон Рокфеллер.

Полученный нами первый материал показал, что и сюда тянутся нити “Рации”. Так что комитет Рокфеллера (кл. “Кабаре”) мы считаем второй возможностью для разработки “Рации”.

У нас также намечается еще одна возможность для разработки этой организации. Наш ист[очник] “Ель” в последнем донесении сообщила, что Джон Биллей, с которым она недавно познакомилась и который якобы является заместителем Донована, предлагал ей работу в “Рации”.

“Ели” было дано задание развивать это знакомство, однако недавно произведенный арест друга “Ели” и произведенный при этом у нее обыск заставили нас невольно замедлить форсирование этого дела. Мы выясняем причину ареста.

Ист[очник] “Лира” в последнем своем сообщении упомянула

среди известных ей радиокомментаторов имя Джозефа Барнес, который президентом назначен работать радиокомментатором в комитете “Рация”.

Джозефа Барнес также знает наш ист[очник] “Президент”, так что мы занялись подробным изучением его на возможность использования.

Ист[очник] “Президент” недавно устроился работать в Вашингтоне в немецком отделе “Форин Бродкастинг мониторинг сервис”, организованном недавно под руководством комитета “Рация”. Это одна из наиболее вероятных возможностей для активной разработки “Рации”. Поэтому-то на последнее сообщение резидентуры о том, что положение “Президента” пошатнулось в связи с подозрением его в работе для красных, мы сообщили, что нужно всеми силами стараться закрепить его на этой работе.

Остальные наши источники “Давыдов”, “Информатор”, “Лиза” и “Факир” используются главным образом для получения политинформации.

Подытоживая все сказанное, мы видим и следующие недостатки в нашей работе по этой линии.

1. Неполное использование всех возможностей имеющейся у нас агентуры.

2. Многие участки остаются совершенно “закрытыми” для нас. Особенно нужно подчеркнуть, что современная война заставляет нас делать главный упор на освещение работы военной промышленности, чего мы достигли пока еще в очень незначительном объеме.

Мы должны стараться узнать политику не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня — вот наша задачам.

Простой арифметический подсчет: из восемнадцати перечисленных агентов внешней разведки в данной ориентировке девять непосредственно входили в сеть Якова Голоса или были к ней причастны. Это «Паж», «Лиза», «Пэл», «Юрист», «Сакс», «Пик», «Президент», «Мираж», «Дир». Девять из восемнадцати — это 50 %, если проще — половина. Ниже их псевдонимы будут раскрыты.

Теперь — особо об агентурной сети Якова Голоса. Слово «сеть», а не «группа» в данном случае использовано абсолютно правомерно, поскольку в нее входили не пять-шесть, а несколько десятков человек. Потому и Голоса можно назвать кем-то вроде «субрезидента», а не «групповодом» (так в «Очерках истории российской внешней разведки»).

Точное число лиц, являвшихся источниками информации и агентами внешней разведки НКВД/НКГБ в США в годы Второй

мировой войны, не возьмется назвать никто. И дело не только в секретности (первая заповедь — «Беречь агента пуще собственного глаза»), а в том, что такой подсчет изначально невозможен. Во всяком случае, когда речь идет о крупной стране и значительном отрезке времени. Где грань между «нормальным», официально включенным в сеть агентом, доверительным лицом, источником информации на постоянной основе и случайным? И как считать человека, использованного втемную или под чужим флагом?

В случае с Голосом положение вообще особое. Никто в резиден-туре не мог с достоверностью сказать, сколько человек находится у «Звука» на связи, с кем он связан годами работы, кто всего лишь разовый источник даже весьма ценной информации.

А что могли знать и что знали в действительности американцы о советской разведывательной сети в США даже спустя годы после окончания Второй мировой войны?

За интересующий нас период технические подразделения спецслужб США перехватили и записали тысячи шифровок, которыми обменивались резидентуры советской внешней разведки США и Центр в Москве[100].

Шифры и коды, их составление и, соответственно, противоположные действия — свзлом», то есть дешифровка и декодирование спецслужбами противника, — самостоятельная большая и весьма важная тема. В рамках данной книги освоить ее более или менее серьезно (и даже популярно) просто невозможно. Придется довольствоваться только упрощенным до предела изложением сути той операции ФБР, которая ныне широко известна под названием «Венона»[101].

Американские специалисты признавали позднее, что русские применяли очень сложную шифровальную систему, которая при правильном использовании взлому не поддавалась. При правильном! В том-то и дело. Советская разведка пользовалась при обмене сообщениями так называемыми одноразовыми блокнотами. При правильном, то есть одноразовом, их применении расшифровать сообщение невозможно. Но в том-то и беда, что шифровальщики советских резидентур в США в нарушение жестких инструкций и порядка (из-за элементарной нехватки в военное время этих самых блокнотов) в ряде случаев использовали их неоднократно. Это дало возможность американцам, в распоряжении которых уже тогда имелись электронные вычислительные машины, а также штат математиков и специалистов наивысшей квалификации, за несколько лет упорной работы прочитать целиком или полностью десятки советских шифровок.

Сыграли свою отрицательную роль и некоторые другие обстоятельства вроде бегства 5 сентября 1945 года шифровальщика резидентуры ГРУ в Оттаве Игоря Гузенко и выдачи канадским властям — а те поделились информацией с американцами — важной информации, в том числе принципов советских шифросистем и т. п.

В результате многолетних изысканий — они-то и составили суть операции «Венона» — американцам стали известны 349 псевдонимов граждан США, иммигрантов-неграждан и постоянных резидентов, так или иначе связанных с советской разведкой. (В это число не входят псевдонимы советских сотрудников.) Цифра ошеломила. Разумеется, ФБР знало, что в стране работают советские разведчики, что у них, естественно, есть какая-то агентура. Но чтобы столько! И кто знает, сколько псевдонимов могли скрывать шифровки, не поддавшиеся взлому.

Из этих 349 псевдонимов специалисты американских спецслужб сумели идентифицировать, то есть установить подлинные имена, 171 лицо. 178 псевдонимов так и остались нераскрытыми[102]. И очередной удар — какие это оказались имена, какие посты занимали и в каких государственных учреждениях и ведомствах работали эти люди… (Крамольная мысль: а все ли расшифрованные псевдонимы американские спецслужбы осмелились предать гласности?[103])

В ходе своих признаний в ФБР в сентябре 1945 года Элизабет Бентли назвала сорок одно имя. Все они были людьми Якова Голоса (никаких других Бентли и не знала). Все они являлись либо агентами, либо информаторами советской внешней разведки. Правда, некоторые из них об этом и не подозревали. Самое поразительное, что подлинные имена кое-кого из этих сорока одного не знала и… советская разведка!

Бентли знала только людей Голоса, но даже она знала не всех его людей.

Бывший представитель УСС в Швейцарии в годы Второй мировой войны, а позднее — первый директор ЦРУ знаменитый Аллен Даллес справедливо и уважительно, как и подобает серьезному профессионалу, писал:

«Об успехах советской разведки в прошлом и об ее умении проникать в глубь главных объектов ее устремлений лучше всего свидетельствуют ставшие известными операции Советов в предвоенный период и в ходе Второй мировой войны. Безусловно, мы многого не знаем о деятельности советской разведки в эти периоды. Но и того, что нам известно, вполне достаточно, чтобы доказать умение русских завязывать и поддерживать — даже при неблагоприятных условиях — тайные контакты с

высокопоставленными лицами и использовать их для успешного выполнения стоящих перед разведкой задач.

Прокоммунистические взгляды агентов, завербованных советской разведкой, их ответственное положение в государственном аппарате своих стран или в секретных научных учреждениях — таковы главные причины, обусловившие успех советских разведывательных операций…

…Сталин не доверял ни Рузвельту, ни Черчиллю. Он очень рано понял неизбежность столкновения интересов в послевоенном мире. Поэтому одна из целей советской разведки состояла в том, чтобы проникать в те правительственные учреждения США и Англии, которые разрабатывали условия решения мировых проблем после окончания войны. Другой целью были научные, в особенности ядерные, исследования. Советами была получена информация о том, что США и Англией велись колоссальные совместные работы в области ядерной физики, и им хотелось ознакомиться с плодами этих усилий»[104].

…А теперь вернемся к псевдонимам агентов и информаторов внешней разведки, упомянутых в ориентировке, составленной Виталием Павловым. Точнее — к тем из них, кто либо входил в сеть Голоса, либо имел к ней какое-то отношение.

«ПАЖ» — Лоуклин Керри. Родился в 1902 году в Канаде. Натурализованный гражданин США с 1934 года. Доктор философии и экономики. Многие годы — ответственный сотрудник министерства финансов, несколько лет был помощником директора Федерального резервного управления министерства. С 1939 года — старший административный помощник президента США, выполнявший его отдельные специальные поручения. Входил в группу Сильвермасте-ра (об этом далее).

«ЛИЗА» — Марта Додд. «ПЭЛ» — Натан Сильвермастер. Родился в Одессе в 1898 году.

Натурализованный гражданин США с 1927 года. Выпускник Вашингтонского и Калифорнийского университетов. Член Компартии США. С Голосом его познакомил Браудер. Крупный экономист. На государственной службе — с 1935 года. В годы войны сотрудничал в Совете по экономическому благосостоянию, Управлении внешнеэкономических связей и Управлении военного имущества. Руководил группой источников — сотрудников различных правительственных учреждений в Вашингтоне. В этой работе ему активно помогала жена Хелен (оперативный псевдоним «Дора»), дочь прибалтийского барона Витте.

«ЮРИСТ» — Гарри Уайт Декстер, член группы Сильвермасте-ра. Помощник министра финансов.

«САКС» — Соломон Адлер. Секретный член Компартии США. Входил в группу Сильвермастера. Служащий министерства финансов.

«ПИК» — Вирджиниэс Коу Фрэнк — ответственный сотрудник министерства финансов, затем специальный помощник посла США в Лондоне.

«ПРЕЗИДЕНТ» — Уильям Додц-младший. Брат Марты Додд. «ДИР» — Мэри Прайс. «МИРАЖ» — Роберт Миллер, чиновник Госдепартамента. В той же ориентировке есть псевдонимы лиц, в сеть Голоса не входивших, в том числе «Найгель», «19», «Ель». Коль скоро есть возможность раскрыть эти псевдонимы, имеет смысл это сделать.

«НАЙГЕЛЬ» (точнее «Найджель») — Майкл Стрэйт. Родился в Нью-Йорке в 1912 году. Учился в Великобритании, там вступил в Компартию, был другом одного из «Кембриджской пятерки», Энтони Бланта. По его рекомендации стал сотрудничать с ИНО. Находился на связи у Исхака Ахмерова. Был сотрудником Госдепартамента, одним из спичрайтеров президента Рузвельта. После подписания в 1939 году Советско-германского пакта о ненападении, как многие другие агенты, разочаровался во внешней политике СССР и прервал отношения с ИНО. Однако, поостыв, время от времени встречался с Ахмеровым, которого знал как «Майкла Грина», передавал ему доклады и документы, которые готовил для Госдепартамента и министерства внутренних дел.

«19» — один из псевдонимов (наряду с «Фрэнком», «Шервудом», «Князем») — Лоренса Даггена, начальника Отдела стран Латинской Америки Госдепартамента. Один из самых ценных источников политической информации. В предвоенные и военные годы был на связи у Исхака Ахмерова. Под давлением допросов агентов ФБР 20 декабря 1948 года покончил жизнь самоубийством (выбросился из окна своего кабинета на шестнадцатом этаже в Нью-Йорке).

«ЕЛЬ< > — журналистка Хелен Киннан. К 1942 году Элизабет Бентли стала основной связной Голоса с вашингтонскими труппами. Важная политическая информация не должна была слишком долго залеживаться в столице. Теперь Элизабет ездила в Вашингтон порой еженедельно. С каждой поездкой число ее контактов возрастало. Иногда она получала такое количество документов и непроявленных фотопленок, что они не умещались в ее обычной дамской сумочке. Пришлось купить объемистый ридикюль, в каких обычно немолодые дамы возят в поездках вязанье…

Сам Голос теперь почти не бывал в Вашингтоне — лишь в

исключительных случаях, когда предстояла особо важная встреча с кем-то из ценных агентов или с главным резидентом.

В Компартии США еще с 20-х годов существовал институт так называемых секретных членов — людей, обычно занимавших определенное положение в обществе, несовместимое с коммунистическими взглядами, тем более с открытым членством в Компартии. Некоторые из секретных членов выполняли деликатные поручения Отдела международных связей Исполкома Коминтерна. (Эту фактически глубоко законспирированную группу возглавлял вышеупомянутый Джозеф Петерс.)

Иные же секретные члены просто были вынуждены скрывать свою партийность из-за опасений потерять работу. В первую очередь это относилось к сотрудникам государственных учреждений. Иные коммунисты скрывали членство в Компартии, поскольку их семьи, особенно родители, относились к» красным» крайне отрицательно. При вступлении в Компартию можно было попросить функционера ячейки выписать членский билет на другую фамилию. (Так поступили, к примеру, Мэри Прайс, да и сама Элизабет Бентли.)

Некоторые информаторы Голоса в Вашингтоне принадлежали именно к категории секретных членов, и Бентли не только получала от них секретную информацию, но и собирала у них… членские взносы!

Впоследствии кое-кого это спасло от тюремного заключения. На допросах в ФБР или в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности они признавали, что встречались с «Хелен» как со сборщицей членских партийных взносов, но никогда не сотрудничали с ней как с агентом советской разведки. И это объяснение срабатывало, даже если в него никто не верил. Формально Компартия не была запрещена законом, за принадлежность к ней можно было выгнать с государственной службы, но никак не посадить. Доказать же принадлежность к советской разведке было почти невозможно.

Случалось, Бентли привозила из Вашингтона до сорока кассет с непроявленной пленкой. Однажды — целую папку материалов о новых самолетах, предназначенных для перевооружения американских ВВС. Однако на руках у нее никогда не оставалось не то что документа, даже листочка бумаги, способного стать доказательной уликой в случае обвинения кого-либо из информаторов в шпионаже.

Рассказать обо всех агентах вашингтонских групп (ФБР таковых — групп, а не агентов — насчитывало три) невозможно. Посему ограничимся упоминанием тех, о ком спецслужбам США стало известно с разной степенью достоверности.

В ориентировке Павлова упоминается «вновь созданный» комитет по регулированию культурной деятельности между странами Южной и Северной Америки, во главе которого стоял представитель знаменитого семейства мультимиллионеров Нельсон Рокфеллер. (Кодовое название комитету присвоено соответствующее — «Кабаре».) Здесь у Павлова неточность. Видимо, из-за нехватки на день составления ориентировки достоверной информации. На самом деле «культурная деятельность» Рокфеллера если и интересовала, то в самую последнюю очередь. Точное название учреждения — Управление координатора по межамериканским делам. Занималось оно наблюдением за экономической войной, пропагандой и разведывательной деятельностью в странах Центральной и Южной Америки.

Однако в том, что из «Кабаре» тянулись нити в «Рацию», к Донована, Павлов был прав. В Управлении Рокфеллера у Голоса было два человека.

Один из этих двух — Джозеф Грегг, который, по уверению Бентли, был особенно активен и передал ей много сведений о докладах военно-морской и армейской разведки, а также ФБР о деятельности советской разведки и коммунистической активности в Центральной и Южной Америке.

Вторым был Роберт Т. Миллер III. В 1934 году он некоторое время жил в СССР и работал внештатным корреспондентом двух британских газет. Здесь он познакомился со ставшей его женой Дженни Леви, работавшей в редакции газеты «Москоу Ньюс». В 1937 году он покинул Москву и стал пресс-атташе при республиканском правительстве Испании.

После окончания Гражданской войны в Испании он создал агентство новостей, специализировавшееся на проблемах Латинской Америки. В 1941 году он перевел свою небольшую фирму в Вашингтон, и она вскоре влилась в состав Управления Рокфеллера.

Грегг и Миллер пришли к Голосу по линии Компартии и работали отдельно друг от друга, не зная о другом, что тот тоже связан с советской разведкой. Никто из них так и не был идентифицирован «Веноной», хотя псевдоним «Мираж» был ими засечен, как многие другие, например также упомянутый в ориентировке Павлова «Факир».

Ближайшим помощником, а точнее соруководителем группы Сильвермастера был его друг (они и жили в одной квартире) Уильям Ульман (псевдонимы «Поло», «Пилот», «Роберт»). Работал в министерстве финансов и отделе материального обслуживания штаб-квартиры армейской авиации. Ульман обладал

фотокамерой с высокой разрешающей способностью. В чулане без окон квартиры Сильвермастера он оборудовал лабораторию, в которой перефотографировал документы, которые вечером тайно выносил со службы, а утром возвращал на место. Однажды он таким образом переснял и передал связнику тактико-технические данные новейших американских бомбардировщиков и истребителей.

Секретным членом Компартии США был и Абрахам Джордж Сильвермэн (оперативный псевдоним «Элерон»). Входил в группу своего почти однофамильца Сильвермастера. В военные годы был помощником начальника отдела материального обслуживания штаб-квартиры армейской авиации. Непосредственно занимался в нем анализом и планированием. Он привлек к работе в этом подразделении Ульмана. От «Элерона» поступала информация о производстве самолетов, а также о распределении, подготовке и обеспечении экипажей.

Сильвермэн был близок с двумя высокопоставленными сотрудниками администрации — Гарри Декстером Уайтом («Ричард») и Лоуклином Керри («Паж»), Уайт, будучи на протяжении нескольких лет, в том числе военных, помощником министра финансов Генри Моргентау (в документах НКВД «Набоб»), обладал огромным влиянием на своего шефа, и не только на него. Бывший вице-президент Генри Уоллес и кандидат в президенты на выборах 1948 года сообщил прессе, что в случае своего избрания он бы назначил Уайта министром финансов.

Друзья и источники информации Сильвермастера буквально пронизывали все структуры министерства финансов. Для советской разведки это стало большой удачей. Дело в том, что все крупные предприятия США, в том числе производящие военную технику, боеприпасы и снаряжение, были и остаются частными. Вооруженные силы приобретали у них, делая соответствующие заказы, самолеты, танки, артиллерийские орудия, боевые корабли, стрелковое оружие, боеприпасы и прочее, и прочее — вплоть до пуговиц на нижнем белье. Приобретали, понятно, за деньги. И все расчеты проходили через министерство финансов. Потому именно здесь можно было получить самую достоверную и свежую информацию о количестве и сроках производства, к примеру, очередной партии бомбардировщиков, или минометов, или танков…

Назовем еще несколько источников информации, связанных с этим ключевым, после Госдепартамента, министерством США.

Групповодом второй группы служащих был Виктор Перлоу (оперативные псевдонимы «Рейд», «Экк») — выпускник Колумбийского университета, магистр математики,

высококвалифицированный экономист. Работал начальником группы анализа статистических данных в Управлении регулирования цен, затем в отделе распределения самолетов Управления военного производства. От него, в частности, поступили данные о распределении и об отгрузке самолетов на разные фронты, а также о трудностях, с которыми столкнулись конструкторы реактивного двигателя для первого американского совершенно секретного реактивного истребителя, а также о значительных разногласиях между производителями военной и гражданской продукции при распределении экономических ресурсов.

Ценным источником информации был Гарольд Глассер (оперативный псевдоним «Рубль»). Экономическое образование получил в Чикагском и Гарвардском университетах. Входил в группу Перлоу. Работал в министерстве финансов — был помощником директора отдела денежно-кредитного анализа, затем — вице-председателем Управления военного производства, экономическим советником вооруженных сил США в Северной Африке и т. д.

С 1945 года Глассер — советник делегации США при Совете министров иностранных дел союзных держав по экономическим вопросам. В этом качестве присутствовал на Московской конференции Совета в 1947 году.

Только короткое перечисление источников информации — второе напоминание! — прямо или косвенно связанных с деятельностью Якова Голоса.

Вильям Тэйлор. Уильям (Бела) Голд (оперативный псевдоним «Желудь») — работал в подкомитете сената по военной мобилизации и Управлении экономических программ для Иностранной экономической администрации.

Соня Голд. Жена Белы Голда («Женя»). Работала в министерстве финансов.

Ирвинг Каплан. Норман Буслер. Сотрудник министерства юстиции. Анатолий Волков — сын Хелен Сильвермастер от первого брака. Чарльз Кремер (настоящая фамилия Кривитский. Псевдонимы «Грузило», «Лот», «Крот»). Служил в подкомитете сената по гражданским правам, в Национальном совете по трудовым отношениям, в подкомитете сената по военной мобилизации и пр. Кремер был единственным источником, имевшим возможность получать ценную информацию непосредственно в сенате США. В частности, от него поступила информация об отношении политических деятелей США к движению генерала Шарля де Голля «Свободная Франция», а также о внутреннем расследовании связей между германскими и

американскими корпорациями.

Супруги Филипп и Мэри Джейн Кини — библиографы Библиотеки конгресса США. Филипп позднее стал библиографом в Управлении стратегических служб.

Генри Коллинз Хилл — служащий министерства сельского хозяйства, затем министерства труда и одного из сенатских комитетов.

Роуз Арenаль («Роза») — жена мексиканского коммуниста Луиса Ареналя. Была «почтовым ящиком» и связной между Я. Голосом и мексиканскими коммунистами, в том числе и в период организации покушения на Л. Троцкого (операция «Утка»).

Эврем Лэнди («Хан»). Журналист. Действовал как агент-наводчик для сети Я. Голоса.

Чарльз Магдофф («Тан», «Кант»). Служащий Управления военной продукции.

Джозеф Норт. Журналист, редактор левого журнала «Нью Мэс-сиз». Агент-наводчик сети Я. Голоса.

Эдвард Фитцджеральд («Тед»). Служащий Управления военной продукции, а затем Управления стратегических служб.

Дональд Уилер («Изра»). Сотрудник Управления стратегических служб. Входил в группу Перлоу.

Уильям Ремингтон («Федя»). Сотрудник Управления военной продукции. Считался восходящей звездой в области экономики. Теща Ремингтона была давним другом Джозефа Норта. В доме тещи Ремингтон и познакомился с Нортом, и тот вовлек его в серьезный спор об этике большого бизнеса в войне. Для продолжения дискуссии Норт предложил повторно встретиться в Нью-Йорке. На этой встрече Норт познакомил Ремингтона со своим другом «Джоном» — Яковом Голосом. Тот сказал молодому человеку, что готовит книгу о мобилизации промышленных ресурсов и усилий США в военное время. И Ремингтон согласился снабжать нового знакомого и интересного собеседника необходимой тому информацией.

Следующая их встреча произошла также в Нью-Йорке в ресторане Шарфа. Ремингтон был с женой, «Джон» — с молодой женщиной, которую представил как свою помощницу в сборе материалов у разных авторов «Хелен Джонсон».

Так началось сотрудничество Ремингтона с советской внешней разведкой. В 1942–1943 годах «Хелен» встретилась с Ремингтоном в Вашингтоне не менее двенадцати раз. Встречались они либо в драгсторе[105] на Пенсильвания-авеню, либо перед Художественной галереей Меллона, либо в одном из скверов.

Секретные материалы Ремингтон передавал «Хелен» в виде аккуратных и лаконичных, но подробных по существу записок. В

частности, от него были получены данные о производстве самолетов различных типов, высокооктанового бензина и искусственного каучука[106].

Как уже отмечалось, некоторые источники поставляли информацию о положении дел в Азии и Латинской Америке. Вроде бы не самую актуальную для Советского Союза, ведущего тяжелейшую войну с Германией в Европе. На самом деле, руководству СССР было чрезвычайно важно знать планы Японии, ход военных действий на азиатском материке, прежде всего в Китае, а также на Индокитайском полуострове. Причина очевидна: агрессия японцев на Дальнем Востоке поставила бы СССР в крайне тяжелое положение. Война на два фронта… Даже сегодня об этом страшно подумать. Кто знает, чем она могла бы обернуться.

Нельзя было оставлять без внимания и Латинскую Америку. Отсюда, во всяком случае из портов некоторых стран, где у власти стояли фашиствующие военные хунты, «нейтральные» торговые суда под флагом испанским, португальским, шведским и прочими вывозили тысячи тонн стратегического сырья, в котором так остро нуждалась военная промышленность Третьего рейха: молибден, селитру, марганец, медную руду и многое другое. Внешней разведке пришлось побеспокоиться, чтобы сократить по возможности этот сырьевой поток… Весьма успешно занимался решением этой острой проблемы выдающийся советский разведчик Иосиф Григулевич[107].

…В 1945 году Элизабет Бентли вспомнила такой эпизод: ранней осенью 1942 года она с Голосом ехала ужинать в ресторанчик в Нижнем Ист-Сайде. Неожиданно Яков попросил ее остановиться (она сидела за рулем) и сказал, что ненадолго, у него здесь важная встреча.

На углу Голос вышел и поздоровался с высоким худощавым мужчиной в больших очках в роговой оправе. Черт лица она не разобрала — был вечер, уже стемнело. Только и запомнила очки и еще темные усики. Отметила также, что незнакомец молод — по осанке и движениям.

Между мужчинами произошел недолгий разговор, после чего Яков вернулся в машину.

— Я дал этому человеку номер твоего телефона, — сказал он. — Может позвонить и назваться Юлиусом. Передашь мне, что он скажет…

Элизабет не переспрашивала: кто, что, зачем… Уже знала, что задавать вопросы, относящиеся к подобным делам, не следует. Что нужно ей знать и что следует делать — сообщит. Сам сообщит…

Действительно, таинственный Юлиус звонил Бентли несколько раз, сообщал, что ему нужно встретиться с «Джоном». Больше ничего. Элизабет добросовестно сообщала о звонке Голосу. Видимо, тому этого было достаточно. Похоже, что место встречи, даты и время были у них уже обговорены заранее. Бентли решила, что Юлиус должен жить в комплексе Никербокер-Виллидж на Манхэттене, там, где Голос впервые при ней с ним встретился.

По каким-то неуловимым признакам Бентли решила, что Юлиус — инженер. Так оно и было на самом деле. Незнакомец действительно был инженером, и высококвалифицированным. Юлиус было его настоящим именем, а фамилия — Розенберг — вскоре стала известной всему миру.

С женой Этель и двумя малолетними детьми Розенберг и в самом деле жил в скромной квартире в Никербокер-Виллидж, Мон-ро-стрит, 10. Работал он тогда на известной фирме «Эмерсен», располагавшейся на Манхэттене в районе 20-х улиц. Юлиус был убежденным коммунистом и антифашистом и на сотрудничество с советской разведкой пошел совершенно сознательно. Розенбергу был присвоен псевдоним «Антенна» (позднее — «Либерал»). Этель знала об этой стороне жизни мужа и полностью ее одобряла. Однако, будучи матерью двоих маленьких детей и домохозяйкой, помогать мужу делом никак не могла.

…Меж тем на отношения Голоса с резидентурой набежала тень. Он по-прежнему регулярно встречался с «Леонидом», на конспиративных квартирах — ни разу, иногда в кафе, чаще на открытом воздухе. Обычно в 8–9 часов вечера. Утром — в исключительных случаях, если «Леонид» должен был в тот же день вернуть «Звуку» обработанный в резидентуре материал.

«Леониду» было трудно работать со «Звуком». Он плохо знал Америку, обычаи, привычки, менталитет американцев, ранее он никогда непосредственно с агентурой не работал. Он сам потом признавался в Москве, к неудовольствию начальства, что встречи и беседы со «Звуком» давали ему в профессиональном отношении больше, чем все инструктажи в резидентуре.

Проблема возникла при первой же встрече Голоса с «Максимом». По мнению Центра, Голосу было слишком трудно контролировать всю его огромную информационную сеть. Москва считала, что Голос должен сконцентрировать свои усилия исключительно на общей политической и экономической информации, причем — получаемой лишь от нескольких особо ценных агентов, находящихся на ключевых позициях.

Первый разговор был своего рода зондированием настроений

Голоса. Зарубин прекрасно понимал, что кавалерийским наскоком дело можно только испортить. У него, как у главного резидента, и без того хватало забот. Понимая, что на малоопытного «Леонида» рассчитывать не очень-то приходится, он решил подключить к работе со «Звуком» жену — «Вардо».

В возникших разногласиях, как это видится автору с позиций нынешнего дня, по-своему правы, следовательно, в той же степени не правы обе стороны. Центр, естественно, намерен был если не полностью контролировать, то хотя бы знать источники информации Голоса. В подавляющем большинстве случаев в резидентуре были известны только их псевдонимы и было некоторое представление о месте работы, следовательно, об оперативных возможностях и степени достоверности информации.

В личной беседе с Зарубиным Голос признал, что он действительно перегружен, очень устал, но никому из своих помощников передоверить дело не может. Его ближайшая помощница (имелась в виду Бентли — «Умница») может работать лишь под его руководством, но никак не самостоятельно. К тому же, добавил «Звук», его не устраивает недостаточная квалификация новых сотрудников резидентуры. Они не только неопытны как разведчики, что поправимо, но ко всему попросту не понимают психологию американцев, порой ведут себя с источниками бестактно.

Зарубин прекрасно в данном случае понимал Голоса. Разумеется, после расстрелянного Гутцайта и отозванного Овакимяна новые сотрудники, тот же «Леонид», в глазах Голоса не могли не проигрывать своим предшественникам. Тем не менее Москва и резиденту-ра, соблюдая, естественно, все жесткие законы конспирации, имели право знать, с кем имеют дело.

Наконец, Голос заявил, что никогда не передаст на прямую связь сотрудникам резидентуры тех своих источников информации, которые делятся ею только с ним лично из тщательно скрываемых на службе симпатий к социалистическим и даже коммунистическим идеям. Некоторые информаторы работают с Голосом как ответственным и авторитетным представителем американской Компартии, но никогда не будут сотрудничать с иностранной разведкой, даже если это разведка социалистического государства.

Это, конечно, был серьезный аргумент. Зарубин прекрасно знал по собственному опыту, что при работе с агентом втемную или под чужим флагом просветление того может оказаться совершенно непредсказуемым.

В конце концов с большим трудом удалось убедить Голоса

сделать два исключения. Так, он передал группу «Антенны» — Юлиуса Розенберга (именно группу, поскольку Юлиус привлек к разведывательной работе несколько своих ближайших друзей) на связь оперативнику резидентуры по линии НТР «Твену» — Семену Семенову. Как сообщил позднее «Максим» в Москву, группа под руководством «Твена» стала работать более организованно и эффективно.

В дальнейшем с Розенбергом работал, и также весьма успешно, «Каллистрат» — Александр Феклисов (Фомин).

Уже в конце лета 1943 года Зарубин уговорил Голоса передать группу «Пэла» — Сильвермастера на связь «Мэру» — Исхаку Ахмерову, как часть плана необходимой реорганизации агентурной сети в целом. «Максим» в нелегком разговоре использовал сугубо рациональные, чисто деловые аргументы. Но один из аргументов он так и не решился высказать собеседнику: очень уж скверно выглядел Голос, невооруженным взглядом было заметно, что «Звук» держится на пределе физических и душевных сил.

Это была последняя встреча «Максима» — Василия Зарубина и «Звука» — Якова Голоса. Можно с определенной степенью уверенности предположить, что в конце концов два умных и опытных человека, два патриота и антифашиста пришли бы к разумному решению, в целом отвечающему и естественному желанию Центра, и интересам американских граждан, ставших бескорыстными помощниками советской разведки.

Еще до этих встреч с Зарубиным Голос и сам пытался найти в своем окружении человека, который заменил бы его хотя бы в руководстве агентами, работающими в сферах науки и техники. Новый групповод, по мысли Голоса, должен был быть не только достаточно опытным разведчиком, но и разносторонне образованным человеком с жилкой изобретателя. «Звук» никогда не забывал, с какими трудностями он сам столкнулся, когда должен был оценить значение, вернее, даже реальность оказавшегося в его распоряжении открытия молодого человека: тот передал ему изобретенный им способ извлечения из морской воды золота и других редких металлов.

Изобретатель просил передать его открытие в Советский Союз для практической реализации[108]…

…Первая встреча «Звука» и «Вардо» состоялась в присутствии «Леонида» во французском ресторанчике в Даун-Тауне и длилась около двух с половиной часов. Тогда Голос в сжатой форме изложил Зарубиной общую структуру, масштабы и возможности своей агентурной сети.

Всего таких встреч было около десяти. Одна из них прошла в

автомобиле в ходе довольно продолжительной поездки за город. Остальные — в маленьких ресторанчиках.

Понимая, что его сопротивление передаче сети напрямую резидентуре может быть в Центре понято превратно, Голос в конце апреля 1943 года послал начальнику разведки Павлу Фитину сугубо личное письмо:

«Дорогой товарищ Виктор[109]! Хочу заверить Вас и остальных наших друзей, что я делаю все, что в моих силах, — и даже немного больше, — чтобы нынешняя политическая ситуация была использована в интересах нашей организации. Я научился работать здесь в любых условиях — благоприятных и неблагоприятных, — и Вы можете быть уверены, что я максимально использую нынешнюю ситуацию.

Существуют, однако, трудности, которые мешают нашей работе. Первое, имеются определенные правительственные агентства, которые в настоящее время более активно, чем раньше, ведут наблюдение за всеми либеральными и прогрессивными людьми, как работающими, так и не работающими в государственных учреждениях. Как только становится заметно, что за кем-нибудь из наших людей или каким-то его контактом, ведется такое наблюдение, его немедленно начинают избегать все либеральные и прогрессивные друзья и ему становится весьма затруднительно успешно заниматься своей работой. Второе, некоторые из наших людей дезориентированы нынешним союзом между нашими странами и не видят необходимости помогать нам. Они наивно считают, что для получения чего-либо мы должны просить об этом открыто.

Третье, некоторые наши люди призваны и находятся в армии. Это не только кладет конец их использованию, но накладывает тяжелый груз на тех, кто остался. Четвертое, все наши люди, особенно служащие государственных учреждений, работают очень напряженно на своих должностях и весьма ограничены свободным временем. Служащие правительственных учреждений сейчас работают все семь дней в неделю. Пятое, это общая нестабильность всех государственных учреждений. Они непрерывно создаются и так же быстро ликвидируются. А если и продолжают существовать, то подвергаются непрерывным реорганизациям, и люди, в них служащие, то и дело перебрасываются с одной должности на другую.

Мы видим эти трудности и делаем все, что в наших силах, чтобы преодолеть их, и я могу заверить Вас, что мы сделаем все возможное, чтобы использовать существующую обстановку в наших интересах. Если Вы проанализируете работу, сделанную до настоящего времени, я думаю, Вы увидите, что мы получаем

многое. Но это не означает, что мы не можем получать больше. Лично я не удовлетворен результатами и пытаюсь ежедневно их улучшить.

Мои наилучшие пожелания всем моим друзьям. Шлю поздравления с днем Первого мая.

Джон».

…Прошло семь месяцев. 26 ноября 1943 года Елизавета Зарубина должна была приехать в Нью-Йорк на очередную встречу с Яковом Голосом…

Глава 11

В середине ноября Элизабет Бентли решила заблаговременно, чтобы избежать предпраздничной толчеи в магазинах, закупить рождественские подарки ближайшим друзьям по нелегальной работе. То была давняя, сложившаяся в сети традиция. Резидентура к этому обычаю относилась спокойно и небольшие суммы для его поддержания выделяла, тем более что никто из агентов Голоса жалованья за свою работу на советскую разведку не получал. Возмещались только транспортные и иные «производственные» расходы.

Эрлу Браудеру всегда дарили несколько банок черной икры (из кладовых посольства или «Амторга») и две бутылки шотландского виски, его жене Раисе — хороший французский коньяк, брату Биллу — несколько кварт виски «Канадский клуб». Для Мэри Прайс покупалась упаковка дорогого дамского белья. В конце длинного списка персональных подарков значились игрушки для детей Мориса Гальперина.

Уже на свои деньги Элизабет купила для Якова новый бумажник из дорогой итальянской кожи со множеством отделений. Его старый истрепался до неприличия. С вручением подарка решила не дожидаться Рождества — потом признавалась, что у нее было какое-то дурное предчувствие.

В День Благодарения 1943 года — 25 ноября[110] — Голос впервые за долгое время решил пообедать в хорошем ресторане у «Лондонской Террасы». Элизабет с горечью признала, что Яков за какие-то несколько месяцев сильно сдал и выглядел ужасно. Лицо стало каким-то одутловатым, светлая кожа приобрела нездоровый мучнистый оттенок. Было заметно, что каждое движение дается ему с трудом, малейший неловкий шаг вызывал одышку.

После ланча они пошли в кино, тоже впервые за целую вечность. После окончания сеанса он вдруг заявил, что хочет поехать в свой отель иМэдисон» на 27-й Западной улице, чтобы переодеться в другой костюм. Бентли едва не впала в панику — так плохо он выглядел, да и говорил сбивчиво. Отговорила, почти насильно усадила его в автобус, идущий в сторону ее дома на Бэрроу-стрит.

Когда они вышли на нужной остановке. Голос заговорил о работе, сказал, что ему нужно немедленно, из ближайшей телефонной будки позвонить Милдред Прайс, но тут же забыл об этом…

Дом, в котором жила Бентли, был старый, без лифта. На третий этаж[111] Голос поднимался медленно, останавливался,

чтобы передохнуть, на каждой площадке. Когда вошли в квартиру, Элизабет помогла ему снять пальто, пиджак, ботинки, галстук, расстегнула верхние пуговки рубашки.

Голос прилег на кушетку, механически включил радиоприемник, настроенный постоянно на музыкальную программу. Передавали симфоническую музыку. Элизабет вышла в ванную. Там услышала, как симфонию сменил джаз, который Яков терпеть не мог. Она поспешно вернулась в гостиную, на ходу спросила:

— Хочешь, я сменю станцию? И тут увидела, что он заснул. Она выключила приемник, ушла в другую комнату, присела в кресло и вздремнула сама. Проснулась, должно быть, через час, словно кто-то толкнул. В мыслях мелькнуло — что-то не так… Что-то происходит. Бегом вернулась в гостиную и увидела, что Голос лежит на спине, а из раскрытого рта исходят странные звуки, словно клекот…

Она кинулась к нему, встряхнула: — Яша, проснись, встань!

— Он не отозвался, в горле у него по-прежнему что-то клокотало. Вспомнив давние, в юности, занятия на курсах Красного Креста, Элизабет кинулась в кухню, достала бутылку бренди и осторожно влила в рот по-прежнему не приходящего в сознание Якова ложку обжигающей жидкости. Должного эффекта не последовало.

Она схватила телефонную трубку, набрала номер оператора здания.

— Быстро вызовите мне амбуланс! — Соединяю вас с департаментом полиции, — ответила девушка-оператор.

Почти мгновенно на другом конце провода послышался голос дежурного сержанта ближайшего полицейского участка на Чарльз-стрит.

— В чем дело, мэм? — У человека сильный сердечный приступ, требуется срочная медицинская помощь. Вы можете мне помочь?

— Конечно, назовите адрес, и я направлю к вам амбуланс. Через несколько минут в квартиру пришли два молодых человека из госпиталя Святого Винсента.

— Кто из вас доктор? — спросила Элизабет. — Никто, — ответил старший по возрасту. — Сегодня все врачи в разъездах. Но мы дипломированные санитары и знаем, как оказать первую помощь в таких случаях.

Они прошли в гостиную. Старший осторожно открыл веки Голоса, пристально вгляделся в глаза. Потом взял его запястье, пытаясь нащупать пульс. Осторожно опустил руку.

Подошел к телефону, набрал номер. — Это я, — сказал он

невидимому собеседнику. — Нет, слишком поздно. Ди-Оу-Эй. — Взглянул на наручные часы. — Девять часов тридцать шесть минут пополудни…

Бентли знала эту аббревиатуру — <Д. О. А.». Она означала «Dead of Arrival» («По прибытии мертв»).

Поскольку Голос скончался не у себя дома, а в квартире, принадлежащей другому лицу, медики обязаны были оставаться на месте вплоть до прибытия полиции. Когда они вышли на несколько минут, чтобы переставить свой автомобиль, который впопыхах припарковали напротив пожарного гидранта (что категорически запрещается), Элизабет поспешно вынула из карманов Голоса его записную книжку и некоторые другие бумаги, которые ни в коем случае не должны были попасть в руки полиции. Оставила только предметы, которые обычно носит при себе мужчина.

В 9 часов 45 минут явилась полиция в облике двух высоченных добродушных ирландцев. В те, да и в последующие годы в нью-йоркской полиции служили почему-то преимущественно американцы ирландского происхождения, во всяком случае, на рядовых должностях.

Санитары быстро ввели их в курс дела и уехали. — Я не знаю, что мне делать, — сказала Элизабет старшему патрульному. — Это мой сослуживец, мистер Яков Голос. Он находился здесь по соседству, ему стало плохо, и он зашел ко мне, чтобы пересидеть приступ.

— Вы знаете кого-нибудь из его друзей или родственников? Бентли, разумеется, не могла назвать ни Браудера, ни кого-либо из ответственных партийных функционеров. Она была знакома со старшей сестрой Якова — Мэри Эдельман, зналаиее адрес: 1521, Шеридан-авеню, Бронкс, но предпочла умолчать об этом. Она справедливо опасалась, что Яков мог хранить у нее какие-то документы, и не могла допустить, чтобы они попали в руки полиции, а оттуда в ФБР. Бентли была права: у Мэри хранились многие бумаги брата, в том числе — бланки американских паспортов. Следуя давней инструкции Якова, Мэри, как только узнала о его смерти, немедленно все сожгла.

— У мистера Голоса есть близкий друг, зять, муж сестры. Он жил где-то в Бронксе, но сейчас призван в армию.

— Ладно, — сказал старший патрульный, устраиваясь поудобнее в кресле. — Мы должны дождаться эксперта-врача, и тогда можно будет отправить тело для подготовки к похоронам.

Вскоре в квартиру явился детектив из полицейского участка на Чарльз-стрит и осведомился о домашнем адресе Голоса. Узнав, что тот постоянно жил по соседству, через несколько кварталов в

отеле «Мэдисон», он послал туда по телефону своего сотрудника. Через час тот позвонил ему, после чего детектив с подозрением посмотрел на Бентли.

— Вы знали, что Голос не настоящая фамилия покойного?

Бентли запаниковала. Она, конечно, знала, что настоящая фамилия Якова — Рейзен, но за несколько лет общения она привыкла называть его именно Голосом, так его звали и на работе, и в партии. Яков давно собирался и официально сменить фамилию — в США это не представляло трудностей, многие иммигранты по прибытии в Америку либо меняли свои русские, украинские, польские, еврейские фамилии для удобства на английский лад, либо вообще брали новые.

— Извините, офицер, — собравшись, сказала Бентли. — Мы были всего лишь сослуживцы, и я не знала его достаточно хорошо. Припоминаю, что он как-то рассказывал, что в свое время много занимался журналистикой, а журналисты часто пользуются псевдонимами.

Детектив успокоился. — Звучит логично. Но у вас проблема. Я спросил, потому что в регистрационных книгах отеля усопший значится как Рейзен. Кто-то из близких должен идентифицировать тело покойного, чтобы выписать сертификат о смерти. Только после этого его можно будет похоронить. Сослуживцы права на это не имеют. Вы можете связаться с мужем его сестры?

— Могу это сделать только завтра. Его адрес и телефон должны быть в офисе. Сейчас все закрыто.

— Хорошо… — Подумав, детектив решил пойти ей навстречу. — Я понимаю, что оставлять тело в вашей квартире нельзя. После того как придет эксперт-врач, можете вызвать людей из похоронного бюро. Но завтра прямо с утра позвоните мне и назовите мне полное имя покойного и телефоны его родных. Нехорошо, если его заберут в морг для неопознанных трупов…

После ухода эксперта-врача и полисменов Элизабет дозвонилась до старого друга Голоса по партии Лемуэля Харриса, вкратце обрисовала ему ситуацию.

— Слушай меня внимательно. По телефону ничего лишнего никому не говори, — выразительно сказал Сэм. — Яша много лет является членом Международного Рабочего Союза[112]. Они все сделают.

Позвони Грейс Хатчинс, это проверенный товарищ, да и живет она неподалеку от тебя. Она туда позвонит, и они все устроят…

Ближе к утру действительно приехали работники

похоронного бюро МРС и на закрытых брезентовых носилках увезли тело Голоса…

…Не дожидаясь полного ноябрьского рассвета, Бентли направилась в «Уорлд Туристе». Заспанный лифтер что-то пробурчал, чего ради она заявилась в такую рань. Не отвечая, Бентли поднялась в офис и сразу направилась к сейфу. Следуя инструкциям Голоса — он давно обговорил их с ней на случай своей внезапной болезни или смерти, — достала все находившиеся там бумаги и 1200 долларов наличными. Бумаги она методично, не читая, разорвала на мелкие кусочки и сожгла в большой медной пепельнице. Пепел высыпала в туалет. Деньги, в соответствии с той же инструкцией, следовало передать Эрлу Браудеру…

…Уже в дневных выпусках о смерти Якова Голоса сообщили своим читателям центральный орган Компартии США «Дейли Уоркер», еврейская коммунистическая газета «Фрайбайт», русская коммунистическая газета «Русский Голос», позднее — естественно — представительное левое издание «Нью Мэссиз».

В субботу, 27 июня, в 2 часа дня в ритуальном зале Грэмерси-парк на Второй авеню, 152, состоялась гражданская панихида.

Хоронили Якова Голоса на следующий день, на кладбище Нью-Монтефьор на Лонг-Айленде. Здесь Международному Рабочему Союзу принадлежал целый участок. Могила Якова Голоса заботами профсоюзов Нью-Йорка содержится в полном порядке и по сей день.

…Готовая уже выехать из Вашингтона в Нью-Йорк на очередную встречу со «Звуком» Елизавета Зарубина в последний момент узнала из газет о его кончине.

По странному стечению обстоятельств накануне начальник внешней разведки направил народному комиссару государственной безопасности СССР, комиссару государственной безопасности первого ранга товарищу Меркулову следующий рапорт.

«Прошу Вашей санкции на представление к награждению орденом Красная Звезда нашего закордонного агента т. Голоса.

Начав активное сотрудничество с нами в 1930 году, т. Голос за истекшие 13 лет зарекомендовал себя как преданный нашему делу человек. Отлично зная обстановку в стране пребывания, т. Голос настойчиво и успешно преодолевал большие трудности, с которыми сталкивался в ходе выполнения срочных заданий НКВД-НКГБ СССР. Тов. Голос характеризуется умелым подходом к людям и инициативой. Он работал не только как наводчик, установщик и групповод, но и как вербовщик, причем привлек к нашей работе ряд лиц, являющихся ценными источниками

политической и экономической информации.

В настоящее время мы ставим перед ним новые ответственные оперативные задачи.

Начальник I Управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга (Фитин)

24 ноября 1943 г.».

Увы, в шифротелеграмме из Нью-Йорка за № 1111 от 27 ноября, в частности, была и такая строчка: «“Клим”[113] сообщил, что 25 ноября 1943 года от разрыва сердца умер “Звук”».

Сообщение в Москве произвело впечатление грома и молнии среди ясного неба. О серьезной болезни Голоса в Центре никто достоверно ничего не знал. Понятно, что у человека, перешагнувшего полувековой рубеж и работающего в экстремальных условиях, идеального здоровья не может быть, что называется по определению. Но чтобы вот так рухнуть в одночасье…

Озабоченность в Москве была естественной и объяснимой: слишком уж много нитей держал в своих руках «Звук». О некоторых его источниках, в том числе важнейших, особо ценных, в Центре ничего кроме псевдонимов не знали, а если и знали, то воспользоваться связями Голоса было весьма затруднительно, а то и вовсе невозможно. Многие источники Якова ни с кем, кроме как лично с ним, дела иметь заведомо не желали. Некоторые вообще не подозревали, что работают на советскую, то есть иностранную, разведку.

В общем, смерть Голоса породила для Москвы множество проблем. Однако она, по мнению автора, никак не должна была по многим этическим соображениям стать причиной для составления следующего удивительного, не поддающегося разумному объяснению документа; точнее, вовсе даже не аргументированного документа, а всего лишь записки, цидульки в две строчки, приложенной к наградному листу:

«В связи со смертью Голоса представлять к правительственной награде не будем.

4 декабря 1943 года. Козлов».

Представление Якова Наумовича Рейзена (Голоса) на «авторитетном» основании сей маловразумительной записки так и не состоялось. Ни тогда, в 1943-м, ни в последующие годы и десятилетия.

Это тем более удивительно, что четверо (по некоторым данным, даже шестеро) агентов из цепи «Звука» были орденом Красной Звезды награждены! И скоропостижная смерть Голоса никак не может быть объяснением вопиющего факта, что руководитель четверых (или шестерых) награжденных сам в

секретный Указ Президиума Верховного Совета СССР не попал. Великая Отечественная война была в разгаре, и многие тысячи воинов Красной армии награждались орденами и медалями именно посмертно, даже удостаивались после жизни звания Героя Советского Союза.

У автора нет ни малейшего сомнения в том, что кто-то из недоброжелателей Голоса в Центре воспользовался сообщением из Нью-Йорка, чтобы лишить разведчика заслуженной награды даже после ухода из жизни… К слову, вызывает недоумение, почему Голоса представляли к той же награде, к тому же ордену, что и руководимых им агентов… Как показало ближайшее будущее, по меньшей мере двое из награжденных оказались своих орденов недостойны, хотя получили их за вполне реальные заслуги в прошлом. (Слово «получили» надо понимать иносказательно, автор не располагает сведениями, что ордена кому-либо из них были вручены «из рук в руки».)

Увы, лишь несколько разведчиков высочайшего уровня были по достоинству оценены на государственном уровне, и то спустя многие десятилетия.

Моррис и Леонтина Коэны стали Героями Российской Федерации посмертно, соответственно в 1995 и 1996 годах.

Артур Александрович Адамс стал Героем России посмертно, через тридцать лет после кончины. При жизни он получил всего лишь одну награду — медаль «За победу над Германией».

Яну Петровичу Черняку вручили Золотую Звезду Героя России при жизни. Точнее — не вручили, а положили аккуратно на прикроватную тумбочку в военном госпитале. Разведчик находился в полубессознательном состоянии, а через неделю его не стало…

…Проживавшей в Москве семье Якова Голоса на память, просто как знак внимания, не передали даже отчеканенную в десятках миллионов экземплярах медаль «За победу над Германией», на которую покойный разведчик уж безусловно право заслужил. Правда, у его сына, инвалида Великой Отечественной войны и ветерана морской пехоты, Дмитрия Голоса есть такая медаль собственная. Как и медали «За оборону Ленинграда» и «За отвагу», и орден Отечественной войны первой степени…

Глава 12

Итак, Якова Голоса не стало… Отшумела суета похорон. Никто тогда, разумеется, не мог и представить, как скажется смерть «Звука» на судьбах многих десятков людей, в том числе и тех, кто при жизни никогда с ним не встречался или даже вовсе не знал о его существовании.

Мир, конечно, не рухнул, но советской внешней разведке пришлось столкнуться со многими серьезными трудностями и осложнениями, на преодоление которых ушли годы, а по ряду позиций и десятилетия.

Первый, самый естественный вопрос, который может, вернее, должен задать в этой связи любой историк разведки, что стало с «наследием» Голоса, теми агентурными сетями и группами, которые он либо сам создал, либо был как-то причастен к их деятельности?

Поначалу — ничего… Продолжали функционировать. Так оно и должно было быть.

Александр Феклисов («Каллистрат») в конце концов принял кураторство группой Юлиуса Розенберга («Антенны»). Некоторое время по ряду причин связь с «Антенной» была прервана, и «Каллистрату» для ее возобновления пришлось даже пойти на рискованный шаг — заявиться к Розенбергу домой!

Юлиус тогда работал гражданским сотрудником в Армейском корпусе связи, выполнявшем, в частности, серьезные задания вооруженных сил, в первую очередь — военной авиации.

Надо отметить, что усилия научно-технической разведки НКВД/ НКГБ были ориентированы, помимо текущей будничной работы по многим направлениям, на первоочередное решение трех особо важных задач, получивших кодированные наименования. Так, операции, связанные с проникновением в «Манхэттенский проект» (так американцы закодировали работы по созданию атомной бомбы), были поименованы «ЭНОРМОЗ» («Ужасный»), по реактивным двигателям — «ВОЗДУХ», по радиолокации и смежной технике — «РАДУГА».

Юлиус и Этель Розенберги приняли мученическую смерть как якобы главные советские атомные шпионы. На самом деле к операции «ЭНОРМОЗ» они прямого отношения не имели. Однако неоспоримы заслуги Розенберга в операциях «РАДУГА» и «ВОЗДУХ». Об этом прекрасно были осведомлены и шеф ФБР, и прокурор, и судья на процессе над ними. Однако только обвинение в атомном шпионаже могло обеспечить требуемый властями смертный приговор. Но об этом позже.

Юлиус, убежденный коммунист и антифашист, привел с собой на добровольную службу советской разведке группу своих близких друзей и единомышленников. Это были весьма талантливые инженеры с ярко выраженной исследовательской и изобретательской жилкой. Сегодня их имена достаточно хорошо известны: Джоэль Барр («Мэтр», «Скаут»), Альфред Сарант («Хьюз»), Уильям Перл («Гном»), Мортон Собелл.

Все они работали в исследовательских лабораториях и конструкторских бюро либо военных предприятий, либо гражданских фирм, выполняющих заказы военных ведомств. Потому доставляемая ими информация, в том числе документальная, а то и образцы продукции имели исключительно важное значение для оборонной промышленности Советского Союза. Тем более что некоторые материалы и данные можно было использовать в СССР почти незамедлительно.

От Розенберга, а через него и от друзей последнего Феклисов, в частности, получал подробную информацию: чертежи, инструкции и наставления по эксплуатации различной секретной радиоэлектронной аппаратуры.

В первых числа Нового, 1944 года Розенберг в кафетерии «Харт энд Ховард» на 40-й улице, недалеко от Бродвея, вручил Феклисову крупную подарочную рождественскую коробку весом в… семь килограммов!

Распечатав коробку в резидентуре в присутствии своего начальника Леонида Квасникова («Антона»), Феклисов обнаружил там образец новейшего секретного радиовзрывателя для снарядов зенитной артиллерии!

Впоследствии «Каллистрат» вспоминал: «Суть этого нового устройства состояла в том, что оно направляло на самолет зенитный снаряд в тот момент, когда он находился на минимальном расстоянии от цели, и снаряд взрывался. Радиовзрыватель резко повышал эффективность поражения самолетов»[114].

И далее: «Полученный от Розенберга образец радиовзрывателя был высоко оценен нашими специалистами на Родине. По их ходатайству было быстро принято постановление… о создании специального КБ для дальнейшей разработки устройства и о срочном налаживании его производства. О значении “рождественского подарка” Розенберга свидетельствуют и появившиеся после окончания войны в американской печати сообщения о том, что из всех видов военной техники, созданных в период Второй мировой войны, радиовзрыватель по своему значению уступает лишь атомной бомбе, и на его разработку и создание Соединенными Штатами было затрачено около 1

миллиарда долларов.

Наши специалисты значительно усовершенствовали американский образец радиовзрывателя. С помощью такого усовершенствованного радиовзрывателя 1 мая 1969 г. на высоте около 20 км в районе г. Свердловска был сбит вторгшийся на советскую территорию американский самолет-шпион “Локхид У-2”, пилотируемый летчиком Г. Пауэрсом»[115].

Барр и Сарант были близкими друзьями, некоторое время они даже проживали в одной квартире. В начале войны они вместе работали в лаборатории Армейского корпуса связи в Форт-Монмоут в Нью-Джерси над созданием военных радиолокаторов — тогда их называли радарами. Оттуда, однако, их вскоре уволили. Одного за коммунистические убеждения, второго — за активную профсоюзную деятельность, недопустимую на военном предприятии.

Тогда один за другим они устроились на работу в известную компанию «Вестерн Электрик», где занялись разработкой… радарных высокоточных прицелов для бомбометания!

Уильям Перл («Гном»), крупнейший американский талант, подлинная звезда в области аэронавтики, в мае 1944 года передал данные о новом истребителе дальнего радиуса действия, а также расчеты по созданию прототипа реактивного самолета. Реактивный двигатель к нему разрабатывала известная корпорация «Вестингауз».

В декабре 1944 года резидентура доложила Центру, что получила от «Хьюза» семнадцать подлинных схем к установке «АРА-7». Это кодовое обозначение разработчики присвоили новейшей и, естественно, засекреченной еще на стадии создания радарной установке, которую компания разрабатывала совместно с военными радиоинженерами и учеными знаменитого Массачусетского технологического института.

Объем информации от группы Розенберга (ему присвоили новый псевдоним — «Либерал») был столь велик, что резидентура решила образовать специальную группу связников для работы с нею. В качестве связников Розенберг рекомендовал хорошо знакомых ему супругов Михаила и Анну Сидоровичей. Михаил (ему присвоили псевдоним «Линза») был другом детства Юлиуса. В середине 30-х он добровольцем воевал в Испании. Его жена и помощница Анна была — напомним читателю — дочерью редактора коммунистической газеты на украинском языке Михаила Ткача, также входившего в советскую агентурную сеть.

Сам Юлиус Розенберг передал в резидентуру также радиосистему опознания военных самолетов «свой — чужой».

Сегодня без оснащения такой системой немыслима военная авиация всех типов: бомбардировочная, истребительная, штурмовая, транспортная, разведывательная и т. п.

На свою беду, Юлиус привлек к разведывательной работе и родного брата своей жены капрала Дэвида Грингласса («Калибр», «Шмель»). Но об этом — дальше.

С супружеской парой Моррисом и Леонтиной Коэн Голос больше никогда не сталкивался, хотя, теоретически, мог встречаться иногда с молодым интернационалистом после возвращения того из Испании в кантине «Амторга». Когда США оказались втянуты в мировую войну, Морриса призвали в армию и он надолго выбыл из агентурной сети. Однако Леонтина с лихвой поработала за них обоих. Она стала одной из основных связных между резидентурой и самым ценным агентом в закрытом центре атомного «Манхэттенского проекта».

Об этом периоде ее жизни и вообще о роли «Лесли» в решении атомной проблемы «ЭНОРМОЗ» написано достаточно много в общедоступной литературе, к которой и отсылает автор читателя, желающего больше узнать о замечательной супружеской паре выдающихся разведчиков-нелегалов, посмертно удостоенных высокого звания Героя Российской Федерации[116].

Роль, сходную с той, что в Лос-Аламосе сыграла «Лесли», выпала на долю и безотказного Гарри Голда. После Семена Семенова («Твена») его постоянным куратором стал Анатолий Яцков («Алексей»). По его заданию Голд неоднократно выезжал на конспиративные встречи с немецким физиком-политэмигрантом Клаусом Фуксом, одним из ведущих разработчиков американской атомной бомбы.

Поскольку Голд, как и Розенберг со своей группой, были еще Голосом переданы на прямую связь резидентуре, Бентли не пришлось больше иметь с ним никакого дела.

Однако на ней осталась связь с вашингтонскими группами (за исключением Лоренса Даггена, контакт с которым поддерживал знавший его с довоенных времен Исхак Ахмеров). Информация от них по мере разгорания мировой войны приобретала все большее и большее значение. Так что «Умница», как и раньше, примерно раз в две недели, а иногда и чаще наезжала в Вашингтон и возвращалась обратно. Теперь, когда не стало единственного человека, которого она по-настоящему любила, эти поездки стали смыслом ее существования.

У Якова Голоса была еще одна обязанность, и многолетняя, о которой в партии знали не более двух-трех человек: он был доверенным, наделенным большими полномочиями связующим звеном между Генеральным секретарем ЦК Компартии США Эр-

лом Браудером и резидентом внешней разведки, причем главным. То есть в рассматриваемый период Василием Зарубиным. Когда резидентура нуждалась в одном-двух-трех надежных помощниках-коммунистах (чаще всего — секретных членах партии), то просьба передавалась Браудеру через Голоса. Генсек подбирал нужных людей вместе с Голосом и через него же сообщал намеченные кандидатуры резиденту.

Разумеется, Браудер, лично знавший Бентли и неплохо к ней относившийся, возложить на нее эту сверхсекретную обязанность Голоса никак не мог. Для него Бентли была всего лишь технической помощницей Голоса, не более того. Их личные отношения его никак не касались.

На этом посту Якова Голоса заменил его старый товарищ по нелегальной работе Бернард, или просто Берни, Шустер. (Партийный псевдоним «Честер», оперативные псевдонимы по линии НКВД/ НКГБ — «Эхо», «Дик», «Юг».) Примечательно, что в известном отношении Берни был коллегой Голоса. Он несколько лет возглавлял Контрольную комиссию партийной организации штата Нью-Йорк.

На протяжении ряда лет Шустер помогал Голосу подбирать потенциальных агентов и занимался их проверкой. В частности, именно «Эхо» проверял перед привлечением к сотрудничеству одного из главных информаторов в ходе операции «ЭНОРМОЗ» Теодора Халла («Млад») и его ближайшего друга Сэвилла Сакса («Стар»).

За последующие два года у Бентли сменилось три куратора и несколько связных. Одним из таких, правда очень недолгих, кураторов был некто, представившийся как «Джек». Он нисколько не походил на русского, да и говорил с заметным бруклинским акцентом[117]. Настоящее имя этого человека — Джозеф Катц (псевдонимы «Информатор», «Дуглас», с осени 1944 года — «Х»). Это был достаточно опытный агент-вербовщик и связник. Действовал под прикрытием владельца двух небольших фирм. «Джек» был также специалистом по фотографированию материалов, которые агенты, их доставившие, должны были утром возвращать на место. По счастью, Бентли никогда больше не пришлось встретиться с этим человеком…

Случалось, что Бентли передавала материалы русской женщине, которую она знала как с Шуру» — то была жена оперативного работника, а затем заместителя резидента Владимира Правдина («Сергея»). Официально — заведующего отделением ТАСС в Нью-Йорке.

Непродолжительное время работу Бентли курировал «Билл» — Исхак Ахмеров. К сожалению, потому что, если бы Ахмеров

поработал с «Умницей» года полтора, скорее всего, не произошло бы того, что, увы, произошло осенью 1945-го… Иногда по поручению «Билла» материалы забирала явно коренная американка по имени «Кэтрин». Элизабет не подозревала, что это — Хелен, жена «Билла» и племянница хорошо ей лично знакомого Эрла Браудера.

Об Ахмерове стоит сказать несколько добрых слов особо. Он был не просто разведчиком, но нелегалом, прирожденным нелегалом. И по сей день ветераны Ясенево считают, что, возможно, Ахмеров был лучшим разведчиком-нелегалом второго за «Великими Нелегалами» поколения. В чужой стране, под чужим небом, в чужой шкуре Ахмеров чувствовал себя как рыба в воде. Когда же ему приходилось время от времени работать в центральном аппарате, одним словом в «конторе», он начинал скучать и ничем особенно не выделялся среди сослуживцев.

Однако стоило ему пересечь государственную границу с очередным паспортом на чужое имя гражданина другой страны, он преображался. Воистину эта бесконечная игра «в поле», порой смертельно опасная, требующая повседневной и повсечасной мобилизации всех физических и духовных сил, была его стихией.

В нелегале концентрируются в наибольшей степени все общие и специфические черты, свойственные профессии разведчика. Работа нелегала «в поле» существенно отличается от деятельности сотрудника «легальной» резидентуры. Последний, как гражданин своего государства, снабжен его подлинными документами (даже если таковые выписаны на другую фамилию) и работает под прикрытием его официальных учреждений: дипломатических, консульских, внешнеторговых, культурных, представительств морских и авиационных компаний, средств массовой информации, иногда международных организаций вроде ООН, ЮНЕСКО, МОК, ВОЗ и др.

Нелегал пребывает в чужой стране с паспортом бог знает какого государства, но только не своего собственного, с официальным представительством своей страны никак не связан. Перед местными властями он фактически беззащитен. В стране с жестким политическим режимом его могут тайно арестовать, подвергнуть допросу так называемой третьей степени, а то и ликвидировать физически без комедии суда.

Даже зная о его аресте, посольство родной страны официально ничем ему помочь не может, разве что через подставных лиц нанять хорошего адвоката. В случае осуждения за шпионаж нелегалу остается только уповать на то, что свои сумеют организовать ему побег (а это всегда весьма проблематично), либо надеяться, что его через несколько лет

тихо обменяют на захваченного с поличным разведчика того государства, чьим строго охраняемым гостем он пока является. Но такая практика обмена разведчиками стала почти обычной лишь после Второй мировой войны[118]. Яркие тому примеры — обмен советского разведчика полковника Вильяма Фишера (больше известного как Рудольф Абель) на американского пилота-шпиона Гэри Фрэнсиса Пауэрса и Конона Молодого, также полковника («Лонсдейла», «Бена»), на агента английской разведки Гревилла Винна.

В рамках полученного им задания или инструкции нелегал всегда действует самостоятельно, полагаясь только на самого себя. Ему не с кем посоветоваться, не у кого испросить разрешения на тот или иной шаг, не к кому обратиться за помощью (во всяком случае, сделать это быстро, вовремя). «Легальный» разведчик работает под постоянным контролем резидента, докладывает ему о каждом своем шаге, согласовывает с ним (а порой и с Центром) каждый поступок. Любое оперативное мероприятие ему обеспечивают соответствующим прикрытием коллеги. Оперативный сотрудник резидентуры всегда зажат рамками железной дисциплины, как солдат-новобранец — уставами и всевидящим оком сержанта-сверхсрочника.

Потому характеру нелегала свойственна вырабатываемая годами работы «в поле» независимость в мышлении и действиях. Эти люди знают себе цену, они обладают обостренным чувством собственного достоинства и способностью отстаивать свое мнение перед начальством. Потому последнее таких работников хотя и ценит, но в глубине души порой недолюбливает, иногда и завидует. Про себя…

Именно таким человеком и был Исхак Ахмеров. Чего стоила — нынешнему молодому читателю, боюсь, этого не понять — его женитьба вопреки прямому неодобрению начальства и советам друзей на иностранке, будь таковая хоть трижды коммунисткой.

Осенью 1944 года Бентли была представлена своему очередному и, как оказалось, последнему куратору. Это был среднего роста мужчина лет под сорок, начинающий полнеть, круглолицый, с уже обозначившимся вторым подбородком. Бентли сразу обратила внимание на его явно сшитый на заказ костюм, на купленные в дорогих магазинах рубашку, галстук, шляпу. С горечью вспомнила потертые костюмы Якова, его неоднократно чиненные ботинки… Ей не понравилось, что новый русский пригласил ее в хороший ресторан и, выбирая самые изысканные блюда, не обращал внимания на цену. Она снова вспомнила Якова, его слова, что революционеру не пристало

шиковать, тем более на государственные или партийные деньги. Назвался новый куратор «Элом», предупредил, если ее будут расспрашивать о нем, надо говорить, что он чешский бизнесмен, работающий в Вашингтоне. Познакомились случайно. На самом деле новый резидент внешней разведки, сменивший Василия Зарубина, действовал под прикрытием первого секретаря, а затем советника посольства СССР как Анатолий Громов. Настоящее имя — Анатолий Вениаминович Горский. Ранее он работал в Англии и на протяжении нескольких лет был главным оператором знаменитой «Кембриджской пятерки» Кима Филби и еще нескольких ценных агентов. Оперативный псевдоним Горского — «Вадим».

Контакт с Бентли Громов начал с того, что присвоил ей новый псевдоним. Теперь она числилась в агентурной сети как «Мирна».

Громов был самолюбивый, даже амбициозный и достаточно опытный оперативный работник. Но… То самое многозначительное «но», после чего перечисляются недостатки, порой на нет сводящие ранее обозначенные достоинства. Видимо, не случайно родилось на свет утверждение, что недостатки человека есть продолжение его достоинств.

Разведчик, непосредственно работающий с агентом, изначально должен быть хорошим психологом, человеком тактичным, чутко слушающим и слышащим собеседника, улавливающим тончайшие нюансы его настроения и, разумеется, непременно оные учитывающим. При работе с агентом-женщиной все вышесказанное следует по меньшей мере удвоить, а то и возвести в степень.

Увы, приходится констатировать, что, видимо, Громов-Горский вести себя в должной мере с агентами женского пола либо не умел по природному складу характера, либо не считал нужным учиться галантному обращению принципиально.

Ни делового, ни тем более человеческого контакта с Бентли у Горского не получилось. Автор ни в малейшей степени не собирается оправдывать последующие поступки Бентли. Однако, по его мнению и убеждению, окажись на месте Горского более человечный разведчик, многих бед можно было бы избежать. Хотя это уже из сферы сослагательного наклонения, которое, как известно, к истории неприменимо. Но все же…

У автора имеется предположение, способное, по его мнению, объяснить ту линию поведения, которую Горский избрал по отношению к Бентли. Он пришел в органы государственной безопасности в 1928 году в возрасте двадцати одного года. Работал большей частью в Экономическом управлении. В

Иностранный отдел НКВД был переведен в 1936 году в возрасте двадцати девяти лет и сразу попал на самый жестокий период Большого террора. Многие ветераны, вспоминая ту пору, только пожимают плечами и произносят сакраментальную фразу: «Такое уж было время…» Словно это самое время занесло на одну шестую земной суши откуда-то с Марса. Горский был свидетелем того, как один за другим исчезали бесследно его сослуживцы и товарищи… Впрочем, не так уж и бесследно. Все на Лубянке знали, чем занимается по ночам комендант НКВД Василий Блохин и его подручные…

Чтобы уцелеть в этой кровавой мясорубке, надо было либо попасть в немногочисленную группу ветеранов-счастливчиков, которым просто повезло, вроде Василия Зарубина и Наума Эйтингона, либо выработать в характере если не жестокость, то жесткость, способную принять, а то и оправдать («Лес рубят, щепки летят») любое бесчеловечное по всем меркам решение руководства и приучиться так действовать и самому.

Центр поставил перед Горским старую задачу, которую уже отчасти решили Зарубин и Ахмеров: передать напрямую резидентуре всю агентурную сеть Голоса. И дело было не только в том, что, по мнению Москвы, «Звук» недостаточно строго соблюдал профессиональные требования конспирации. Это вопрос спорный. В конце концов, у него до самой смерти не случилось ни одного провала, чего нельзя сказать о кадровых оперативных сотрудниках.

Но Центр никак не мог мириться с тем, что не знает многих лиц, от которых «Звук» черпал информацию. В Москве или не могли, или не хотели понять, что многие источники Голоса передавали ему различные сведения (в том числе и секретные, и документальные) как коммунисты или сочувствующие коммунисту, входящему в руководство партии. Иными словами, как американцы американцу, к которому испытывали личное доверие. Но ни как иностранному агенту. Даже если этот агент представляет государство, являющееся союзником США по антигитлеровской коалиции. Иногда эти источники догадывались, что Голос работает на советскую разведку, но шли на сотрудничество с ним ради достижения общей цели — победы над общим врагом: гитлеровской Германией[119].

Были и такие, кто все прекрасно знал и понимал, но просто, по каким-то личным соображениям, ставил Голосу непременное условие — не раскрывать русским их имена.

Понять Центр, его заинтересованность в полном контроле над вашингтонскими и иными группами, разумеется, можно. Тем более теперь. Лубянка не хотела и не могла оставить эту

ценнейшую сеть в руках «Умницы», о которой никто в резидентуре, по существу, ничего путного не знал.

Разговоры Зарубина с Голосом проходили, если так выразиться, на высоком дипломатическом уровне. «Максим» знал и понимал, с каким зубром имеет дело, знал и то, на основании нескольких конспиративных встреч с Браудером, каким влиянием пользуется Голос у генерального секретаря Компартии США.

Как полагает автор, Горский в силу своей самоуверенности и амбициозности решил, что с «Мирной» можно особо не церемониться. И стал на нее откровенно давить. А этого делать нельзя было ни в коем случае, к ней нужен был подход особый, с учетом особенностей ее менталитета, характера, да и просто сложившейся ситуации в этот период ее жизни.

Горский прямолинейно давил на нее, убеждал, что она никак не в состоянии справиться со свалившейся на нее после смерти Голоса нагрузкой, что она наверняка уже находится под наблюдением ФБР, тем самым ставит под удар множество людей и т. д.

Горский даже настоял, чтобы Бентли съехала с квартиры на Бар-роу-стрит и перебралась в отель Святого Георга на Бруклинских Высотах, в котором сняла малоуютный номер 759. Горский не понимал, что значила для этой женщины ее старая квартира, где она была счастлива с любимым мужчиной, в которой он скончался на ее руках.

Далее он потребовал, чтобы Бентли уволилась из «Шиппинг Корпорейшн», под предлогом, что тамошние сотрудники догадываются о ее двойной жизни, стал предлагать ей деньги. Этого тоже не следовало делать. Бентли, как и Голос, никогда не работала на советскую разведку из материальной заинтересованности, и служба в «Шиппинг Корпорейшн» была единственным средством ее существования. Приняв деньги от «Эла», Бентли, по ее представлениям, вместо идейного борца становилась всего-навсего платным агентом иностранной разведки.

В конце ноября 1944 года Горский в очередной раз приехал в Нью-Йорк и встретился с Бентли перед Театром Эдисона на углу Бродвея и 103-й Западной улицы. Они пошли в сторону Риверсайд-драйв, и в ходе разговора Горский поздравил «Мирну», сообщив, что Указом Президиума Верховного Совета СССР она награждена орденом Красной Звезды[120]. Бентли удивленно спросила, что это, собственно, означает для нее. Горский объяснил, что сам орден она, конечно, получит только в случае приезда в Москву. Там она сможет его носить и, как орденоносец, сможет бесплатно ездить по городу на трамвае[121].

На «Мирну», однако, это не произвело ровным счетом никакого впечатления. В США имелось всего несколько гражданских орденов, и награждение ими частных лиц производилось крайне редко. Большинство американцев о наличии таких наград даже не подозревало.

Если бы эти трудные переговоры с Бентли были поручены «Вар-до» — Елизавете Зарубиной! Она бы поняла, что творилось в душе «Мирны»… Общеизвестно: жены или многолетние любовницы зачастую утрачивают дистанцию между собой и своим мужчиной, воспринимают его дела и работу как свои собственные в буквальном смысле слова, особенно если они не только сожители, но и партнеры, пускай и «младшие», в каком-либо занятии. Так произошло и с Бентли. После смерти Голоса она решила, что не только способна, но и обязана заменить его во всем и полностью, не сознавая, что в действительности она не обладает всем комплексом необходимых для этого качеств. И не только умом и профессиональной хваткой, но прежде всего моральной стойкостью, силой духа и личного авторитета людей того круга, к которому он принадлежал.

К тому же спустя несколько месяцев, а может и недель, после ухода Голоса из жизни, под давлением огромного психологического груза, а также из-за ярко обнаружившейся личной неустроенности Бентли не устояла перед рецидивом своего былого пагубного пристрастия. Она снова стала пить, снова заводить случайные интимные связи.

Это не осталось незамеченным: в своих шифровках в Москву «Вадим» не раз и не два высказывал тревогу относительно странностей в поведении «Мирные, даже опасения ее возможного предательства…

…Летом 1945 года в жизни Бентли произошло некое, в общем-то вполне обыденное и предсказуемое, событие. В баре отеля «Святой Георге на Бруклинских Высотах, куда она переселилась по требованию Горского, она познакомилась с мужчиной средних лет и в тот же вечер под влиянием тоски и выпитого виски вступила с ним в интимную связь.

Его звали Питер Хеллер. У него были вьющиеся рыжеватые волосы, и чем-то он напоминал Якова, потому, видимо, связь между ними продолжилась, и Элизабет даже стала воспринимать его как потенциального мужа. О себе Питер не слишком распространялся и скрыл от Бентли, как выяснилось позднее, что был женат и имел детей. Из разговоров с ним у Бентли сложилось впечатление, что Хеллер — юрист и связан с какого-то рода расследованиями. Потом случайно узнала, что он — офицер-резервист. Однажды Хеллер исчез на две недели, потом как-то

туманно объяснил, что проводил какое-то важное расследование по поручению правительства… В воспаленном мозгу Бентли сразу возникло подозрение, что Хеллер — приставленный к ней агент ФБР или какой-нибудь иной спецслужбы, вспомнились слова Горского, что ее «Шиппинг Корпорейшн» уже находится под пристальным наблюдением властей… Потом пришла другая странная мысль: а может быть, Хеллер приставлен к ней не ФБР, а Лубянкой? Бентли запаниковала. По-настоящему. Она не знала, что ей делать. То ли расставаться с Хеллером под каким-нибудь предлогом, то ли… в том-то и дело, что расставаться с ним в глубине души ей не хотелось, но и продолжать связь было страшно…

Как это часто случается с женщинами, попавшими действительно или только в воображении в чрезвычайную, опасную ситуацию, она приняла самое странное, на первый взгляд, решение, какое только могло прийти в голову.

…Стояла прекрасная осень 1945 года. В Америке входили в моду бра без бретелек. В домах появились первые телевизоры фирмы «Дюпон» (вскоре их стали выпускать по четверть миллиона в месяц). В молодых семьях приобрели невероятную популярность первые книги сразу ставшего знаменитостью «детского доктора» Бенджамена Спока. Несколько позднее на страницах таблоидов взахлеб обсуждались помолвки джазового дирижера Арти Шоу с кинозвездой Авой Гарднер, еще одной звезды, Джуди Гарланд, с режиссером Винценте Минелли, а также Глории Вандербильд (из той самой семьи мультимиллионеров) двадцати одного года от роду с сорокасемилетним всемирно знаменитым дирижером Леопольдом Стоковским. Число супермаркетов достигло 20 тысяч, в Калифорнии появились первые восьмирядные хайвеи. В армии шла подготовка к демобилизации первого миллиона солдат, из флота — четверти миллиона моряков.

В один из последних жарких августовских дней Элизабет Бентли, она же «Умница», она же «Мирна», решилась на безумный шаг — пойти в ФБР. В сущности, сама не зная зачем… Во всяком случае, «сдавать» она в тот день никого не хотела. И не сделала этого…

Глава 13

Она не хотела обращаться в нью-йоркское отделение ФБР на Фоли-сквер, потому как была уверена, что агенты НКГБ будут следить за ней. По этой же причине отпадала штаб-квартира ФБР в Вашингтоне. Она должна была перехитрить вездесущих боевиков Лубянки. Наконец осенила спасительная мысль: надо отправиться в хорошо знакомый ей Нью-Хевен, штат Коннектикут. Она помнила, что тамошнее отделение ФБР располагается в цокольном этаже обычного административного здания в деловом районе города.

Когда утром 23 августа 1945 года Бентли проснулась в своем номере в Бруклине, погода резко изменилась. С моря набежали густые облака, заметно похолодало.

Сложными путями, пытаясь сбить со следа существующих только в ее воспаленном воображении советских агентов, она добралась до сабвея, доехала до Манхэттена. Здесь точно так же она несколько раз меняла маршрут, заходила в большие магазины и выходила в другие двери. Только тогда, когда Бентли убедилась, что никто ее не преследует, она нырнула в громадье вокзала Гранд-Сентрал и села в поезд, следующий до Нью-Хевен. Но и здесь она изрядно попетляла по улицам, пока не добралась до нужного ей здания.

Сбиваясь и путаясь, она рассказала специальному агенту Эдварду Коади историю, которая показалась ему плодом больного воображения, столь характерного для экзальтированных от природы женщин, вступивших в определенный возраст, который из вежливости принято называть «критическим». Бентли рассказала, что у нее связь с неким Питером Хеллером, который, как ей кажется, является каким-то государственным расследователем. Этот Хеллер сказал ей, чтобы она была бдительной на своей работе в иШиппинг Корпорейшн», которая имеет деловые отношения с Советским Союзом. Он также сказал, что она может через него сообщать какую-либо информацию правительству. Ее интересует, действительно ли Хеллер имеет такие полномочия.

Специальный агент Коади быстро разобрался с существом дела. Несколько телефонных звонков — и он установил, что некий Питер Хеллер действительно является своеобразным «расследователем» и работает в Управлении по досрочному освобождению заключенных, отбывших часть отмеренного им наказания и отличающихся, по мнению начальства тюрем, хорошим поведением. Никакого отношения ни к ФБР, ни к УСС

Хеллер никогда не имел и не имеет. Известен как большой любитель внебрачных связей с женщинами, находящимися в неустойчивом психическом состоянии. Так что мисс Бентли может не беспокоиться. Этот человек ничем ей реально угрожать не может.

Однако специальный агент Коади был не так прост и дружелюбен, как это могло показаться Бентли. Он не мог не задуматься вот над чем: почему жительница Нью-Йорка совершила путешествие в 75 миль, чтобы разобраться с пустячным делом, которое за несколько минут можно было прояснить на месте? К тому же у него сложилось впечатление, что эта странная женщина хотела уловить, означает ли ее имя — Элизабет Бентли — что-нибудь для него, настоящего специального агента ФБР?

Что-то тут нечисто, что-то по-настоящему беспокоит эту Бентли и это что-то связано с ее работой в «Шиппинг Корпорейшн». Сама, возможно, того не подозревая, Бентли с этого дня действительно стала пока что ненавязчивым объектом внимания ФБР.

В Нью-Йорк Бентли вернулась несколько успокоенная. Она продолжала встречаться с Громовым и принимать в своем номере Хеллера.

…Меж тем в трехстах с небольшим милях к северо-западу от Нью-Йорка случилось некое событие, оказавшееся, как показало ближайшее будущее, в одном ряду с последующими поступками и поведением Бентли.

…Посольство СССР в Оттаве, столице Канады, располагалось в трехэтажном особняке на Шарлотт-стрит. На втором этаже здания за большим вельветовым занавесом скрывалась массивная стальная дверь со сложной системой кодовых замков. За ней имелась еще одна — даже более массивная. От нее начинался небольшой коридор с несколькими дверями, также стальными, уже меньших размеров. За одной из них находилась святая святых любой резидентуры советской военной разведки — помещение шифровальщиков. С 1943 года шифровальщиком ГРУ работал двадцатишестилетний лейтенант Игорь Гузенко («Кларк»).

Как этот человек оказался на столь ответственной должности, а главное, продержался на ней два года — остается загадкой. Поскольку ни для кого в посольстве не являлись секретом его недостатки, абсолютно несовместимые с доверенной ему работой: склонность к алкоголю и корыстолюбие. Тем не менее он настолько очаровал резидента ГРУ в Оттаве полковника Николая Заботина, что тот, в нарушение строжайшего запрета, разрешил Гузенко жить с семьей на частной квартире. Меж тем существовал

и существует жесткий и вполне разумный порядок: шифровальщики всегда проживают только на территории посольства, для чего в зданиях дипломатических представительств предусмотрены соответствующие квартиры. В город шифровальщикам разрешается выходить только в сопровождении по меньшей мере двух сотрудников, непременно обладающих дипломатическим иммунитетом.

5 сентября 1945 года Игорь Гузенко изменил Родине, бежал с семьей из своей городской квартиры на Сомерсет-стрит, 511, и передал канадским властям множество секретных документов, копии с которых он сумел сделать, пользуясь преступной беспечностью резидента и его заместителя. К тому же Гузенко выложил секретную же информацию о принципах и методах советского шифровального дела, в те годы, несомненно, лучшего в мире.

История с бегством и предательством Гузенко общеизвестна, давно и подробно описана во множестве книг. Ограничимся лишь напоминанием, что Гузенко выдал канадским и американским спецслужбам не менее тридцати советских агентов, в том числе крупных ученых, имевших прямое отношение к атомным проектам.

Он назвал также имена трех выдающихся нелегалов Разведупра в США: Артура Адамса («Ахилла»), Яна Черняка («Джека») и Залмана Литвина («Мулата»). По счастью, благодаря нашей агентуре в спецслужбах США и Великобритании всех троих удалось своевременно переправить в Советский Союз.

К своему побегу Гузенко готовился давно, еще в Москве, когда обучался в шифровальном центре Разведупра. Понимая, что с голыми руками являться к будущим хозяевам бессмысленно, заранее готовил дары, то бишь ценную информацию. Копил ее в собственной памяти, не доверяя, разумеется, бумаге. А памятью он, как все профессиональные шифровальщики, обладал отменной.

Помимо имен тех агентов, о которых он знал доподлинно, Гузенко сообщил на допросах, что, по его убеждению, подкрепленному некоторыми известными ему фактами, в правительственных ведомствах США имеются высокопоставленные агенты влияния и информаторы Кремля. Естественно, премьер-министр Канады Маккензи Кинг не замедлил поставить об этом в известность своего могущественного южного соседа.

30 сентября, когда президент США Гарри Трумэн совершал свою привычную оздоровительную прогулку в Лафайет-парк в Вашингтоне (ровно 120 шагов в минуту), в Государственный

департамент на Вирджиния-авеню был доставлен пакет от посла Канады в США Лестера Б. Пирсона. В пакете содержалось обобщенное изложение показаний Гузенко.

Пакет в Госдепе по своему положению вскрыл новый директор Отдела специальных политических мероприятий. Этот высокопоставленный чиновник и ранее успешно работал в ряде весьма серьезных учреждений, а в 1936 году перешел в Госдепартамент, где быстро снискал признание руководства. Он принимал участие в Ялтинской конференции глав «Большой тройки» весной 1945 года, затем сопровождал в качестве специального помощника государственного секретаря Эдварда Стеттиниуса в его полете в Москву, входил в руководство Конференции в Сан-Франциско и был главным советником делегаций США на Генеральной Ассамблее ООН. Иначе говоря, был допущен к самым важным государственным секретам Соединенных Штатов.

Прочитав всего несколько строк меморандума, доставленного из канадского посольства, директор вдруг почувствовал, будто пол поплыл у него из-под ног… Перечитал поразивший его пассаж снова и снова… В нем Гузенко утверждал, что Москва посадила своего человека в кресло помощника государственного секретаря США. Хотя и не назвал этого человека, но был к нему очень близок. У государственного секретаря было тогда четыре помощника и четыре специальных помощника. Итого — восемь человек.

Директор Отдела специальных политических мероприятий не входил в этот узкий круг. Звали его Элджер Хисс («Адвокату «Алее»). Он когда-то входил в группу Уиттекера Чемберса и в Москве проходил под псевдонимом «Леопард»!

Скрыть документ, поступивший от канадского посла, разумеется, было невозможно. Единственное, что мог сделать Хисс, на всякий случай уничтожить все в служебном кабинете и в доме, что могло бы скомпрометировать его при весьма возможном в ближайшем будущем обыске.

Элджеру Хиссу действительно не повезло! Заговорил и сам Уиттекер Чемберс, крупный, но рыхлого телосложения с округлым и тоже каким-то рыхлым лицом мужчина… Он назвал тридцать семь «агентов Кремля», в том числе и Элджера Хисса!

Тут следует отметить, что Бентли и Чемберс не были знакомы и, скорее всего, даже не подозревали о существовании друг друга!

Но кто такой этот Уиттекер Чемберс, откуда он взял эту цифру — тридцать семь тайных информаторов Кремля? К сожалению, не с потолка… Правда, некоторые лица из списка Чемберса никакого отношения к советской разведке не имели,

хотя источниками информации порой и служили — для других, настоящих агентов Москвы.

Уиттекер Чемберс вступил в Компартию США в возрасте двадцати четырех лет. Вступил не столько из осознанных политических убеждений, сколько — по мнению автора — из-за обиды на капитализм вообще, на американское буржуазное общество в частности. Чемберс был неудачником, а неудачники очень часто примыкают к самым радикальным слоям общества. Своеобразной последней каплей, переполнившей чашу терпения молодого человека, стало его повторное исключение из Колумбийского университета. Первый раз его отчислили за сочинение пьесы, которую сочли антихристианской, второй раз — за кражу книг из университетской библиотеки.

В 1931 году Чемберс женился на коммунистке Эстер Шемиц, которая имела отношение к работе подпольного аппарата партии.

При ее посредничестве Чемберс очень скоро стал агентом советской военной разведки и даже прошел в Москве соответствующую подготовку.

Агентурная сеть, одним из звеньев которой и стал Чемберс, состояла из служащих различных государственных учреждений Вашингтона. Тогда-то Чемберс и познакомился со многими из них, в том числе и с Хиссом, у которого даже бывал дома.

В ходе известных событий 1937 года агентурная сеть Разведупра понесла серьезные потери и в конце концов была передана под кураторство резиденту НКВД Гайку Овакимяну. Связующим звеном между резидентом и вашингтонскими группами и стал Яков Голос. Но Чемберса в этой сети уже не было. Якобы разочаровавшись в марксизме, а на самом деле просто перепугавшись, Чемберс решил из игры выбыть и залечь на дно. Что и сделал. Работал он в эти и последующие годы в известном и влиятельном еженедельнике <Тайм».

Осенью 1939 года Чемберс, возмущенный, по его словам, Пактом о ненападении, заключенным СССР с Германией (Мюнхенское предательство Чехословакии, фактически утвердившее Гитлера в намерении в ближайшее время к еще более масштабным военным действиям, почему-то его не взволновало), явился к помощнику госсекретаря и советнику президента Рузвельта по вопросам внутренней безопасности Адольфу Берле и назвал ему имена ряда советских агентов. В том числе… Элджера Хисса! По неизвестной причине Берле не передал эту информацию сразу шефу ФБР Гуверу, но передал соответствующую справку Рузвельту. Того, однако, эта справка почему-то никак не заинтересовала, и Берле, что называется, положил ее под сукно.

И вот спустя шестнадцать лет Чемберс вновь заговорил… Главной его мишенью был Хисс. Для суда пока что не было никаких оснований, сколь-либо юридически убедительных, но Хиссу все же пришлось покинуть Госдепартамент — он возглавил в качестве президента Фонд Карнеги за международный мир[122]. И тогда в Хисса бульдожьей хваткой вцепился Комитет палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, созданный еще в 1938 году. На протяжении шести лет Комитет возглавлял конгрессмен-республиканец из Техаса Мартин Дайс-младший. В 1944 году он проиграл выборы, однако, тем не менее, этот орган называли «Комитетом Дайса». Конгрессмен люто ненавидел президента Рузвельта и его «Новый курс» и, соответственно, всех его сторонников и сотрудников. Этой линии придерживался и весь Комитет в целом. В 1944 году «Комитет Дайса» составил список «прокоммунистических» организаций в США. Таковых конгрессмены насчитали аж 160[123]!

Хисс действительно был своим человеком — доверительной связью Сильвермастера под псведонимом «Юрист». Однако Эдгар Гувер почему-то решил, что именно Хисс является тем человеком в окружении госсекретаря, о котором говорил Гузенко. Позднее, через «Венону», стал известен и псевдоним этого человека — «Алее», но это был не Хисс!

Однако Элджер Хисс оказался крепким орешком и устоял перед валом комитетских обвинений.

Примечательно, что особенно агрессивно и злобно допрашивал Хисса тридцатипятилетний конгрессмен-республиканец Ричард Никсон. Впоследствии Никсон стал тридцать седьмым президентом США и… первым, вынужденным подать в отставку перед угрозой неизбежного импичмента в результате Уотергейтского скандала. Именно в ходе допросов Хисса Никсон приобрел впервые общенациональную известность.

Наконец дело было передано в суд. Главным свидетелем обвинения был Чемберс. В ходе процесса выяснилось, что в свое время Хисс сделал много доброго Чемберсу и его жене. Потому даже негативно настроенную по отношению к обвиняемому публику шокировало то, с каким остервенением Чемберс пытался потопить своего бывшего друга.

Факт шпионажа Хисса так и не был доказан. Подвела его, однако, излишняя самоуверенность и допущенная из-за этого оплошность. На пустяковый очередной вопрос ему следовало отказаться от ответа, сославшись на пресловутую Пятую поправку[124] к Конституции, а он дал неправдивый ответ. Был тут же изобличен и осужден на четыре года лишения свободы за

лжесвидетельство.

Откровения двух предателей привели к трагическому концу еще нескольких человек. В том числе — Гарри Декстера Уайта (в советских документах — «Юрист», «Ричард»).

Серьезный автор Владимир Позняков утверждает, что Уайт «в годы Второй мировой войны являлся наиболее ценным источником экономической, политической и отчасти военной информации, которым ПУ НКГБ располагало в США, и, по мнению ряда исследователей, агентом влияния»[125], и далее сообщает, что соответствует истине, что его, то есть Уайта, связь с резидентом И. Ахмеровым поддерживалась в годы войны через группы Н. Сильвермастера и Я. Голоса — Э. Бентли.

Казалось бы, все ясно. В действительности же все обстояло не так просто, ясно и очевидно.

В практике разведки отношения между кадровым сотрудником и источником информации бывают порой весьма далеки от привычной по кинофильмам и книгам вербовки, с отбором подписки о сотрудничестве, выбором псевдонима для подписания сообщений, оговариванием мест и условий встреч и т. п.

В данном случае следует особо коснуться личности Гарри Декстера Уайта, ответственного и весьма перспективного сотрудника министерства финансов США. Не боясь повториться, напомню читателю, что все происходящее в любом государстве непременно отражается в финансовых документах. В том числе — содержание вооруженных сил и состояние военной промышленности. Не случайно военные статьи в бюджетах всех стран частично засекречиваются.

Именно поэтому деятели, ведающие финансами государства или даже крупными частными банками, всегда обладают громадным весом в определении как внутренней, так и внешней политики правительства. С этой точки зрения контакты с Уайтом представляли для советской внешней разведки огромный интерес.

Включение же Уайта в группу Сильвермастера было чисто номинальным. Просто он был знаком с этими людьми своего круга, с некоторыми был в дружеских отношениях, но не более того. О том, что Сильвермастер является групповодом русской разведки, Уайт, разумеется, и не подозревал. Присвоение же ему оперативного псевдонима — без его, конечно же, ведома — было нормальной практикой разведки: для конспирации. Уайт делился какой-то информацией, в том числе и конфиденциальной, своими мыслями и предположениями с тем же Сильвермастером или другими участниками группы как со своими коллегами и

друзьями. А уже от них эта информация попадала к советской разведке. Однако это не дает никаких оснований полагать, что Уайт являлся ее сознательным источником, тем более агентом.

Еще до войны советской разведке стало известно, что Уайт очень интересуется проблемами Дальнего Востока — прежде всего политикой Японии, событиями в Китае. Японская проблема тогда была головной болью и советского руководства. Боевые действия 1938 года на озере Хасан и 1939 года на реке Халхин-Гол не оставляли сомнений в агрессивных намерениях Японии по отношению к Советскому Союзу и Монгольской Народной Республике. Опасность усугублялась тем обстоятельством, что еще в 1936 году Япония и Германия заключили между собой так называемый Антико-минтерновский пакт.

В середине 1939 года «общие друзья» под предлогом семейной вечеринки устроили в Вашингтоне знакомство Исхака Ахмерова с Гарри Уайтом. Ахмерова представили американцу как видного синолога — специалиста по Китаю, много лет прожившего в этой стране и потому хорошо понимавшего, какую опасность Япония представляет для всех стран Тихоокеанского региона. Разумеется, Ахмеров не стал напоминать собеседнику, что США также принадлежат к этому региону. Уайт в таком напоминании и не нуждался. Собеседники расстались, вполне довольные друг другом.

Во второй половине 1941 года, когда Вторая мировая война в Европе уже полыхала, в ознакомительную поездку в США направился заместитель начальника американского отделения внешней разведки Виталий Павлов (оперативный псевдоним «Клим»). В Москве было решено, что ему есть смысл встретиться с Уайтом по рекомендации их общего знакомого Билла, то есть Ахмерова, и по его просьбе. Стоило лишь Павлову по прибытии в Вашингтон позвонить Уайту по телефону и сослаться на известного собеседнику «синолога», как тот любезно согласился принять незнакомого ему иностранца. Встречу назначил в одном из небольших ресторанов. Павлов представился Уайту как один из учеников Билла и начинающий специалист по Китаю.

В ходе встречи Павлов изложил Уайту «соображения Билла» (на самом деле плод коллективного творчества московских специалистов), то есть меры, которые могли бы принять Соединенные Штаты для обуздания агрессивных планов Японии. Предложения произвели на Уайта большое впечатление, и он действительно довел эти соображения, которые полностью совпали с его собственными, до государственного секретаря Корделла Хэлла, а через него и до президента Франклина Делано Рузвельта.

Несомненно, Гарри Декстер Уайт был весьма умным и далеко не наивным человеком. Он, безусловно, понял, что его собеседник — иностранец. Павлов сам признавал, что владел тогда английским языком далеко не свободно. Но как человек действительно государственного масштаба, Уайт не мог не признать объективную важность высказанных ему соображений.

Что же касается агрессивных устремлений Японии, подтверждения тому оставалось ждать совсем недолго. Оно и произошло спустя несколько недель — 7 декабря того же 1941 года.

К сожалению, предотвратить агрессию уже было невозможно. Однако это ни в малейшей степени не умаляет попыток Уайта довести до сведения руководства его страны соображения, которые теоретически, будь они проведены в жизнь раньше, могли предотвратить трагедию Перл-Харбора, оккупацию японцами Индокитая, захват бесчисленных больших и малых островов Тихоокеанского региона…

Следует помнить, что беседы Уайта с Ахмеровым и Павловым были двусторонними, иначе говоря, он также черпал в них информацию, которая могла бы объективно принести значительную пользу и США.

Вот почему уже в наши дни генерал-лейтенант В. Г. Павлов имел все основания в одной из своих книг писать:

«…Я, наверное, единственный оставшийся в живых участник операции “Снег”, могу засвидетельствовать: Гарри Декстер Уайт никогда не состоял с нами в агентурных отношениях»[126].

ФБР впоследствии тщательно изучило деятельность Уайта, в 1945 году назначенного директором Международного валютного фонда, но уже в 1947 году вышедшего в отставку по состоянию здоровья, и не нашло в ней ничего преступного. Однако «Комитет Дай-са» подверг его настоящей травле. 16 августа 1948 года, через три дня после очередного и особенно грубого допроса, Гарри Декстер Уайт скончался от острого сердечного приступа. Было ему всего пятьдесят шесть лет.

Жестким допросам в ФБР подвергся и Лоренс Дагген («19», «Фрэнк», «Шервуд», «Князь»). Видимо, в приступе отчаяния под воздействием такого допроса 20 декабря 1948 года Лоренс Дагген выбросился из окна своего офиса на шестнадцатом этаже одного из небоскребов Манхэттена…

Очень неосторожно повел себя на суде Уильям Ремингтон. Он совершил ту же ошибку, что и Элджер Хисс. На одном из первых заседаний дал под присягой несколько неправдивых показаний. Был легко изобличен и осужден — не за шпионаж, но за лжесвидетельство (!), на три года тюремного заключения. Успел

отсидеть в федеральной тюрьме Льюисбург в Пенсильвании половину этого срока. 14 ноября 1954 года трое заключенных убили его, нанеся несколько страшных ударов по голове завернутым в полотенце кирпичом. Было Ремингтону всего-то тридцать семь лет…

…Приобретя репутацию «раскаявшегося грешника», Уиттекер Чемберс, однако, потерял свою престижную и высокооплачиваемую работу в журнале «Тайм» — вкупе с репутацией. Никто из коллег по журналистскому цеху, даже из числа откровенных антисоветчиков, не желал иметь с ним каких-либо дел. Жил он за счет гонораров за изобличительные выступления на различных общественных акциях, проводимых разного рода антикоммунистическими организациями и фондами.

Скончался Чемберс в июле 1961 года в возрасте шестидесяти лет. Посмертно президент Рональд Рейган наградил его высшим гражданским знаком отличия США — Медалью Свободы…

…Однако мы слишком забежали вперед. Вернемся же в осень 1945 года. История Гузенко, вычитанная Бентли в нью-йоркских газетах, произвела на нее чрезвычайное впечатление. А тут еще загадочный фортель выкинул хорошо ей известный Луис Буденц. Этот человек был членом ЦК Компартии США и одним из редакторов коммунистической газеты «Дейли Уоркер». Еще в 1936 году Голос привлек Буденца к сотрудничеству с ИНО под псевдонимом «Бубен». Что-то, видимо, произошло с его психикой, потому как неожиданно для всех знавших его товарищей Буденц открыто порвал с коммунизмом и в одночасье обратился в ревностного католика!

О фактическом предательстве Буденца резидентуру поставила в известность… сама Бентли! К тому же высказала предположение, что если тот связан с ФБР, то наверняка рассказал там о ней, Бентли, с которой был связан по разведывательной деятельности весь последний год. Это предостережение Бентли дает основание полагать, что на тот момент «Мирна» еще не была намерена последовать примеру «Бубна». Однако в последующем Громов пришел к выводу, возможно обоснованному, что предательство Буденца настолько потрясло и напугало Бентли, что из-за страха быть разоблаченной она поспешила опередить события, избежать нежелательного для нее оборота дела.

Решилась она на этот шаг не сразу, во всяком случае, попыталась «перепрыгнуть пропасть даже не в два, а три прыжка»[127].

16 октября 1945 года Бентли направила письмо в нью-

йоркское отделение ФБР, в котором повторила по сути все те свои сомнения относительно Питера Хеллера, которые она уже высказала в Нью-Хевене. Письмо попало в руки специального агента Френка Олдрича. Последний пригласил ее лично прийти на Фоли-сквер. Она снова попыталась высказать подозрение, что ее преследует ФБР. Опытный Олдрич немного нажал на нее, и тогда она, еще не готовая к «последнему прыжку», туманно намекнула, что связана с людьми, которые, по ее мнению, могут быть русскими шпионами. Призналась также, что поддерживает контакты с коммунистами.

Олдрич был достаточно умен и тактичен, чтобы в этот первый день их знакомства не давить больше на странную женщину. Довольствовавшись услышанным, он на прощанье записал номер ее телефона.

Едва за Бентли закрылась дверь, Олдрич позвонил своему коллеге, специальному агенту Эдварду Бакли, ведущему эксперту ФБР по советским делам. И рассказал ему о странной посетительнице. Бакли отреагировал немедленно. Делом стоит заняться.

7 ноября 1945 года специальный агент ФБР Эдвард Бакли принял Элизабет Бентли в своем офисе в здании ФБР в присутствии коллеги — агента Дона Джердана. В этот день Элизабет Бентли, бывшая «Умница», бывшая «Мирна», начала давать показания…

В документах ФБР она с этого дня и вплоть до открытого появления на публичных слушаниях стала числиться как «секретный агент Грегори».

Уже на следующий день директор ФБР Эдгар Гувер направил помощнику президента Гарри Трумэна докладную записку о советской разведывательной сети, в которой назвал первых идентифицированных по сообщению Бентли лиц: Гарри Декстера Уайта, Дункана Ли, Лоуклина Керри…

В течение ноября 1945 года Бентли была допрошена четырнадцать раз. Теперь только ею, отставив все другие дела, занимались два специальных агента ФБР Джозеф Келли и Томас Спенсер.

Надо отдать должное интуиции и опыту Громова-Горского: он догадался о предательстве Бентли. И даже отправил в Центр предложение — устранить «Мирну» физически. Подобрал и исполнителя — уже вышеназванного агента «Х», то есть Джозефа Катца, и заручился его согласием провести литерную акцию. На что получил категорический отказ от наркома государственной безопасности СССР Всеволода Меркулова: «Никаких мер по отношению к “Мирне” не предпринимать. Согласовано с

товарищем Берия».

20 ноября Громов приехал из Вашингтона в Нью-Йорк и в последний раз встретился с Бентли перед входом в кафетерий Бикфорда на углу Шестой авеню и 23-й улицы. Встреча проходила под контролем агентов ФБР. Однако «Эл» обнаружил слежку, прервал встречу и немедленно вернулся в Вашингтон. Келли и Спенсер даже не пытались его задержать. Они в этом не нуждались. Произошедшая на их глазах встреча Бентли с высокопоставленным советским дипломатом была для них лучшим подтверждением того, что ее рассказы-показания не являются плодом воспаленного воображения экзальтированной одинокой женщины.

В конце ноября Элизабет подписала составленный агентами ФБР окончательный суммированный текст ее показаний на 107 страницах. В нем были названы имена восьмидесяти семи только американских граждан, имевших какое-либо отношение к советской разведке.

Центр, судя по всему, располагал до сих пор не раскрытым источником информации о предательстве Бентли. 21 ноября Горский получил инструкцию из Москвы: немедленно прервать все связи с «Рублем», «Кротом», «Изрой», «Рейдом», «Сидом», «Пажем», «Адамом», «Х» и рядом других агентов. Принять все необходимые меры для обеспечения их безопасности. В Москву были срочно отозваны Анатолий Горский и Владимир Правдин с женами, несколько позднее — Исхак Ахмеров также с женой.

Несколько особо ценных агентов были успешно выведены за пределы Соединенных Штатов Америки. К сожалению, не все, кого еще можно и следовало бы спасти…

…Вот и ответ на вопрос, заданный автором на первых страницах книги: почему столько десятилетий в отечественной литературе и средствах массовой информации имя Якова Голоса фактически было под запретом. Не только из-за соображений секретности. Увы, предательство близкого человека невольно бросало тень вины и на нашего замечательного советского разведчика Якова Рейзена-Голоса…

Глава 14

Одним из «отцов» американской атомной бомбы был Клаус Фукс — чрезвычайно одаренный немецкий физик, коммунист по убеждениям. Ему удалось вовремя эмигрировать из гитлеровской Германии в Англию, где он сразу выдвинулся в число ведущих ученых, занимающихся атомными проблемами. В Англии же Фукс стал сотрудничать с советской военной разведкой.

В 1943 году президент США Рузвельт и премьер-министр Великобритании Черчилль решили объединить усилия двух стран по созданию атомного оружия. Группа английских ведущих специалистов, в том числе и Фукс, прибыла в США для участия в «Манхэттенском проекте». Здесь с Фуксом — ему присвоили псевдоним «Чарльз» — работала уже внешняя разведка НКВД/НКГБ. Связником между Фуксом и резидентурой, как уже было сказано, стал Гарри Голд. Фуксу он представился как «Раймонд».

После войны Клаус Фукс вернулся в Англию. Спустя некоторое время английская контрразведка МИ-3 все же установила, что Фукс является ценным агентом-инициативщиком советской разведки. Его арестовали.

Тут следует заметить, что в 1942 году между Англией и СССР было подписано соглашение об обмене секретной технологической информацией. Однако когда год спустя Рузвельт и Черчилль подписали вышеупомянутое соглашение о совместных работах по созданию атомного оружия, в него внесли весьма уклончиво сформулированный пункт: «…не сообщать какой-либо информации по атомной бомбе третьим странам». Множественное число было применено из лицемерия: имелись в виду не мифические «третьи страны», а одна-единственная конкретная — Советский Союз. Нетрудно заметить, что этот пункт противоречил соглашению 1942 года.

Как правильно подметил ветеран внешней разведки и писатель Игорь Дамаскин в своей интересной книге «Сталин и разведка»: «Ну что же, если с нами действовали не по-джентльменски, приходилось и нам не по-джентльменски проникать в чужие секреты»[128].

Читатель вправе задаться вопросом: почему ФБР, будучи осведомленным достаточно точно о наличии и составе советской агентурной сети, начало привлекать известных ей агентов лишь в последующие несколько лет, а некоторые вообще даже ни разу не были вызваны на допрос?

Ответ кроется в судебной системе Соединенных Штатов. Для привлечения подозреваемого в совершении того или иного

преступления необходимы веские доказательства. (Исключение — если подсудимый был застигнут полицией на месте преступления. Задержание уже само по себе является доказательством. Тем более что в США показания полицейского ни один судья сомнению не подвергнет.)

Но с доказательствами у ФБР было не слишком густо! Яков Голос не оставил после себя ни малейших следов. Обыски в его обоих офисах, на квартире, а также у сестры Мэри не дали ровным счетом ничего. Бентли не смогла подкрепить свои устные показания ни одним документом. Главное — данные «Веноны» было абсолютно невозможно «подшить к делу». Во-первых, разглашение операции могло привести к серьезному дипломатическому скандалу. Весь мир узнал бы, что спецслужбы США перехватывают и подвергают «взлому» дипломатическую переписку своего союзника. Советского союзника, подчеркиваю. Но где гарантия, что точно так же они не читают переписку дипломатов страны, с которой США связывают особые, можно сказать, родственные отношения, то есть Великобритании?

Наконец, выяснив, что американцы «раскололи» их шифровальную систему, русские немедленно бы отменили все старые шифры и коды и ввели новые, с учетом совершенных ошибок, то есть уже гарантированные от взлома?

Вот и получилось, что к ответственности власти смогли привлечь лишь тех лиц, доказательства вины которых удалось собрать чисто контрразведывательными методами.

Рассказать, как ФБР вышло на всех попавших под суд, в данной книге невозможно из-за нехватки места, да и вообще это уже не задача автора. Однако в качестве всего лишь примера расскажем, как был вычислен, а затем и подвергнут аресту Гарри Голд.

…Итак, следствие по делу Клауса установило, что связником к нему был некий «Раймонд». Разумеется, никто не сомневался, что это имя вымышленное. Фукс встречался с «Раймондом» девять раз. В Нью-Йорке с января по июль 1944 года — пять раз. Затем Фукс уехал в Лос-Аламос.

В начале 1945 года он дважды виделся с «Раймондом» в Кембридже. На одной из этих встреч Фукс передал связнику информацию о важных деталях работы над плутониевой бомбой, включая рисунок-схему и метод конструирования. Затем была встреча 2 июня 1945 года в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, вблизи Лос-Аламоса. Фукс передал очередную партию документов и устно сообщил, что примерно через месяц в пустыне близ Аламогордо будет произведено первое испытание атомной бомбы!

Следующая встреча была назначена на 19 сентября в 6 часов вечера возле церкви на дороге в Санта-Фе.

Потом Голд на автобусе заехал в Альбукерк, где встретился с капралом Дэвидом Гринглассом по поручению «Алексея» (это была грубая ошибка с трагическими последствиями для Юлиуса и Этель Розенбергов), и на поезде вернулся в Нью-Йорк. На пустынной дороге возле кладбища в Куинсе он встретился с «Алексеем» и передал ему пакеты, полученные от «Чарльза» и «Калибра».

Затем была последняя поездка на поезде в Санта-Фе. За это время произошло много событий. 16 июля в Аламогордо в присутствии Фукса была взорвана атомная бомба. 6 августа была сброшена бомба на Хиросиму, 9 августа — на Нагасаки. Началась эпоха «великого гриба». 19 сентября Голд встретился с Фуксом в Санта-Фе. Фукс передал связнику подробный отчет обо всех взрывах и подробное описание конструкций бомб, расчет «критической массы» и т. п.

В ФБР предположили, что загадочным «Раймондом» может быть Гарри Голд. Но как ФБР вышло на Голда и тем самым на след «атомных шпионов»?

Дело в том, что в своих показаниях еще 1945 года Бентли впервые упомянула некоего «Раймонда». Кроме того, она призналась, что короткое время была курьером от Голоса к химику Абрахему Бротману.

Большое жюри, проверяя достоверность заявлений Бентли, в 1947 году допросило Бротмана. Тот под присягой показал, что действительно знал Элизабет Бентли и Якова Голоса. Однако, заявил он, он передавал им только «безобидную» информацию. С военной точки зрения новейшая технология производства сахара действительно не являлась секретной, но представляла значительный интерес для советской сахарной промышленности, которая легальным путем заполучить эту технологию задаром не могла. К тому же, как мы знаем, Бротман на самом деле передавал Голосу отнюдь не только «безобидную» сахарную информацию.

Бротман показал, что познакомился с Голосом через своего приятеля химика Гарри Голда (на самом деле все было наоборот — Голос, как мы знаем, послал Голда к Бротману вместо Бентли, как компетентного специалиста). Большое жюри вызвало Голда для дачи показаний. Под присягой он сообщил, что принимал Голоса за вполне легального бизнесмена.

Ни Бротману, ни Голду не было тогда предъявлено никакого обвинения, но в ФБР не сомневались, что оба они лгали. И были правы.

Как бы то ни было, Бротман и Голд стали первыми лицами, которых специальный агент Роберт Лэмфер и его сослуживцы в сентябре 1949 года заподозрили как имевших отношение к Фуксу в период его пребывания в США.

Отделение ФБР в Филадельфии, где постоянно жил Голд, получило задание взять его под плотное наблюдение. Одновременно были опрошены все установленные знакомые и коллеги Фукса.

Какая-то «ниточка» появилась после встречи с сестрой Фукса Кристель Хейнеман и ее мужем Робертом. Хотя Кристель и проходила лечение в клинике для психических больных под Бостоном, она все же легко вспомнила, что в конце 1944 года, а потом еще раз в 1945 году в ее дом приходил незнакомый человек, который хотел повидаться с ее братом. Тогда она в первый раз посоветовала прийти после Рождества, когда брат приедет навестить ее семью.

Вспомнил об этих визитах и Роберт Хейнеман. К сожалению, сделанное им описание этого человека подходило к нескольким миллионам мужчин. Но все-таки это было уже что-то: белый, возраст от 40 до 45 лет, рост примерно 170 сантиметров, широкоплечий, темноволосый, круглолицый. Похоже — это уже важно — американец в первом поколении.

Это описание совпадало, пускай и очень расплывчато, с описанием связника «Раймонда», данного Фуксом. Ученый припомнил еще одну важную подробность: из разговора с «Раймондом» он понял, что тот обладает профессиональными познаниями в области химии и инженерии.

Однако на предъявленной ему фотографии Голда Фукс в нем «Раймонда» не опознал. Но Лэмфер справедливо полагал, что, возможно, отказ объясняется плохим качеством снимка или тем обстоятельством, что с момента последней встречи Фукса с «Раймондом» прошло пять лет, а зрительная память у обычных людей, пускай даже гениальных физиков, не такая цепкая и прочная, как у профессиональных полицейских.

Дальнейшая работа ФБР напрямую зависела от того, опознает ли Фукс на других фотографиях лучшего качества того «Раймонда», которому он передавал секретные атомные материалы.

Дело в том, что в практике американского правосудия чрезвычайно большое значение, зачастую решающее и для присяжных, и для судьи, имеют показания свидетелей. Заведомо предполагается (святая наивность!), что, стоя на трибуне, давая показания под присягой на Библии, свидетель будет говорить «только правду, всю правду и ничего, кроме правды». Однако на

всякий случай во всех штатах за лжесвидетельство закон предусматривает весьма серьезное наказание: и огромные штрафы, и тюремное заключение.

Конечно, никто не собирался доставлять Фукса из Англии в США в качестве свидетеля обвинения на процессе против Голда, которому пока, в сущности, не могли предъявить ни одного серьезного доказательства его причастности к атомному шпионажу. Разумеется, адвокат Голда мог выдвинуть самые серьезные и обоснованные возражения против опознания по фотографии. В конце концов, адвокат мог просто объявить Фукса, как советского шпиона, лицом, не внушающим доверия, чьи показания никак нельзя принимать за правду.

В ФБР это отлично понимали, однако опознание Голда Фуксом давало им сильное оружие для давления на него с целью получения признания своей вины. Так что признание обвиняемого как «царица улик» отнюдь не было монополией бывшего генерального прокурора СССР Андрея Вышинского.

Правда, американцы были все же несколько гуманнее героя знаменитых Московских процессов 30-х годов: признание обвиняемого в своей виновности на вопрос судьи в самом начале судебного заседания, то есть еще до перекрестного допроса, могло значительно смягчить последующий приговор.

Директор ФБР Эдгар Гувер обратился к британским властям с просьбой предоставить возможность его сотруднику допросить Фукса. И, к своему недоумению, получил отказ. Англичане разъяснили, что такая встреча возможна только после осуждения Фукса и вступления приговора в законную силу. И то в случае согласия Фукса. Дача показаний арестованного представителям американской спецслужбы до разбора дела в британском суде противоречила нормам островного правосудия.

Фукс действительно мог отказаться до суда встретиться с агентами ФБР, справедливо полагая, что это может повредить ему на процессе, который и так не сулил ему ничего хорошего.

Наконец суд состоялся. Клаус Фукс получил свои четырнадцать лет тюремного заключения, и специальный агент ФБР Роберт Лэмфер, которому было поручено допросить Фукса, в мае 1950 года вылетел в Лондон.

Накануне отбытия Лэмферу была устроена встреча с несколькими учеными, которые преподали ему краткий курс ликбеза по принципу устройства и механизму действия атомной бомбы, дабы он в разговорах с Фуксом хотя бы приблизительно понимал ученого, а также был в состоянии уразуметь, какие именно документы и вообще какую информацию Фукс передал русским.

Само собой, Лэмфер изучил все досье на Фукса, собранное к тому времени в ФБР, а оно насчитывало ни много ни мало почти сорок томов. Специальный агент, житель Нью-Йорка, не знавший ни тягот, ни тем паче ужасов войны, был потрясен тем, что он увидел в британской столице. Хотя со времени окончания Второй мировой войны в Европе минуло уже ровно пять лет, в Лондоне повсюду были видны ее последствия. Потерпев поражение в «Битве за Британию» в воздухе, немцы перестали бомбить огромный город с «юнкерсов» и «хейнкелей», но почти до последнего обстреливали его новым оружием — «Фау-1» и «Фау-2», несшими заряды огромной разрушительной силы. Одна такая ракета способна была снести с лица земли многоэтажное здание. Целые кварталы города еще не были полностью расчищены от развалин.

В последний момент Гувер решил послать в Лондон кроме супер-вайзеринга[129] Лэмфера еще одного из своих ответственных сотрудников — Хью Клегга с сугубо протокольными функциями, но опрос Фукса должен был проводить только Лэмфер.

Кроме фотографий Лэмфер вез с собой узкопленочный кинофильм, снятый агентами ФБР скрытой камерой через окно автомобиля и запечатлевший Голда на улицах Филадельфии в разных ракурсах.

20 мая Лэмфер в сопровождении сотрудника МИ-5 в английской полицейской машине отправился на окраину Лондона, в тюрьму, в которой содержался и должен был отбыть определенное ему судом наказание Клаус Фукс. Заключенного доставили в помещение, где обычно адвокаты встречались со своими подзащитными.

Эмилю Юлиусу Клаусу Фуксу было тогда тридцать девять лет, следовательно, на свободу он должен был выйти в пятьдесят три. Это был узколицый мужчина среднего роста, сутулый, с редкими волосами и заметным «адамовым яблоком». Он носил сильные очки и часто моргал. По-английски говорил свободно, но с сильным немецким акцентом.

Разговор не получался. Фукс явно колебался, стоит ли ему вообще отвечать на вопросы ФБР, во всяком случае, понимал, что не обязан делать это.

Карие глаза за толстыми стеклами очков не выражали ничего, кроме усталости и безразличия. Еще Лэмфер обратил внимание на зубы Фукса — желтые от неумеренного курения крепких сигарет.

Однако в конце концов разговор все же состоялся — когда Лэмфер почувствовал, что единственное, что могло

заинтересовать его странного собеседника, так это возможные неприятности для его сестры Кристель с ее мужем и тремя детьми.

Лэмфер стал убеждать Фукса в том, что роль ФБР заключается всего лишь в проведении расследования, поэтому обещать что-либо заключенному может только министр юстиции или судья. Фукс ему явно не поверил. Немец, хорошо знавший, что такое гестапо, не мог и представить, что спецслужба — в данном случае ФБР — так уж бесправна на самом деле. И был по-своему прав. Конечно, решать данный вопрос по существу были полномочны только названные специальным агентом лица. Но их решение в любом случае, конечно, будет учитывать ненавязчивую рекомендацию ФБР.

И тогда Лэмфер, в сущности противореча самому себе, словно невзначай заметил, что лично он не видит никакой вины сестры Фукса и ее мужа в том, что они принимали «Раймонда» в своем доме, они же не подозревали, кто он такой… Между прочим, они описали его внешность очень близко к тому, как это сделал и Фукс.

И тут ученый несколько встрепенулся. Абсолютно безответственную фразу Лэмфера, выражающую не более как его личную точку зрения, он принял, видимо, за официальную гарантию безопасности сестры.

Теперь он согласился взглянуть на предъявленные ему Лэмфе-ром фотографии Голда в разные годы и еще нескольких лиц, никакого отношения к делу не имеющих.

Фукс перебрал все фотографии и отложил три снимка… Голда! Но порадоваться удаче Лэмфер не успел. — Я не могу их отвергнуть, — сказал Фукс. И пояснил: — Но снимки недостаточно хорошего качества, чтобы твердо сказать: «Это “Раймонд”».

В тот же день Лэмфер из посольства США в Лондоне послал шифровку директору ФБР Гуверу с подробным отчетом о встрече с Фуксом. На следующий день ученому показали фильм, снятый агентами ФБР скрытой камерой.

Теперь Фукс высказался более определенно. Но не более того. — Не могу сказать с абсолютной уверенностью, но думаю, что этот человек очень похож на «Раймондам. Я узнаю его манеру то и дело оглядываться…

Фуксу прокрутили пленку еще два раза. Ответ был тот же: «Очень похож».

22 мая агенты ФБР в Филадельфии произвели в присутствии Голда и с его согласия обыск в квартире пока что подозреваемого. Ранее Голд категорически отрицал знакомство с Фуксом и Кри-

стель Хейнеман, утверждал, что вообще никогда в жизни не ездил в Бостон и не выбирался к западу от Миссисипи.

Однако агенты ФБР нашли в книжном шкафу расписание поездов на Бостон, а также брошюру-путеводитель с описанием города Санта-Фе в штате Нью-Мексико с подробной схемой улиц.

Это были улики, хотя и косвенные. Но их оказалось достаточно, чтобы Голд сломался, сник в кресле и еле слышно произнес:

— Да, я тот человек, которому Фукс передавал материалы. 24 мая в Лондон прилетел курьер от Гувера с новыми, лучшего качества фотографиями и кинопленками съемок Голда более крупным планом. Их показали Фуксу, не сказав, разумеется, о признании Голда. Фукс все внимательно просмотрел и наконец подтвердил, что человек, запечатленный на фотографиях и кинопленке, это «Раймонд».

Через два дня Фукс на обороте двух фотографий Голда собственноручно надписал:

«Я удостоверяю на основании сходства, что человека на этой фотографии я знал под именем “Раймонд”.

Клаус Фукс. 26 мая, 1950».

Разумеется, эту запись, сделанную Фуксом на обороте фотографии Голда, никак нельзя считать аффидевитом, то есть письменным показанием, сделанным под присягой (есть таковое в англосаксонском праве). Однако вкупе с признанием Голда она выглядит более чем убедительно.

ФБР поспешило предать оба документа огласке (при этом от прессы скрыли, что первоначально Фукс не признавал Голда на предъявленных ему фотографиях и пленке). Хороший адвокат вполне мог бы опровергнуть их в суде присяжных, особенно в случае, если Голд на кафедре под присягой отказался бы от своего признания, сославшись, что сделал это под давлением агентов ФБР.

Последующие десять дней Лэмфер опрашивал Фукса и вытянул из ученого действительно ценную информацию о его многолетней тайной деятельности в пользу Советского Союза.

Сломленный арестом, полным жизненным крахом, перспективой четырнадцатилетнего пребывания за решеткой, Фукс был не в состоянии морально и физически противостоять напору спец-агента ФБР, хорошо владеющего техникой и тактикой допроса.

Вообще, в изложении Лэмфера все у ФБР получалось очень уж легко, за исключением надобности в дополнительной киносъемке и получении новых фотографий. Опознание «Раймонда» Фуксу было явно навязано. И очень уж легко и

быстро, после нескольких лет твердого отрицания своей вины, «раскололся» Голд, признав себя виновным после предъявления всего лишь двух косвенных улик. Разумеется, ему давно следовало бы избавиться от обеих, тем более что никакой нужды ни в расписании, ни в буклете уже давно не было. Ну, допустим, забыл об их существовании (хотя для нормального, то есть хорошо подготовленного, разведчика такая забывчивость непростительна). Но Голд никогда не проходил соответствующей профессиональной подготовки, как, впрочем, и другие агенты в сети Голоса.

Тем не менее ничто не мешало Голду дезавуировать обе «улики». В Бостон не ездил, но как-то собирался — подумывал о смене местожительства и работы. То же самое о Санта-Фе, хотел съездить туда, даже буклет купил, потом передумал… А если бы у него нашли карту Антарктиды, неужели это могло бы послужить доказательством, что он, Голд, совершил оставшееся неизвестным человечеству одиночное путешествие к Южному полюсу вслед за Руалем Амундсеном и капитаном Робертом Скоттом?..

Почему же Гарри Голд, который на данном этапе вполне мог сохранить свободу, и свою, и нескольких других людей, а двум невинным в атомном шпионаже людям — жизнь, так легко пошел на поводу у ФБР?

Абсолютно достоверного ответа на этот вопрос у автора нет. Возможно, однозначного ответа вообще не существует. Придется обойтись версией. Должно быть, одной из многих. Не исключено, что ответ не смог бы сформулировать и сам Гарри Голд.

…Вспомним поговорку-притчу о соломинке, которая переломила хребет верблюду. Находки, сделанные агентами ФБР в квартире Голда, сыграли, похоже, роль последних соломинок.

По мнению автора, Голд сломался, потому что устал. Смертельно устал за пятнадцать лет своей двойной жизни и в конце концов, хотя и не сразу, утратил способность к сопротивлению. Утрата естественного инстинкта самосохранения под напором многолетней нагрузки на не очень, видимо, сильную нервную организацию Голда — для автора единственно возможное объяснение его капитуляции в данных конкретных обстоятельствах холодной войны.

В любом случае вряд ли будет правильно обвинять Гарри Голда в сознательном предательстве, хотя, раз признавшись, он мог бы собрать остатки силы воли, чтобы не выдать других участников агентурной сети, взять всю вину на себя, заявить, к примеру, что полученные от Фукса материалы он, в свою очередь, передавал неизвестному ему советскому агенту, которого он знал под ничего не говорящей кличкой.

Можно и даже следует задаться другим вопросом: почему Центр немедленно не вывел Голда из-под удара при первых признаках явного интереса к нему со стороны ФБР? Не разразилась бы тогда трагедия супругов Юлиуса и Этель Розенбергов, чья вина, по всем меркам, не шла ни в какое сравнение с виной «Раймонда»? Даже сам директор ФБР Эдгар Гувер назвал «преступлением века» дело не Розенбергов, но именно дело Фукса — Голда! А Гувер знал, о чем говорил.

Раз признавшись, Голд уже не мог остановиться, да ему попросту и не позволили бы сделать это.

Чуть-чуть беременных девушек в природе не бывает. Чуть-чуть предателей тоже. Раз сломавшись, человек будет спецслужбами выпотрошен полностью. Спасти оступившегося от окончательного падения может только смерть. От своей или чужой руки.

На основании полученной от Голда информации ФБР открыло сорок девять (!) отдельных дел на агентов советской разведки или их источников. Восемь человек были осуждены. Несколько — из числа советских граждан — покинули США и никогда больше в страну не возвращались. По отношению к другим (чью вину доказать либо не удалось, либо было сочтено нецелесообразным) были приняты меры, делающие невозможным их дальнейшее сотрудничество с Москвой.

Трагическая слабость обширнейшей сети Якова Голоса заключалась в том, что он слишком доверял этим людям, в результате получилось, что они слишком много и многих знали, значительно больше, чем полагается знать простым агентам и курьерам. С позиций века нынешнего, века трезвых прагматиков, далеких от так называемой революционной романтики и чуждых искренней веры в коммунистические идеи и идеалы, трудно, а значительной доле молодых из поколения «выбравших пепси» и вовсе невозможно понять Якова Голоса в данном конкретном случае.

Революционер-коммунист с отроческих лет до мозга костей, напрочь лишенный каких-либо корыстных помыслов и интересов, преданнейший друг Советского Союза как родины пролетариев и угнетенных масс всего мира, прошедший царские тюрьмы в самые жестокие годы самодержавия, он привык верить и доверять своим товарищам как самому себе. Голос просто не допускал и мысли, что революционер может обладать какими-либо человеческими слабостями, способными при неблагоприятных условиях, например аресте, привести к трусливому дезертирству с поля классовых битв, тем более — предать соратников по борьбе.

Кажется, Фридриху Энгельсу принадлежит высказывание, что

недостатки человека есть продолжение его достоинств. Некоторая наивность Голоса, усугубленная невероятными нагрузками для человека с больным сердцем, может служить подтверждением парадоксальности этого высказывания. Его наивность есть прямое следствие доверия к товарищам.

…Спустя пять лет после описанных событий Гарри Голд предстал перед судом. Федеральный судья Мак-Грегори счел его преступление столь серьезным, что дал ему на пять лет тюремного заключения больше, чем просило обвинение: тридцать лет. Гарри Голд отсидел ровно половину отмеренного ему срока и в 1965 году вышел на свободу из ворот Льюисбургской федеральной тюрьмы. Через шесть лет он умер…

Как уже было отмечено, Гарри Голд, сломавшись, даже не пытался сопротивляться на допросах. На любой вопрос давал подробные признательные показания. Кто-то из агентов ФБР по этому поводу метко высказался: дескать, память у Голда как лимон, не важно, сколько раз его можно выжимать, всегда наберется еще хоть капля информации.

Об одной такой капле стоит упомянуть особо. Ранее уже упоминалось, что кроме встречи с Фуксом Голду было поручено еще встретиться в Альбукерке с шурином Розенберга Дэвидом Гринглассом. Ранее Голд с ним никогда не встречался и вообще не подозревал о его существовании. Для опознания ему дали половинку картонной крышки от пачки «Джелло» — сухого ягодного желе (полуфабриката) в качестве вещественного пароля, дополненного еще и устным. Вторая половинка картонки была у Грин-гласса. Обе половинки должны были сойтись по месту разрыва.

Капрал Дэвид Гринглосс (псевдонимы «Калибр» и «Шмель») был высококвалифицированным механиком. Он служил в одной из военных мастерских, обслуживающих «Манхэттенский проект». Гринглосс лично изготавливал некоторые детали к атомным бомбам, а также к механизмам и приспособлениям, используемым при изготовлении бомб. При встрече с Голдом Гринглосс передал ему и примитивный рисунок взрывателя бомбы.

Важная деталь: Годд дважды был в доме Гринглосса, в первый раз его не застал и по совету жены капрала пришел на следующий день.

На допросах Голд рассказал об этих визитах. Он довольно подробно описал внешность капрала: еврей, говорил с бруклинским акцентом, имени не помнит, жену, кажется, зовут Рут. Адрес не помнит, но помнит, что квартира находится на втором или третьем этаже желтого дома. Голду предъявили карту

Альбукерке — он примерно указал район Северной Хай-стрит.

В первых числах июня 1950 года — то есть пять лет спустя! — агент ФБР в Альбукерке докопался, что человек, с которым, вероятно, встречался Голд, проживал в доме желтого цвета 209 по Северной Хай-стрит и имел жену по имени Рут. Звали его Дэвид Грингласс. Его сфотографировали скрытой камерой, а снимок выслали в Филадельфию и предъявили Голду. Ему также показали кинопленку, на которой был снят дом 209 по Северной Хай-стрит. Голд опознал и человека, и дом. Даже подметил, что дом с 1945 года подвергся некоторой перестройке, что оказалось верным.

Теперь ФБР не теряло ни дня. Грингласс был немедленно допрошен и признался, что действительно передавал советскому курьеру секретную информацию об атомном оружии. Он также сообщил, что шпионской деятельностью в пользу русских занимается и муж его сестры Этель, инженер Юлиус Розенберг.

К месту пришлось и давнее показание Элизабет Бентли об одном из источников Якова Голоса — инженере по имени «Юлиус».

Юлиус Розенберг был арестован вечером 17 июля 1950 года. 12 августа как «соучастница» в заговоре была арестована Этель Розенберг. Детей — Майкла семи лет и Роберта трех лет — временно взяла к себе бабушка Тесси Грингласс.

Эти даты имели роковое значение для супругов. Если бы их изобличили года на полтора раньше, они были бы осуждены лишь на несколько лет тюремного заключения. Более того, Этель скорее всего вообще не предстала бы перед судом.

Дело в том, что в августе 1949 года была испытана первая советская атомная бомба, и уже 24 сентября в американской печати появилось сообщение об этом событии. Сказать, что Америка была в шоке, значит ничего не сказать. Рухнул сладостный миф об американской монополии на атомное оружие со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отныне ничего, в сущности, не стоили планы военщины США о нанесении атомных превентивных ударов по крупнейшим советским городам. СССР мог ответить тем же…

6 марта 1951 года начался судебный процесс. Супруги Розенберг были заведомо обречены.

И обвинение, и суд, и президент США прекрасно знали, что Юлиус и тем более Этель Розенберг не совершали приписанных им преступлений, поскольку не занимались атомным шпионажем. Меж тем именно им приписали ответственность за появление на свет советской атомной бомбы! Примитивный рисунок устройства атомной бомбы, сделанный Дэвидом Гринглассом, мог

произвести на публику впечатление только в условиях массовой антисоветской истерики в разгар холодной войны.

Процесс и приговор были местью — местью советской разведке за успешное проникновение в атомные секреты Америки. Месть от бессилия, потому как подлинные имена разведчиков и их помощников, проникших в тайну американского атомного оружия, ни ФБР, ни ЦРУ так и не удалось узнать.

Уже 26 марта присяжные признали Юлиуса и Этель Розенберг виновными. На основании вердикта жюри судья Ирвинг Кауфман[130] приговорил их к смертной казни на электрическом стуле.

Многие месяцы мир потрясали митинги и демонстрации с требованием отменить смертный приговор вообще или хотя бы помиловать осужденных.

К президенту США с просьбой о помиловании обращались президент Франции Шарль де Голль, писатели Томас Манн, Мартен дю Тар, Франсуа Мориак, физик Альберт Эйнштейн, другие мировые знаменитости вплоть до папы римского…

Все ходатайства и двадцать шесть апелляций защиты были отклонены. 19 июня 1953 года Юлиус Розенберг (заключенный № 110649) и Этель Розенберг (заключенная № 110510) были умерщвлены на электрическом стуле в нью-йоркской тюрьме Синг-Синг.

Они стали единственными в истории США людьми, приговоренными за шпионаж к смертной казни в мирное время.

О том, что это был именно акт мести, говорят такие факты: лица, виновные в гораздо большей степени, отделались более мягкими приговорами. Гарри Голд, как уже было сказано, получил тридцать лет тюрьмы, из которых отсидел только половину. Дэвид Гринглосс был приговорен к пятнадцати годам заключения. Элизабет Бентли вообще не предстала перед судом…

По-разному складывалась в дальнейшем жизнь людей, хотя бы мельком упомянутых в этой книге. Особенно необычно у друзей Юлиуса Розенберга Джоела Барра и Альфреда Саранта. Когда были арестованы Голд и Розенберг, они поняли, что и над ними сгущаются тучи. И потому исчезли. Бесследно.

Лишь в 1983 году стало известно, что в Советском Союзе работают два крупных специалиста, чьим родным языком почему-то является английский. Звали их Иосиф Берг и Филипп Старое. Они возглавляли ведущие советские институты, занимающиеся исследованиями в области применения электроники — в том числе в оборонных целях. Именно они способствовали созданию в СССР первой радиолокационной системы для зенитной артиллерии и ракет класса «земля-воздух». С помощью этих

установок в ходе военных действий во Вьетнаме были сбиты сотни американских бомбардировщиков и истребителей… На одной из книжных полок автора лежит — как своеобразный сувенир — небольшой обломок дюралевой обшивки одного из таких самолетов. Привезен из Ханоя в 1968 году…

За эти работы Филипп Старое, он же Альфред Сарант, и Иосиф Берг, он же Джоел Барр, были отмечены высокими правительственными наградами и Государственной премией СССР.

Филипп Старое скончался от сердечного приступа в 1979 году. Иосиф Берг пережил своего друга на девятнадцать лет…

Элизабет Бентли несколько лет купалась в лучах сомнительной славы. Написала книгу «Сбросив оковы». Потом о ней забыли. Она работала в провинциальных школах, одинокая, не имея ни родных, ни друзей. 3 декабря 1963 года она скончалась от рака брюшной полости в возрасте пятидесяти пяти лет…

Послесловие

Владимир Карпов, полковник СВР РФ

Чекисты за океаном: внешняя разведка в США в годы войны

После Первой мировой войны США продолжали проводить традиционную для этой страны политику изоляционизма на международной арене, не вмешиваясь в европейские дела. Однако избранный в 1933 году на пост президента США Франклин Рузвельт провозгласил «Новый курс». Он позволил его администрации преодолеть внутриполитический кризис и укрепить экономическую мощь страны, существенно подорванную в результате Великой депрессии 1929–1932 годов. Америка под руководством Ф. Рузвельта, не отказываясь от политики изоляционизма, стала играть более активную роль в международных делах. Ф. Рузвельт понимал, что растущая угроза войны со стороны Японии, а также победа Гитлера на парламентских выборах в Германии в 1933 году несут в себе серьезный вызов демократии и непосредственно затрагивают интересы США. Учитывая серьезные территориальные претензии Германии и Японии к другим странам, в том числе к США, он не исключал возможности возникновения новой мировой войны, в которой Советский Союз желательно иметь на стороне противников фашизма и милитаризма.

Вступив в 1933 году на пост президента США, Ф. Рузвельт сделал заявление о готовности его администрации восстановить в полном объеме дипломатические отношения с СССР, с которым поддерживались только торговые связи, и обменяться с ним посольствами. М октября 1933 года он направил Председателю ЦИК М. И. Калинину официальное предложение об открытии переговоров с целью установления дипломатических отношений между СССР и США. Переговоры в Вашингтоне с Ф. Рузвельтом вел нарком иностранных дел М. М. Литвинов. С самого начала американцы настаивали на том, чтобы СССР дал публичное обязательство не вмешиваться во внутренние дела Америки.

Такое обязательство Москва дала, и 16 ноября 1933 года нарком иностранных дел Максим Литвинов подписал соглашение о восстановлении дипломатических отношений между обеими странами на уровне посольств. Он обменялся нотами с Ф. Рузвельтом, в которых СССР и США взаимно обязались «воздерживаться от вмешательства каким-либо образом во

внутренние дела… от какой-либо агитации или пропаганды, имеющих целью… насильственное изменение политического или общественного строя друг друга; не разрешать создания или пребывания на своих территориях организаций или групп, преследующих эти цели, равно не субсидировать их»[131]. Особо выделялось: не допускать организаций или групп, имеющих своей целью вооруженную борьбу. Эти обязательства, под которыми стоит подпись Ф. Рузвельта, сохраняют свою силу и теперь. Правда, вопрос о том, насколько скрупулезно США соблюдали и сегодня соблюдают эти обязательства, остается открытым.

В связи с восстановлением дипотношений помощник президента США Чарльз Болен, сыгравший в годы войны большую роль в налаживании советско-американского сотрудничества в борьбе против нацизма, отмечал: «Признание Советского правительства, с которым мы не поддерживали никаких отношений с 1918 года, по крайней мере косвенно и частично было мотивировано озабоченностью правительства США в результате агрессии Японии в Азии и прихода Гитлера к власти в Германии». Еще раньше, в сентябре 1933 года, госсекретарь США Кордэлл Хэлл, мотивируя в своем меморандуме на имя президента необходимость восстановления дипломатических отношений с Москвой на уровне посольств, особо выделял «японский вопрос» в качестве фактора, свидетельствующего в пользу признания СССР.

Подписание соглашения о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами проходило в торжественной обстановке. 7 ноября, в день шестнадцатилетия Октябрьской революции, океанский лайнер «Беренгария», на борту которого находился советский нарком иностранных дел Максим Максимович Литвинов, бросил якорь на внешнем рейде нью-йоркской гавани. Однако визиту советского наркома в Новый Свет предшествовали поистине драматические события.

Заговор украинских террористов

Резидентуре советской внешней разведки в Брюсселе стали известны планы главарей украинской профашистской организации ОУН по совершению террористического акта против М. Литвинова во время его проезда через Европу в США. Эти планы были раскрыты советским разведчиком Иваном Каминским, внедренным чекистами в руководство организации. Иван Каминский присутствовал на специальном совещании

террористов в Брюсселе, которое состоялось на квартире архитектора Дмитрия Андриевского. Помимо самого Андриевского, на сборище украинских националистов присутствовали члены Главного провода (руководства) ОУН — Коновалец, Богуш и Сциборский. Осуществление террористического акта возлагалось на «пятерку» украинских боевиков во главе с Лукой Мишугой. Они получили подробные инструкции и были обеспечены необходимым оружием. В октябре 1933 года террористы прибыли в США из Западной Европы. На этом совещании украинские головорезы обсуждали также, как известить население Украины об убийстве советского наркома.

Угрозы со стороны украинских националистов были вполне реальными. Накануне, в том же 1933 году, советская внешняя разведка сорвала их планы организовать взрыв советского полпредства в Варшаве, реализация которого была поручена членам ОУН Сци-борскому и Евгению Ляховичу. Аналогичную информацию о намерениях Русского общевоинского союза (РОВС) совершить теракт в отношении М. М. Литвинова во время его проезда через Францию получила и резидентура ИНО ОГПУ в Париже.

Максим Максимович Литвинов направлялся в США через Европу. Чекисты приняли меры по усилению его охраны. Вся агентура ОГПУ в Польше, Германии, Бельгии и Франции, через территорию которых пролегал его путь, была приведена в боевую готовность. Советская внешняя разведка через официального представителя «Амторга» в Нью-Йорке оповестила власти США о готовящемся заговоре. Президент Ф. Рузвельт принял хитроумное решение. По его распоряжению ФБР временно взяло под стражу всю группу Мишу-ги, и 7 ноября, когда теплоход «Беренгария» прибыл в Нью-Йорк, все террористы были уже обезврежены.

На теплоходе советского наркома оберегали восемь крепких те-лохранителей-американцев, которые не отходили от него ни на шаг. Все передвижения М. Литвинова по стране проходили только на автомашине, маршруты движения которой держались в секрете до самого последнего момента. За все дни пребывания в США советская делегация пешком ходила всего дважды. Переданное Советскому Союзу здание бывшего посольства императорской России, в котором остановилась советская делегация, было окружено плотным кольцом охраны. Переговоры прошли успешно, и 18 ноября 1933 года между СССР и США было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений в полном объеме. 25 ноября 1933 года Максим Максимович Литвинов благополучно покинул США. Покушение украинских террористов на него не состоялось[132].

Внешняя разведка в США

До конца 20-х годов прошлого столетия США, проводившие политику изоляционизма, мало интересовали внешнюю разведку, которая не имела там резидентуры. Здесь свою роль играла не только неактивная роль Вашингтона в международных делах, отсутствие прямой военной угрозы с его стороны для СССР, но и трудности организации связи с этой заокеанской страной. Первый нелегальный аппарат ОГПУ была создан в Нью-Йорке только в 1930 году для сбора в первую очередь научно-технической информации. В нем работало четверо разведчиков-нелегалов. Он имел на связи агентов, располагавших ценными разведывательными возможностями в правительственных кругах США, частных фирмах, дипкорпусе. От резидентуры регулярно поступали копии докладов американских послов и военных атташе в Европе, на Дальнем Востоке, записи бесед государственного секретаря с послами иностранных государств.

Центр также высоко оценивал поступавшие сведения о подрывной деятельности германского генерального консульства в Нью-Йорке, доклады директора ФБР Э. Гувера президенту США по различным внутриполитическим вопросам, важные данные по научно-технической разведке. Последнее направление было основным в работе ре-зидентур ОГПУ в США, обеспечивавшее народное хозяйство нашей страны необходимыми ему достижениями науки и техники.

Первым резидентом нелегальной разведки в США являлся Валентин Борисович Маркин. Он родился в апреле 1903 года в городе Грозном в семье железнодорожника, учился в коммерческом училище, окончил пять классов. В 1920 году был на комсомольской работе в Кабардино-Балкарии, в 1922 году поступил в Коммунистический университет имени Свердлова. С мая 1923 года — секретарь ячейки РКП(б) на текстильной фабрике города Вятки, с 1924 года — секретарь партячейки типографии «Рабочая газета» в Москве, член Краснопресненского райкома партии, депутат Моссовета. С 1926 года — сотрудник IV (Разведывательного) Управления Штаба РККА, работал в Германии. В 1930–1932 годах — аспирант Института мирового хозяйства и мировой политики. Одновременно являлся руководителем Агитпропа в Коминтерне.

В 1932 году направлен нелегальным резидентом в США по линии ИНО ОГПУ. В оперативной переписке проходил под

псевдонимами «Оскар» и «Дэвис». Работать «Дэвису» приходилось в непростых условиях. До установления дипломатических отношений в 1933 году между СССР и США связь Центра с нелегальной резидентурой поддерживалась через специальных курьеров, в основном матросов коммерческих рейсов, которые доставляли добытые материалы в Париж в непроявленной пленке. Указания Центра также направлялись в нелегальную резидентуру в Париж, а оттуда пересылались с курьерами в Нью-Йорк. В. Маркин исчез в 1934 году при невыясненных обстоятельствах. Предположительно — стал жертвой дорожной катастрофы или погиб от рук гангстеров.

После установления дипломатических отношений между СССР и США в Нью-Йорке была создана «легальная» резидентура ИНО ОГПУ, через которую разведчики-нелегалы поддерживали связь с Центром. Нью-йоркская резидентура являлась главным аппаратом советской внешней разведки в США. Первым «легальным» резидентом внешней разведки в США был Петр Гутцайт (оперативный псевдоним — «Николай»), который также представлял в этой стране научно-техническую разведку. Одновременно в Вашингтоне, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе были созданы подчинявшиеся ей «легальные» резидентуры.

Разведчик Петр Гутцайт

Петр Давидович Гутцайт родился в 1901 году в Екатеринослав-ской губернии в семье мелкого торговца. Окончил сельскую школу. До 1917 года работал лодочником на переправе через Днепр, затем бурильщиком и рабочим каменоломни. В 1919 году вступил в рабочую коммунистическую ячейку. С приходом белогвардейских войск на Юг России скрывался в подполье. После восстановления советской власти в Екатеринославе служил в речной милиции.

В 1920 году по рекомендации уездного комитета партии был назначен в уездную ЧК комиссаром, участвовал в борьбе против бандитизма. Учился на курсах Высшей партийной школы ОГПУ. В 1923 году П. Гутцайт — уполномоченный Секретного отдела ОГПУ, затем — сотрудник его Экономического управления (ЭКУ). В 1933 году переходит на работу во внешнюю разведку. С марта 1933 года — начальник 8-го отделения ИНО ОГПУ. В конце того же года — «легальный» резидент в Нью-Йорке. В стране находился с паспортом на имя П. Д. Гусева и под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР в Вашингтоне.

В 1938 году отозван в Москву и назначен начальником отделения научно-технической разведки. 16 октября 1938 года арестован по обвинению в троцкизме. В вину ему вменялся провал первого покушения на Троцкого, основную работу по которому вела резидентура НКВД в США. 21 февраля 1939 года Военная коллегия Верховного суда приговорила его к высшей мере наказания, и в тот же день майор госбезопасности Петр Гутцайт был расстрелян. Реабилитирован посмертно 29 сентября 1956 года.

Загранаппараты советской внешней разведки в США в предвоенные годы добывали важную разведывательную информацию.

Успешно они справлялись и с работой по линии научно-технической разведки, приобретая образцы современного по тем меркам американского вооружения. Только в 1939–1940 годах советскими разведчиками в США было получено свыше 30 тысяч листов технической документации, около 1100 комплектов чертежей и свыше 30 образцов технических новинок.

В 1934 году после гибели разведчика-нелегала «Дэвиса» Центр принял решение усилить его нелегальную резидентуру двумя опытными разведчиками-нелегалами — Б. Я. Базаровым и И. А. Ахмеровым. Резидентом разведки НКВД стал Борис Базаров. Прибыв в Нью-Йорк, он по паролям и явкам восстановил связь с агентурой погибшего резидента. Разобравшись с «наследством» «Дэвиса», он нашел, что ее сотрудники нарушают правила конспирации. Они не только знают друг друга, но и поддерживают отношения между собой, встречаются на конспиративных квартирах, общаются семьями. По его предложению Центр принял решение о реорганизации работы нелегальной резидентуры в Нью-Йорке. В частности, вся агентура была разбита на две группы, одну из которых возглавил Б. Базаров, а другую — Исхак Ахмеров.

В связи с тем, что перед войной нелегальная резидентура осуществляла связь с Москвой через агентов-курьеров, а доставка почты на Лубянку занимала до одного месяца, Центр в виде исключения разрешил Б. Базарову и И. Ахмерову самостоятельно решать вопросы вербовки агентов. В результате реорганизации работы нелегальной резидентуры удалось завербовать нескольких весьма ценных источников информации. В частности, в 1936 году она пригрела агента с широкими связями в правительственных кругах США, в том числе в близком окружении президента Ф. Рузвельта. Нелегальная резидентура НКВД в Нью-Йорке получила доступ к переписке госсекретаря США, к докладам американского военного атташе в Японии, материалам дальневосточного отдела

этого внешнеполитического ведомства.

Резидентура НКВД в начале войны

В предвоенный период, особенно после подписания советско-германского договора о ненападении, получившего в западной прессе название пахта Молотова-Риббентропа, отношения между СССР и США были натянутыми. Американская пропаганда в газетах, журналах и на радио утверждала, ню СССР — друг гитлеровской Германии и поэтому подписал с ней этот пахт. При этом игнорировался тот факт, что ранее подобные договоры с ней имели и Польша, и Англия, и Франция.

В то же время в прессе США шла разнузданная пронацистская пропаганда, восхвалялись военные победы Германии, ни слова не говорилось о зверствах оккупантов в порабощенной Европе. Конгресс США принимал законы, ограничивавшие экономические и торговые отношения с Советским Союзом. После подписания советско-германского договора о ненападении правительство США предложило советскому полпредству отозвать своих приемщиков из страны в связи с отказом отдельных американских компаний поставлять ранее заказанное оборудование.

В январе 1941 года торговый атташе США в Праге Сэм Вудз направил в Государственный департамент срочную телеграмму, состоящую из одной фразы: с Как стало известно из заслуживающих доверия немецких источников, Гитлер планирует нападение на Россию весной этого года». Эти сведения были добыты разведкой Госдепартамента США от высокопоставленного германского офицера в Берлине, знакомого в общих чертах с планом иБарбарос-са». Сам документ американская разведка не смогла получить.

Госсекретарь США Кордэлл Хэлл, получив эту информацию, позвонил директору ФБР Эдгарду Гуверу, который подтвердил ее достоверность. К. Хэлл поручил своему заместителю С. Уоллесу ознакомить полпреда (посла) СССР в Вашингтоне Константина Уманского с полученными сведениями. 20 марта 1941 года Самнер Уоллес пригласил к себе советского посла и сообщил ему информацию, полученную из Берлина. Как позднее писал С. Уоллес в своих мемуарах, К. Уман-ский побледнел. Некоторое время он молчал, а затем просто сказал: «Я полностью осознаю серьезность этого сообщения и немедленно доведу до моего правительства содержание нашей беседы».

После предупреждения в марте 1941 года Госдепартаментом советского посла К. Уманского о том, что очередным объектом агрессии гитлеровской Германии станет Советский Союз, Константин Александрович, выступая в апреле на совещании дипломатического состава генконсульства в Нью-Йорке, заявил, что Гитлер опьянен успехами в Европе и готовится к нападению на СССР. Он подчеркнул, что при всем желании нам войны с Германией не избежать, поэтому дипломаты должны внимательно отслеживать все нюансы политики США в отношении нашей страны. Главное — не допустить сговора США и Германии на антисоветской основе. Резидентура в Нью-Йорке сделала соответствующие выводы из этого предупреждения и активизировала работу по германской колонии в США.

Весной 1941 года обстановка в Европе была тревожной. Германия покорила фактически всю Европу, угрожала вторжением на Британские острова. Фашистские подводные лодки бесчинствовали в Атлантическом океане, топили британские и нейтральные корабли, подрывая снабжение Англии морским путем. Весной 1941 года Рузвельт и Черчилль проводят совместную тайную операцию с целью отвлечь внимание Гитлера от Британских островов и направить агрессию Гитлера на Восток. Руководитель американской разведки, которая в следующем году получит название Управление стратегических служб (УСС), У. Донован направляется президентом Рузвельтом на Балканы. Сначала он инспектирует британский флот в Греции, затем появляется в Софии, где ведет переговоры с болгарским царем Борисом, и, наконец, прибывает в Белград. Посланец Рузвельта убеждает своих собеседников в необходимости дать отпор странам оси Рим — Берлин — Токио. Он дает возможность нацистским агентам обыскать себя и изъять изготовленные американскими и британскими спецслужбами документы. Из них следовало, что США якобы поддерживают идею Лондона открыть на Балканах второй фронт против Германии. С президентом Рузвельтом Донован специально переписывается шифром, известным гитлеровским спецслужбам.

В Югославии американский разведчик заявляет о поддержке Вашингтоном патриотических сил страны, отвергающих германский диктат. И, наконец, возвратившись в США, он по радио произносит речь, подготовленную экспертами «психологической войны», в которой излагались эти мысли. Цель миссии У. Донована заключалась в том, чтобы вызвать народное восстание в Югославии, толкнуть Германию на агрессию против этой страны, погрузить вермахт в трясину партизанской войны на Балканах и ослабить нацистский рейх.

Через неделю после его миссии, когда восставший народ Югославии сверг пронацистский режим в стране, Гитлер подверг бомбардировке Белград. Война Германии против Югославии началась без объявления. В результате бомбардировок Белграда были уничтожены королевский дворец, университет, больницы, церкви, школы и подавляющая часть жилых домов. После четырех дней бомбардировок из-под обломков домов было извлечено свыше 24 тысяч трупов мирных белградцев, а общее число жертв так и не было никогда установлено. Внимание Гитлера было отвлечено от Англии. Тем не менее в результате реализации плана «Марита» вермахт оккупировал Балканы и стал угрожать ее ближневосточным владениям. Эта операция заставила Гитлера перенести на полтора месяца срок нападения на СССР.

14 мая 1941 года американцы ожидали традиционного выступления Ф. Рузвельта по радио, но оно было отложено. Американский президент располагал информацией о том, что 15 мая Гитлер может напасть на СССР, и поэтому выжидал, чтобы в зависимости от развития событий заявить о позиции США. Однако в середине мая гитлеровское нашествие против СССР не состоялось, и Рузвельт выступил по радио с обращением к нации лишь 27 мая. Сталин, разумеется, знал о том, что 15 мая возможно нападение Германии на СССР, но этот день миновал, а оно так и не произошло. Не подтвердились и другие даты начала гитлеровской агрессии, о которых сообщала советская разведка, назвав восемь различных сроков начала войны. Поэтому у Сталина все больше крепло убеждение в том, что враги Москвы на Западе, включая США, специально дезинформируют советскую разведку, чтобы спровоцировать войну между СССР и Германией, а самим оказаться в положении «третьего радующегося».

22 июня 1941 года гитлеровские полчища вторглись на территорию СССР. Началась Великая Отечественная война. В связи с нападением Германии на нашу страну отношение официального Вашингтона к СССР несколько изменилось. Война со всей очевидностью показала, что, заключив в 1939 году договор о ненападении с Германией, когда на Дальнем Востоке в районе Халхин-Гола шли боевые действия, Советский Союз сумел выиграть время и избежать войны на два фронта. Уже 23 июня и. о. госсекретаря США С. Уоллес огласил правительственное заявление: «Любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускоряет конец нынешних германских руководителей и тем самым способствует нашей собственной обороне и безопасности». Рузвельт, утвердивший это правительственное заявление, собственноручно вписал в него

следующую фразу: «Гитлеровские армии — сегодня главная опасность для Американского континента»[133].

В тот же день правовед Госдепартамента США О. Кокс, привлекавшийся для дачи рекомендаций президенту Рузвельту по самым сложным юридическим вопросам, представил ему меморандум, в котором делалось заключение о том, что помощь России по ленд-лизу соответствует закону, гласящему, что помощь предоставляется «любой стране, оборону которой президент сочтет важной для обороны США». Иными словами, помощь СССР можно оказывать, но будет ли это сделано?

24 июня 1941 года президент США Ф. Рузвельт сделал заявление о готовности его страны оказать помощь СССР и распространить на него действие принятого конгрессом США в марте 1941 года закона о ленд-лизе. Чтобы ни у кого не было сомнения в том, что США являются идеологическим противником СССР, Ф. Рузвельт сделал публичное заявление о том, что американская помощь Советскому Союзу в отражении агрессии не означает, что Вашингтон одобряет форму правления в этой стране и готов пойти на политическое сближение с ней. Более того, президент США отдал распоряжение Государственному департаменту в случае поражения СССР в войне не признавать советского правительства в изгнании и лишить советских представителей в США дипломатического статуса. Единственным законным представителем России США должны в таком случае рассматривать бывшего российского премьера Александра Керенского и его «правительство». К счастью, Советский Союз выстоял в первые трагические дни германского нашествия, а Керенский так и остался политическим трупом. Героическая Красная армия ценой больших жертв и потерь сорвала гитлеровский план «молниеносной войны», которая стала приобретать затяжной характер.

США не торопились оказывать СССР помощь в отражении гитлеровской агрессии. Более того, 3 июля 1941 года С. Уоллес в беседе с полпредом К. А. Уманским доверительно сообщил ему со ссылкой на «достоверную информацию», что в скором времени Япония нападет на СССР. По поручению советского правительства уже 8 июля К. Уманский вручил Госдепартаменту ноту, в которой содержалась просьба к администрации США выступить с предупреждением к Японии против расширения конфликта на Дальнем Востоке.

К. Уманский был принят по его просьбе президентом США. Рузвельт избежал ответа об американском предупреждении Японии, однако с большим воодушевлением сказал: «Я надеюсь, что ваша авиация выберет хороший ветреный день и засыпет

картонные города Японии доброй порцией зажигательных бомб… Не сомневаюсь в вашем воздушном превосходстве над Японией». Это было неприкрытым желанием американского президента втянуть СССР в вооруженный конфликт с Японией и отвести беду от США. У Сталина, однако, были разведывательные сведения о том, что Япония готовится нанести удар в южном направлении…

Соглашение подписано

В конце июля 1941 года Москву посетил личный представитель президента США Гарри Гопкинс, который после бесед с советскими руководителями проинформировал американского президента о том, что СССР не собирается капитулировать перед агрессором и будет сражаться до победного конца. Выслушав сообщение своего помощника, Ф. Рузвельт принял решение не ввязываться в войну на стороне СССР, но оказать ему материальную помощь. На переговорах с Гарри Гопкинсом в Москве Сталин поставил вопрос о предоставлении СССР в срочном порядке зенитных орудий и авиационного алюминия. Соответствующее соглашение о возможном экономическом сотрудничестве между двумя странами и оказании материальной помощи нашей стране было подписано 2 августа 1941 года.

Положительным итогом визита Гопкинса в Москву было также решение, принятое Ф. Рузвельтом в ноябре 1941 года, в соответствии с которым США распространяло на СССР закон о ленд-лизе. Для его реализации было решено созвать в Москве трехстороннюю комиссию в составе представителей СССР, США и Англии, чтобы определить неотложные нужды Красной армии. Вместе с тем реальные поставки Советскому Союзу по закону о ленд-лизе начались только в конце 1943 года и продолжались по 30 сентября 1945 года. До этого Советскому Союзу приходилось закупать в США все необходимые ему материалы за наличные. Всего за годы войны поставки из США по ленд-лизу составили около 9,5 миллиардов долларов, что равнялось всего лишь 3,7 % общих военных расходов США. В СССР поставлялись истребители, фронтовые бомбардировщики с небольшим радиусом действия, паровозы, грузовые автомобили, одежда, обувь и некоторые товары, среди которых говяжья тушенка, иронически прозванная нашими солдатами «вторым фронтом».

Тем не менее далеко не все американские политики разделяли точку зрения президента Ф. Рузвельта о том, что,

помогая Советскому Союзу, Америка помогает самой себе. 19 августа 1941 года Сталину поступила информация вашингтонской резидентуры о враждебном тоне американской печати по отношению к СССР. Едва началась война, как влиятельный американский сенатор Гарри Трумэн 24 июня, то есть в один день с Ф. Рузвельтом, заявил в интервью, опубликованном в газете «Нью-Йорк тайме»: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах».

В этой связи в принятом ЦК ВКП(б) 18 июля 1941 года постановлении о задачах внешней разведки в период войны говорилось: «Выявлять планы и намерения наших союзников, особенно США и Англии, по вопросам ведения войны, отношения к СССР и проблемам послевоенного устройства». В директивном письме Центра от ноября 1941 года в американские резидентуры говорилось: «США в мировой политике капиталистических стран занимают в настоящее время ведущую роль. Поэтому очень важно для нас своевременно раскрыть политические и дипломатические планы и деятельность США, как в отношении СССР, так и в отношении Англии, Японии, Германии и других стран».

11 июня 1942 года в Вашингтоне было подписано советско-американское соглашение о принципах взаимной помощи в ведении войны. Между Сталиным и Рузвельтом установилась и в течение почти всей войны поддерживалась конфиденциальная переписка по вопросам ведения войны и послевоенного устройства в Европе. Из добытых внешней разведкой сведений Сталин, однако, знал, что руководители США и Англии за спиной своего союзника по антигитлеровской коалиции тайно договорились оказывать помощь СССР материалами и некоторыми видами военной техники, пригодной для ведения только оборонительных операций. Под различными предлогами они отказывали СССР в поставках наступательного и новейшего по тому времени вооружения: бомбардировщиков дальнего радиуса действия, автомашин-тягачей для тяжелой артиллерии, радаров и других радиотехнических устройств. Разведке предстояло получить чертежи и технологию производства этих новейших средств ведения войны. С этой задачей она успешно справилась.

В первые дни войны связь разведки с ее источниками в Германии и оккупированных ею странах была навсегда утрачена. Основной поток информации внешней разведки о планах гитлеровского командования поступал главным образом от

резидентуры в Лондоне. Сталин потребовал от начальника разведки П. Фитина активизировать ее работу в США, которая в условиях начавшейся войны уже не могла удовлетворять Центр. Объяснялось это тем, что накануне войны, 5 мая 1941 года, резидент внешней разведки в Нью-Йорке Гайк Овакимян, находившийся в США под прикрытием инженера «Амторга», был арестован агентами ФБР на встрече со своим источником «Октаном». Он был заключен в тюрьму, а затем выпущен до суда под залог в 50 тысяч долларов. В связи с нападением Германии на Советский Союз Г. Овакимян по личному указанию президента Ф. Рузвельта получил разрешение выехать на родину и в сентябре того же года возвратился в Москву.

Сталин определяет задачи разведки

В октябре 1941 года руководство разведки приняло решение направить опытного разведчика В. М. Зарубина руководителем «легальной» резидентуры в США. 12 октября 1941 года Сталин вызвал в Кремль начальника разведки П. Фитина и резидента В. Зарубина и сформулировал стоящие перед ней задачи в этой стране. Он сказал, что советское правительство недостаточно четко представляет современную обстановку в США. Нужно тщательно разобраться в позиции Белого дома в отношении как Советского Союза, так и Германии, а также Англии и Японии. И не только разобраться, но и принять меры по оказанию влияния на правящие круги США в плане сближения двух стран. Однако задачи разведки на этом не заканчиваются. Ведь, несмотря на начавшуюся Вторую мировую войну, США продолжают по-прежнему торговать с Германией, снабжая ее через европейские филиалы американских корпораций стратегическими материалами, в том числе нефтепродуктами.

Сталин пояснил, что в США есть влиятельные силы, которые выступают против Советского Союза, и они будут толкать Рузвельта на союз с Гитлером. За этими силами нужно внимательно следить и своевременно докладывать правительству. На данном этапе это главное направление в работе разведки в Соединенных Штатах Америки, сказал Сталин. В заключение беседы, которая длилась двадцать минут, он особо отметил, что важно не допустить сговора США и Германии, который закончился бы сепаратным миром за счет интересов СССР[134].

Несмотря на то что СССР и США были союзниками по антигитлеровской коалиции, полного доверия между ними в

первоначальный период войны еще не было. Сталин, в частности, недоумевал, почему Америка медлит со вступлением в войну, несмотря на явную для нее угрозу со стороны Японии. Он располагал данными разведки на этот счет, которые, правда, носили предварительный характер. Было ему известно и то, что Вашингтон продолжает проводить политику «умиротворения» Японии, пытаясь перенаправить ее агрессию на Север. Разведке было необходимо тщательно разобраться в позиции США в отношении нашей страны и оказывать позитивное для СССР на нее влияние.

В США Василий Зарубин и его жена Лиза Горская добирались через Дальний Восток. Их резидентуре приходилось начинать работу практически с нуля. В Нью-Йорк они прибыли в январе 1942 года и сразу же активно принялись за дела. В. Зарубин был резидентом легальной» резидентуры сначала в Нью-Йорке, а затем до осени 1944 года — главным резидентом в США под прикрытием второго секретаря посольства СССР в Вашингтоне. В то время во всех трех разведаппаратах в США работало тринадцать сотрудников. Его жена, опытная разведчица Лиза Горская, находилась там в качестве оперативного работника. Имела на связи до двадцати агентов, от которых поступала важная политическая информация. Под руководством В. Зарубина советские разведчики завербовали в 1942 году несколько новых источников информации и восстановили связь с рядом законсервированных агентов. Большую помощь советской внешней разведке в самый трудный для нее период оказала агентурная группа, руководимая Я. Голосом.

Агент-групповод «Звук»

Яков Наумович Голос родился 24 апреля 1889 года в Екатерино-славе в семье рабочего. Здесь он окончил четырехклассное училище и сдал экстерном экзамены за полный курс гимназии. С тринадцати лет работал в типографии. В 1904 году вступил в Социал-демократическую партию России, активно участвовал в Первой русской революции 1905 года, работал в нелегальной типографии большевиков и в ней же в 1906 году был арестован царской полицией. Приговорен к восьми годам каторги, которая была заменена ему, как несовершеннолетнему, вечным поселением в Якутской губернии.

Из Якутии Яков сбежал в 1910 году в Японию, потом в Китай, а затем под именем Джекоба Рейзена переселился в США. Здесь

он работал в типографии, был одним из организаторов помощи политическим заключенным в России. В 1915 году вступил в Социалистическую партию США, примыкал к ее левому крылу. В 1919 году посетил Советскую Россию и был принят в члены РКП(б). С согласия ее ЦК вновь вернулся в США, где в 1919–1921 годах заведовал типографией. В 1922–1923 годах работал в ЦК Компартии США В 1923–1926 годах являлся секретарем-председателем Общества технической помощи СССР в Нью-Йорке.

В 1926 году возвратился в СССР, где восстановил свое членство в РКП(б). Работал в Кузбассе управляющим делами при главной конторе Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» в Кемерове, а затем заведующим отделом техники и рационализации в газете «Москоу Ньюс». В 1929 году по просьбе секретаря Компартии США Джея Ловстона возвратился в США для ведения работы среди рабочих русского происхождения в этой стране.

В 1930 году привлечен к сотрудничеству с советской разведкой нелегалом «Тарасом» (Абрамом Осиповичем Эйнгорном). В январе 1933 года включен в агентурную сеть ИНО ОГПУ под псевдонимом «Звук». Связь с ним поддерживалась сотрудником нелегальной разведки «Гарди». Я. Голос, возглавляя в тот период туристическую фирму «Уорлд Туристе» в Нью-Йорке, занимался организацией связи разведки по ее нелегальным каналам, вопросами документации прикрытия для разведчиков-нелегалов.

После восстановления дипломатических отношений между СССР и США в 1934 году «Звук» был передан на связь оперработнику нью-йоркской «легальной» резидентуры. В 1935 году отправил жену и сына в СССР, где его супруга в 1937 году получила советское гражданство. Во второй половине 30-х годов резидентурой ОГПУ в Нью-Йорке были получены достоверные данные о том, что «Звук» является объектом специального наблюдения со стороны американской контрразведки. Причиной явилось участие агента в работе Комитета помощи республиканской Испании. Руководимое им агентство использовалось советской разведкой для отправки в Испанию добровольцев, которые подбирались при активной помощи Компартии США.

Об интересе, проявляемом ФБР к «Звуку», было доложено начальнику ИНО ОГПУ Абраму Слуцкому. Он распорядился продолжить использование агента в работе, однако с соблюдением необходимых мер безопасности. В 1937 году «Звук» с паспортом на чужое имя выезжал в Москву для участия в праздновании 20-й годовщины Октябрьской революции. В Москве

встречался с А. Слуцким, с которым обсудил перспективы своей дальнейшей разведывательной работы в этой стране.

В октябре 1939 года ФБР провело обыск в помещениях компании «Уорлд Туристе» в связи с нарушением Я. Голосом закона о регистрации иностранных агентов. Поводом для обыска послужил факт получения его компанией от «Интуриста» денег на рекламу, что не противоречило американскому законодательству. Тем не менее Я. Голос должен был предстать перед Большим жюри (федеральным судом). Опасаясь за агента, резидентура НКВД в Нью-Йорке поставила вопрос о его выводе из страны. Однако сам «Звук» уезжать из США отказался. На суде он признал себя виновным в нарушении закона и был приговорен к лишению свободы на один год и штрафу в размере 1000 долларов.

Помимо работы по добыче подлинных американских документов для советской нелегальной работы, «Звук» создал обширную агентурную сеть, включавшую двадцать агентов в различных правительственных ведомствах США, военных учреждениях, крупных промышленных компаниях. Получаемая от них информация, особенно с началом Великой Отечественной войны, имела большое значение для советской разведки и высоко оценивалась в Центре. Организуя работу со «Звуком», Центр не исключал возможности того, что он может находиться в поле зрения спецслужб США. Тем более что встречи с ним проводились почти ежедневно, а то и несколько раз в день.

С 1939 года работу со «Звуком» вел резидент внешней разведки в Нью-Йорке Гайк Овакимян, находившийся в США по линии научно-технической разведки. Действовал под прикрытием должности инженера «Амторга», а в 1940 году стал аспирантом Нью-йоркского химического института, в котором защитил диссертацию. В 1940 году им от Голоса была получена информация о проекте первого стратосферного самолета, о кислородных масках для высотных полетов, использовании глицерина в военной области и др. На основании разрозненных сведений, полученных от агентурной сети Я. Голоса, Г. Овакимян сообщил в Москву о начавшихся в США сверхсекретных исследовательских работах по расщеплению ядра урана. Всего на связи у Г. Овакимяна в тот период находилось четырнадцать ценных агентов, не считая агентов-групповодов.

Поскольку сам Г. Овакимян был весьма загружен по линии научно-технической разведки, он передал «Звука» на связь своему заместителю Павлу Пастельняку, находившемуся в Нью-Йорке под прикрытием должности вице-консула. В апреле 1940 года П. Па-стельняк доложил в Центр, что «Звук», как бывший секретарь ЦК Компартии США и агент внешней разведки, является ее

ахиллесовой пятой. Согласно данным, имеющимся в резидентуре, он состоит на учете в ФБР как «агент НКВД». «Лука» предложил законсервировать «Звука» и готовить ему замену. Однако работа с агентом все равно продолжалась, пока в связи с арестом Г. Овакимяна весной 1941 года не прервался контакт разведки с ним.

Василий Зарубин действует

Прибывший в начале 1942 года в резидентуру в Нью-Йорке Василий Михайлович Зарубин принял решение о реорганизации всей разведывательной работы в США. Он восстановил связь с Я. Голосом и передал имеющихся у него агентов на связь агентам-групповодам и кадровым разведчикам. Резидент выяснил, что «Звук» руководил агентурной группой, насчитывавшей свыше двадцати человек. Имел агентуру в германской колонии в США, в Госдепартаменте (агент «Брайен»), в военном министерстве (агент «Олфсен»), в Управлении стратегических служб, ряде крупных фирм и т. п. В 1940 году привлек к сотрудничеству с советской разведкой агента «Ронда», работавшего в важном правительственном учреждении. «Ронд» сформировал самостоятельную агентурную группу из числа американцев, работавших в серьезных военных и экономических правительственных учреждениях. В 1943 году он был награжден орденом Красной Звезды.

Положение было явно не нормальным. Нужно было разделить группу на «пятерки», усилить меры конспирации и безопасности в работе, чтобы избежать провалов. Это было тем более необходимо потому, что руководимая Я. Голосом агентурная группа состояла из наиболее ценных сотрудников, которые рассматривали мощь СССР как свой личный вклад в борьбу против нацизма. От приобретенных ценных источников Я. Голос получал важные сведения по экономическим, политическим и научно-техническим вопросам. Передаваемая им информация учитывалась при развитии отношений СССР с США, проведении советским правительством внешнеполитического курса, укреплении оборонного потенциала нашей страны.

Василий Зарубин прежде всего обратил внимание «Голоса» на необходимость укрепления дисциплины и конспирации, поскольку члены его группы лично знали друг друга. Он добился, чтобы завербованные «Голосом» агенты получали под расписку вознаграждение за передаваемую информацию. Это сразу

увеличило отдачу от агентурного аппарата. Из США в Москву стала поступать важная секретная информация, позволявшая Кремлю быть в курсе внешней и внутренней политики США. Резидентура вела также работу и в Латинской Америке, где у нее были источники разведывательной информации.

Кроме того, В. Зарубин поставил задачу по подбору и направлению агентуры в Европу, в том числе в Испанию, Югославию, Англию и Францию. Хуже обстояло дело с вербовкой агентуры для ее вывода в нацистскую Германию, несмотря на то что немецкая колония в США насчитывала свыше 200 тысяч человек. В. М. Зарубин объяснял это тем, что агентурный аппарат резидентуры в США в основном состоял из лиц еврейской национальности, добровольно оказывавших помощь СССР в борьбе против нацизма, ибо они понимали, что только Советский Союз может спасти евреев от тотального уничтожения в случае победы Германии. Разумеется, этих лиц, работавших на советскую разведку из патриотических побуждений, нельзя было использовать для разработки германской колонии в США, а тем более направлять в гитлеровскую Германию.

Руководство внешней разведки высоко оценило разведывательную деятельность Василия Зарубина. Он был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Октябрьской Революции и многими медалями. В 1970 году руководство бывшего Первого Главного управления КГБ СССР вышло с ходатайством о присвоении Василию Зарубину звания Героя Советского Союза. Однако главный идеолог партии, член Политбюро ЦК КПСС Михаил Суслов, запрещавший своему водителю ездить со скоростью свыше 60 километров в час и даже в сухую погоду носивший калоши, отклонил представление КГБ, мотивировав это тем, что в семьдесят шесть лет героями не становятся…

Резидент в США А. Горский

В 1944 году Василия Зарубина на посту главного резидента в США сменил Анатолий Горский, работавший до этого в Великобритании. На новое место работы Анатолий Вениаминович прибыл в октябре 1944 года. В США он курировал разведывательную деятельность сотрудника посольства Великобритании в Вашингтоне, члена «Кембриджской пятерки» Дональда Маклина, с которым он работал в Лондоне, а также

агентурную сеть Якова Голоса. К приезду А. Горского в Вашингтон в США находилось уже восемнадцать оперативных работников и действовали три резидентуры — в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско.

Внешняя разведка органов госбезопасности имела на связи в США до сотни агентов, что позволяло Кремлю быть в курсе всех основных политических, военных и научно-технических проблем этой страны. С целью обеспечения безопасности в работе все агенты были сведены в ряд агентурных групп, возглавляемых агентами-группо-водами. Это значительно упрощало работу с источниками информации, поскольку до этого у каждого оперативного работника «легальной» резидентуры на связи находилось от пяти до двадцати агентов.

Руководимая А. В. Горским резидентура внешней разведки в Вашингтоне имела источники информации в важнейших государственных учреждениях США. В 1944 году она добыла ряд ценных документов правительств США и Великобритании по вопросам послевоенного устройства в Германии и других странах фашистского блока, материалы переписки Ф. Рузвельта с У. Черчиллем о предстоящей оккупации Европы и многие другие ценные сведения. 23 и 28 января 1945 года начальник внешней разведки П. М. Фитин передал Сталину основные документы правительств США и Англии, подготовленные ими к Ялтинской конференции. Эти документы получили высокую оценку и позволили главе государства успешно отстаивать интересы Советского Союза и Польши на переговорах с Рузвельтом и Черчиллем о послевоенных границах в Европе. Весьма успешной была работа руководимого А Горским аппарата по «Манхэттенскому проекту». В 1944 году резидентура научно-технической разведки, возглавляемая заместителем А. Горского Леонидом Романовичем Квасниковым, направила в Центр свыше 400 материалов по этой проблематике, в том числе отчеты по работам крупнейших научных учреждений США в области атомной энергии. Были, в частности, получены: проект первого американского уранового котла, данные о строительстве завода по производству урана-235 и другие не менее важные сведения. Эти материалы представляли громадный интерес и большую ценность для советских ученых и позволили им создать первую советскую атомную бомбу в кратчайшие сроки. В 1995 году пять российских разведчиков, включая самого Леонида Романовича, были удостоены звания Героя Российской Федерации за их выдающийся вклад в создание атомного оружия в нашей стране.

Помимо материалов по «Манхэттенскому проекту», руководимая А. Горским резидентура получила ценные данные по

химическому оружию, сведения по реактивным самолетам различных фирм, представлявшие большой интерес для советских авиаконструкторов, медицинскому оборудованию и эффективным лекарствам, включая антибиотики, а также другие материалы, получившие высокую оценку советских ученых. Научно-техническая разведка добыла в США в годы войны секретную информацию документального характера по урановой энергетике, радиолокаторам для различных родов войск, скоростным и высотным самолетам, гидроакустике, переработке нефти, производству высокооктанового авиационного бензина, синтетического каучука, электронных систем, улучшенных взрывчатых веществ, магнитной защите морских судов, радиосвязи и приводным радиомаякам и т. п. Примерно треть из них нашла применение в народном хозяйстве СССР.

Разведка и «Манхэттенский проект»

В конце 1941 года, когда немцы стояли у ворот Москвы, из Лондона от «Кембриджской пятерки» поступила информация о том, что США и Англия приняли решение координировать свои усилия в работе по атомной энергии с целью создания сверхмощного оружия — урановой бомбы. Позднее от нее же поступили сведения о том, что 20 июня 1942 года У. Черчилль и Ф. Рузвельт договорились строить атомные объекты в США, поскольку Англия подвергалась постоянным налетам германской авиации. Однако первоначально в Москве не придали особого значения информации советской разведки. Шла жестокая война, страна, обливаясь кровью, в одиночку отражала нашествие нацистских полчищ. В этих условиях Л. Берия считал, что сведения о работах в США и Англии над созданием «сверхоружия» лишь призваны отвлечь внимание Советского Союза от нужд обороны.

Положение изменилось лишь в 1942 году. 22 сентября 1942 года принимается постановление Государственного комитета обороны № 2352 «Об организации работ по урану», подписанное Сталиным. Оно обязало Академию наук СССР представить до 1 апреля 1943 года доклад о возможностях создания атомного оружия или уранового топлива. США и Англия продолжали работы над созданием атомного оружия, и в 1943 году они провели встречу в Квебеке между Рузвельтом и Черчиллем (конференция «Сектант»). На ней обсуждались вопросы, связанные с определением сроков открытия второго фронта в

Европе, о чем было публично объявлено. Однако они ни слова не сказали о том, что на конференции «Сектант» было подписано соглашение по работам над проектом «Тьюбал лойз». А в переписке двух лидеров были засекречены совместные работы по созданию атомной бомбы. Соглашение восстанавливало партнерские права Англии над этим проектом, однако при ведущей роли США в этом деле. Они договорились не передавать информацию об этом проекте третьим странам без согласия друг друга. Здесь, разумеется, в первую очередь имелся в виду Советский Союз, хотя в соглашении это не говорилось прямо.

Все пять пунктов текста Квебекского соглашения от 19 августа 1943 года довольно определенно отражали намерение США и Англии держаться вместе, сохраняя союзные отношения, исключающие применение нового оружия друг против друга, но предусматривающие по взаимному соглашению его использование против третьих стран. Нигде в документе не говорилось о Советском Союзе, но весь дух его и буква свидетельствовали об одном: «атомный клуб» носил закрытый характер, его членский состав ограничивался двумя учредителями.

Квебек посеял зерна подозрений. Конференция еще не завершилась, когда 22 августа 1943 года Сталин направил Рузвельту и Черчиллю послание, в котором, имея в виду вопрос о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии, заявлял, что <США и Англия сговариваются, а СССР получает информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдателя». В эти же дни стало известно об отзыве М. М. Литвинова с поста посла СССР в США. Новый посол А. А. Громыко в телеграмме в Москву сообщил, что в США иособо обращают внимание на совпадение данного решения (об отзыве М. Литвинова) с совещанием Рузвельта и Черчилля в Квебеке». Если бы не было других причин, можно было бы подумать, что Сталину стало известно о секретном соглашении от 19 августа по «Тьюбал лойз». Очень может быть, что так оно и было[135].

Как бы там ни было, в ноябре 1943 года Центр информирует резидента НКГБ в Нью-Йорке В. Зарубина о том, что в соответствии с Квебекскими соглашениями в США для работы над «ЭНОРМОЗОМ» (кодовое название в шифрованной переписке советской разведки работ в США над созданием атомного оружия) выехала группа ведущих английских ученых. Среди них — известный физик, член Компартии Германии Клаус Фукс, добровольно предложивший услуги советской разведке. К этому времени в Лос-Аламосе в США уже начался монтаж оборудования

и полным ходом шел подбор персонала. По решению Центра для поддержания контакта с К. Фуксом был выделен агент-связник нью-йоркской резидентуры. Однако контакт с агентом ему удалось установить только в первых числах февраля 1944 года. От агента поступила секретная информация о строительстве завода в Окридже, а также секретные материалы английской делегации. С весны 1944 по январь 1945 года Клаус Фукс работал непосредственно в секретном атомном центре США в Лос-Аламосе, где трудилось 45 тысяч гражданских лиц и несколько тысяч военнослужащих. Здесь созданием первой атомной бомбы занимались двенадцать лауреатов Нобелевской премии в области физики из Европы и США. Но даже на их фоне К. Фукс выделялся своими знаниями, и ему поручалось решение важнейших физико-математических задач, связанных с созданием этого смертоносного оружия. Так, изучив данные английской разведки относительно работ в нацистской Германии над созданием «оружия возмездия», К. Фукс пришел к однозначному выводу: немцы избрали тупиковый путь и создать атомную бомбу до конца войны не сумеют. Этот вывод выдающегося ученого вызвал вздох облегчения у У. Черчилля, опасавшегося атомных бомбардировок Британских островов германской авиацией.

От К. Фукса советская разведка получала не только теоретические расчеты, но и ценные материалы научно-практического значения. Так, в январе 1945 года он передал советскому разведчику Александру Феклисову информацию по урановой бомбе и одновременно сообщил о начале работ в США по созданию урановой бомбы. В начале июня 1945 года состоялась очередная встреча связника резидентуры с К. Фуксом. От агента была получена подробная документальная информация по устройству атомной бомбы. Он проинформировал советскую разведку, что на июль 1945 года намечено испытание первой американской атомной бомбы. Оно состоялось 16 июля в районе Аламогордо (штат Нью-Мексико), в пустынной местности. В это время в Потсдаме, пригороде Берлина, проходила конференция «Большой тройки». Получив шифровку: «Малыш родился. Роды прошли успешно», новый президент США Г. Трумэн ознакомил с ее содержанием У. Черчилля. Оба западных лидера решили сообщить в самой общей форме Сталину о наличии у США сверхмощного оружия огромной разрушительной силы. Вопреки ожиданиям реакция Сталина была поразительно спокойной и сдержанной. Он поблагодарил американского президента за сообщенные сведения и никак на них не реагировал. У. Черчилль и Г. Трумэн подумали, что Сталин просто не понял значения только что услышанного. Однако, как свидетельствует маршал Г.

Жуков, присутствовавший на Потсдамской конференции, он все прекрасно понял. Вернувшись с заседания, Сталин рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре. «Цену себе набивают», — бросил реплику министр иностранных дел. Сталин сразу же позвонил И. Курчатову в Москву и дал указание ускорить работы над созданием советского оружия, которые в нашей стране уже велись с 1943 года. Разумеется, Клаус Фукс не был единственным источником советской внешней разведки по атомной тематике. Так, летом 1944 года неизвестный человек передал в советское генконсульство в Нью-Йорке пакет. При вскрытии пакета оказалось, что в нем находятся совершенно секретные материалы по «Манхэттенскому проекту». Центр оценил их как «исключительно интересные», однако установить связь с визитером резидентуре так и не удалось. Важную документальную информацию по этой тематике удалось получить и уже упоминавшемуся нами разведчику Александру Феклисову. Весьма ценный источник, работавший непосредственно в Лос-Аламосе, удалось приобрести и разведчику-нелегалу И. Ахмерову (оперативный псевдоним «Альберт»).

В одном из интервью для российской печати бывший руководитель ПГУ КГБ СССР Л. В. Шебаршин назвал получение атомных секретов США одним из самых выдающихся достижений за всю историю внешней разведки. Безусловно, ведущая роль в создании советского атомного оружия по праву принадлежит советским ученым. Вместе с тем именно советская внешняя разведка привлекла внимание советского руководства к этой проблеме и своей информацией, в том числе научной и технической документацией, содействовала ускорению создания первой атомной бомбы в СССР. Как отмечал ныне покойный академик Ю. Харитон, при вручении правительственных наград в Кремле участникам советского атомного проекта Сталин, удовлетворенный тем, что американской монополии в этой области уже не существует, заметил: «Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испробовали бы этот заряд на себе».

К счастью, мы не опоздали.

Разведчик-нелегал «Альберт»

Почти одновременно с В. Зарубиным в США для руководства законсервированной с 1939 года агентурой вновь возвратился резидент нелегальной разведки Исхак Абдулович Ахмеров

(«Альберт»). Родился он 7 апреля 1901 года в городе Троице Челябинской области в бедной татарской семье. Его отец умер, когда будущему выдающемуся разведчику было всего несколько месяцев от роду. Мать перебралась к своему отцу — кустарю-скорняку в Царево-кокшайский уезд Казанской губернии, поскольку семья осталась без средств к существованию. Однако ей так и не удалось выбиться из бедности: у деда Исхака и без них хватало едоков, и семья перебивалась, как говорится, с хлеба на квас, да и того было не вдоволь.

Дед потихоньку приучал мальчика к своему ремеслу, которое пригодилось ему в разведывательной работе. С малых лет Исхак познал нужду. Дед умер, когда мальчику было всего двенадцать лет. Подростку пришлось пойти в батраки к местным богатеям. За пять лет самостоятельной жизни он сменил много профессий: был мальчиком на побегушках в галантерейном магазине, работал подмастерьем, курьером и шлифовальщиком в типографии. Позднее стал учеником электромонтера, затем хлебопеком. Но булочная, в которой он работал, закрылась, и Исхак снова нанялся в батраки. Когда в России произошел Февральский переворот, он снова «выбился в люди» — поступил приказчиком в мануфактурный магазин.

Октябрьскую революцию, принесшую татарскому народу избавление от социального и национального гнета, Исхак встретил с воодушевлением. Однако вскоре белогвардейцы, поддержанные иностранными интервентами, развязали в стране Гражданскую войну. Мануфактурный магазин, в котором он работал, закрылся из-за отсутствия товаров, и он по путевке Казанского совета был направлен в Москву на курсы счетоводов. Там, по крайней мере, платили небольшую стипендию и выдавали скромный паек.

В 1918 году после окончания курсов Исхак был направлен на работу в Наркомпрос Татарской Республики. В 1919 году он был принят в партию, а в 1920 году избран депутатом Казанского горсовета. После окончания Гражданской войны И. Ахмеров выразил желание получить высшее образование и в 1921 году был направлен на учебу в Коммунистический университет народов Востока, где стал изучать турецкий язык. Уже через год он был переведен на факультет международных отношений Первого государственного университета (ныне МГУ). Здесь, помимо общеобразовательных дисциплин, он изучал турецкий, французский и английский языки. В 1923 году окончил университет и работал заместителем директора Московского педагогического техникума.

В 1925 году Исхак Ахмеров был переведен на работу в

Наркомин-дел и вскоре командирован в город Термез в полпредство СССР в Бухарской республике. Однако вскоре эта республика вошла в состав Узбекистана, И. Ахмеров был переведен на дипломатическую работу в Турцию в качестве секретаря генконсульства СССР в Стамбуле. В 1928 году он назначается генеральным консулом в Стамбуле и работает в этой должности до 1929 года. Именно к этому периоду относится начало сотрудничества И. Ахмерова с внешней разведкой. Находясь в Стамбуле, он не только усовершенствовал знание турецкого языка, но и получил опыт общения с иностранцами, познакомился с основами вербовочной работы. За период работы в Турции сумел завести обширные связи в иностранной колонии и приобрел ряд ценных источников информации.

После возвращения в Москву И. Ахмеров работал референтом в Наркомате иностранных дел. В марте 1930 года он зачисляется на работу в контрразведывательное подразделение ОГПУ в качестве оперативного работника и вскоре направляется в Бухару, где активно участвует в борьбе с басмачеством. В 1931 году И. Ахмеров возвратился из командировки в Бухару и был зачислен на работу в ИНО ОГПУ и направлен на учебу в Институт красной профессуры, поскольку в те времена специальной разведывательной школы не было. На факультете мирового хозяйства и мировой политики он совершенствует знания, необходимые для работы в разведке.

В 1932 году И. Ахмеров был зачислен в штат ИНО ОГПУ, а уже в январе 1933 года молодой разведчик был приглашен на беседу к начальнику разведки А. Артузову. Тот объявил о решении руководства направить его на работу в Китай по линии нелегальной разведки. В Пекин Исхак Абдулович должен был выехать в качестве турецкого студента-востоковеда, легализоваться в стране и заняться приобретением источников, которые могли бы информировать внешнюю разведку об обстановке в стране и планах белогвардейцев и японцев в отношении СССР.

В Пекин «Юнг» (оперативный псевдоним И. Ахмерова) должен был ехать через Европу, где «турецкоподданному» предстояло получить китайскую визу, а затем на пароходе следовать до одного из китайских портов. Через некоторое время «Юнг» оказался в Риме, где обратился в туристическое агентство для организации поездки в Китай.

Здесь выяснилось, что в Рим ему не обязательно ехать: большинство европейцев направляется в Китай через Советский Союз, поскольку это быстрее, безопаснее и дешевле.

В китайском посольстве он без труда получил въездную визу,

но его предупредили, что для поездки в страну он должен получить еще и советскую транзитную визу. Это тоже не составило большого труда. Однако после посещения советского полпредства в Риме «Юнг» через некоторое время был задержан карабинерами и доставлен в полицию. Выяснив, что причиной посещения «Юнгом» советского дипломатического представительства было получение транзитной визы для поездки в Китай, полицейский чиновник сказал, что претензий к «Юнгу» нет, но, тем не менее, он должен получить в полиции за плату удостоверение личности, позволяющее ему временное пребывание в Италии.

В Пекин разведчик прибыл без приключений. В императорской столице Китая он поступил в американский университет, где обучалась большая группа иностранных студентов. Вскоре он установил отношения с двумя студентами-европейцами. Один из них, англичанин, поддерживал контакты с посольством Великобритании и в беседах с его дипломатами получал полезную информацию о планах Японии в Китае. Ею на доверительной основе он делился с «турецким студентом». Другой студент, прибывший из Швеции, снабжал «Юнга» сведениями о деятельности японцев в Маньчжурии. Эта информация получала положительную оценку в Центре.

В 1934 году «Юнг» возвратился в Москву. Руководство разведки приняло решение направить его на нелегальную работу в США. Завершив непродолжительную подготовку в Центре, «Юнг» в 1935 году выехал в Европу. Прибыв в Женеву, он получил американскую визу и вскоре отбыл из Шербура в Нью-Йорк на французском скоростном лайнере «Нормандия». Прибыв в Нью-Йорк, он устроился на учебу в Колумбийский университет. Помимо легализации, это было необходимо разведчику для совершенствования знаний английского языка: ведь в дальнейшем он должен был выдавать себя за «стопроцентного янки». Спустя некоторое время он с помощью «легальной» резидентуры приобрел документы уроженца США.

Начинать разведывательную деятельность в США «Юнгу» было нелегко. Резидент Базаров («Кин») поручил ему восстановить связь с рядом ранее законсервированных агентов. При этом выяснилось, что часть из них утратила разведывательные возможности. Необходимо было приобретать новые источники информации, но решить эту задачу в одиночку было весьма сложно. Центр направил на подмогу «Юнгу» молодого сотрудника Нормана Бородина, ранее работавшего в европейских странах. К 1936 году в нелегальной резидентуре «Юнга» уже работало шесть сотрудников, в том числе две

женщины.

К этому времени резидентуре удалось создать эффективно действующий агентурный аппарат, в который входило десять ценных источников. От них поступала важная информация не только о политике США в отношении СССР, но и сведения о планах и намерениях стран оси Рим — Берлин — Токио, которая особенно ценилась в Москве. В июне 1938 года резидент Базаров был отозван в Москву и репрессирован. После отъезда «Кина» по указанию Центра «Юнг» возглавил резидентуру и успешно руководил работой ее агентурного аппарата.

Одним из ценных источников резидентуры «Юнга» был агент «Аркадий», имевший отношение к деятельности военных учреждений США. Однако он был неопытен в делах разведки, приносил на встречи большое количество секретных документов, поэтому «Юнгу» пришлось обучить его фотографированию секретных материалов, чтобы передавать их оперработнику в непроявленной пленке. В случае опасности ее вместе с содержащейся информацией можно быстро уничтожить.

Ценную военно-политическую информацию «Юнг» получал от агента «Норда», который работал в военном министерстве и получил доступ к докладам военных атташе США за рубежом, а также к принимаемым по этим докладам решениям. Однако самым ценным источником «Юнга» был агент «Корд», занимавший видное положение в Госдепартаменте США. Завербован он был на идейнополитической основе. Будучи антифашистом по убеждениям, он отдавал себе отчет в том, что только Советский Союз может остановить агрессию Гитлера в Европе, поэтому сознательно шел на углубление сотрудничества с советской разведкой.

Поступавшая от «Корда» информация высоко оценивалась в Центре и регулярно докладывалась высшему советскому руководству. Она позволяла Кремлю быть в курсе позиции США по многим международным проблемам. В числе получаемых от него материалов были, в частности, проекты американских резолюций на международных конференциях, доклады послов США в Берлине, Лондоне, Париже и других европейских столицах.

Помощница резидента «Таня»

Случилось так, что по приезде в США «Юнг» привлек к сотрудничеству в качестве содержательницы конспиративной

квартиры американку Хелен Лоури (оперативный псевдоним «Таня»), племянницу генерального секретаря Компартии США Эрла Браудера. «Таня» оказалась великолепным связником. Работала она смело и энергично: приобрела несколько конспиративных квартир, участвовала в мероприятиях по получению надежных американских документов для вновь прибывающих сотрудников нелегальной резидентуры «Юнга». Она также лично добывала интересную информацию из кругов высшей американской администрации, используя свои личные связи среди сотрудников аппарата Белого дома.

«Таня» была молодой и красивой девушкой, и «Юнг», часто встречавшийся с ней, влюбился в свою помощницу. «Таня» ответила ему взаимностью, и они решили пожениться. В ноябре 1939 года «Юнг» получил телеграмму Центра, в которой ему предлагалось выехать в Москву для отчета о проделанной работе. В ответ разведчик направил на имя наркома внутренних дел Л. Берии рапорт с просьбой разрешить ему вступить в брак с «Таней» и вместе с ней прибыть в Москву. Это привело в негодование Лаврентия Берию. Вызвав к себе начальника разведки П. Фитина, он безапелляционно заявил, что «Юнг» завербован американским ФБР и теперь вместе с их «шпионкой» едет в Москву. Нарком приказал П. Фитину разобраться с разведчиком.

Павлу Михайловичу пришлось затратить много сил и красноречия, чтобы рассеять необоснованные подозрения Берии. По его указанию была подготовлена справка о работе «Юнга» в качестве резидента нелегальной разведки. В ней давалась высокая оценка поступавшей от него информации. Было особо отмечено, что «Таня» является племянницей лидера американских коммунистов Эрла Браудера, которого высоко ценит сам Сталин. Очевидно, этот аргумент сыграл не последнюю роль в том, что «Юнг» уцелел. Л. Берия опасался вызвать гнев вождя и дал добро на этот брак. Правда, в дальнейшем Берия отыгрался на оперработнике. Когда в январе 1940 года «Юнг» прибыл в Центр, Берия распорядился понизить его в должности до… стажера американского отделения внешней разведки. Впрочем, не одного его. Такая же судьба была и у других разведчиков, отозванных наркомом из-за рубежа, в том числе В. Зарубина. К счастью, оба они уцелели, что в те времена было немаловажно. Последовали почти два года проверок «Юнга». Находившаяся у него на связи агентура была частично законсервирована, частично передана на связь «легальной» резидентуре.

С началом Великой Отечественной войны советское руководство приняло решение резко активизировать деятельность нелегального подразделения внешней разведки не только в

Германии и оккупированных ею странах, но и в США. В соответствии с этим решением руководство внешней разведки вышло с предложением расконсервировать нелегальную агентуру в США и срочно возвратить туда «Юнга» и «Таню», которая приняла советское гражданство. В июле 1941 года Берия утвердил это предложение П. Фитина, и «Альберт» (новый оперативный псевдоним И. Ахмерова) стал собираться за океан.

В августе 1941 года внешняя разведка направила его вместе с женой Еленой в Китай, а затем в Гонконг. В США они прибыли в начале 1942 года по чужим документам. Добравшись на пароходе до Нью-Йорка, супруги-нелегалы перешли на свои старые американские паспорта. В марте 1941 года «Альберт» вместе с женой поселился в Балтиморе, в часе езды от Вашингтона, где работали его основные агенты. Они занимали солидные посты в администрации, Госдепартаменте, министерстве финансов, Управлении стратегических служб (разведка). С согласия Центра он организовал небольшую коммерческую фирму по пошиву готового платья и меховой салон, владелец которого (псевдоним «Хозяин») еще в предвоенное время оказывал ему помощь в работе. И. Ахмеров стал компаньоном фирмы и предложил ее расширить и поставить на более солидную основу. Два-три раза в месяц «Альберт» ездил в Вашингтон, где приходилось задерживаться большей частью в субботу и воскресенье, проводил встречи с агентурой и получал от нее информацию.

Источники «Альберта» снабжали его сведениями о военных планах Германии, политике нацистского рейха в оккупированной Европе, экономическом положении этой страны и ее стратегических ресурсах. Важное место в информации нелегальной резидентуры, возглавляемой Ахмеровым, занимали вопросы деятельности нацистских спецслужб и их «пятой колонны» в США, а также агентуры гестапо, внедренной в советские учреждения в этой стране. Поступала от него и информация о действиях политических кругов в США, направленная на подрыв антигитлеровской коалиции и заключение сепаратного мира с Германией. В общей сложности в Центр было направлено более двух с половиной тысяч микропленок с информацией от источников «Альберта», что составляло 75 тысяч машинописных листов.

В связи с мировой войной условия работы в США значительно усложнились по сравнению с довоенным периодом. Усилилась работа контрразведки по иностранцам и наблюдение за секретоно-сителями в самих США. Центр писал «Альберту»: «Мы прекрасно понимаем, что условия для работы в стране стали более сложными, чем они были в мирное время, особенно для

нелегалов. Совершенно естественно, что спецслужбами предпринимаются меры предосторожности. Поэтому надо перестроить работу применительно к новым, более сложным условиям».

Работа «Альберта» в США затруднялась еще и тем, что он по возрасту подпадал под мобилизацию в армию, так как разведчику в 1942 году исполнился 41 год. В начале 1942 года он прошел военную регистрацию и заполнил анкету на тринадцати листах. «Альберт» был приведен к присяге, после которой председатель призывной комиссии объявил разведчику, что ему, как женатому человеку, вероятно, будет предоставлена отсрочка от армии. По указанию Центра разведчик стал готовить агентуру к передаче на связь своей жене. Одновременно им принимались меры по освобождению от военной службы. Через знакомых врачей ему удалось получить необходимую справку о плохом состоянии здоровья и тем самым освободиться от призыва на военную службу.

К тому времени «Альберт» располагал надежной агентурой в Государственном департаменте США, Администрации зарубежной экономики, Управлении департамента военной промышленности, ФБР, министерстве юстиции и других важных правительственных учреждениях. Один из его источников получал информацию о работах по созданию атомной бомбы в США («Манхэттенский проект»). Источник в УСС добывал документальные материалы о военной инфраструктуре США, мероприятиях по подготовке военных операций.

Накануне Тегеранской конференции «Альберт» добыл от своих источников в Госдепартаменте США информацию о планах и намерениях американцев, мнении президента Ф. Рузвельта относительно сроков открытия второго фронта, а также об инструкциях, полученных делегацией США.

Возглавляемая им нелегальная резидентура регулярно информировала Кремль о позиции администрации Ф. Рузвельта по всем международным вопросам, особенно накануне встреч «Большой тройки». Это позволяло Сталину быть в курсе позиции президента США, знать, на какие уступки может пойти американская делегация, какие разногласия существуют у нее с англичанами, и успешно защищать интересы Советского Союза.

Сообщения разведки, разумеется, облегчали эту задачу. Утверждения Сергея Гегечкори, содержащиеся в книге «Мой отец — Лаврентий Берия», что Сталин якобы дал указание резидентуре в Тегеране прослушивать разговоры Ф. Рузвельта, а он переводил и докладывал ему их содержание, являются просто вымыслом. Сталин, без сомнения, понимал, что в случае установления

подслушивающей аппаратуры в апартаментах президента США американские спецслужбы без труда обнаружат «жучки». Это могло бы привести к большим политическим осложнениям и даже к срыву конференции. Пойти на такой риск он, конечно, не мог, да и не нуждался в нем: советская разведка всесторонне и полно информировала Верховного Главнокомандующего обо всех нюансах американской и английской позиции. К тому же самого Сергея, носившего в то время фамилию Берия, на Тегеранской конференции просто-напросто не было за его ненадобностью.

Сведения из возглавляемой «Альбертом» нелегальной резидентуры шли действительно важные. 17 сентября 1944 года газета «Правда» опубликовала сообщение собственного корреспондента в Каире, в котором со ссылкой на «заслуживающие доверия круги» говорилось о состоявшейся встрече министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с английскими руководящими деятелями с целью выяснения условий сепаратного мира. В основе его сообщения лежали документальные материалы, добытые резидентурой «Альберта». От его источника в УСС были также получены и доложены Сталину сведения о сепаратных переговорах регионального резидента американской разведки в Европе А. Даллеса с генералом СС Карлом Вольфом в Берне. В этой связи Сталин направил Рузвельту послание, из которого следовало, что он не возражает в принципе против таких контактов, однако настаивает на участии в них представителей советской стороны, с тем чтобы не позволить гитлеровцам на заключительном этапе войны расколоть союзников и обеспечить себе максимально выгодные условия капитуляции.

Сталин идет на определенный риск — раскрывает своим союзникам сведения, полученные разведкой, и прямо говорит об этом. Тем самым он дает понять им, что союзники нарушили «правила игры», поддавшись на предложения нацистов начать сепаратные переговоры. Эти зондажи велись уже с ведома Гитлера, который дал строжайшие указания устанавливать контакты с представителями западных держав с целью заключения сепаратного мира с США и Англией и совместного выступления с ними против СССР. Сталин дал понять, что это ему известно. В ответ на письмо Рузвельта, в котором говорилось, что Сталина подвели его информаторы, он пишет: «Что касается моих информаторов, то уверяю Вас, что это очень честные, скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо». Это было высокой оценкой работы нелегальной резидентуры «Альберта», агент которого непосредственно участвовал в переговорах.

После окончания войны перед резидентурой «Альберта» были поставлены новые задачи, в том числе по розыску нацистских преступников, укрывшихся за океаном. За работу по «Манхэттенскому проекту» он был удостоен ордена Красного Знамени. Однако в 1945 году в связи с предательством источника «легальной» резидентуры Элизабет Бентли деятельность его нелегального аппарата пришлось свернуть. Созданная разведчиком и его помощниками агентурная сеть была законсервирована, а он сам и его жена Елена Джоновна в начале 1946 года были успешно выведены в СССР.

В одном из итоговых документов советской внешней разведки того времени говорится: «В годы войны наиболее эффективно в США работала резидентура, возглавлявшаяся разведчиком-нелегалом “Альбертом”». Для весьма скупой на похвалы секретной службы это очень высокая оценка деятельности И. Ахмерова. Это также признание заслуг всех сотрудников советской внешней разведки в США, ее добровольных помощников, работавших не за деньги, а в силу своих убеждений и патриотического долга. Благодаря им советская разведка органов государственной безопасности смогла в суровые годы военного лихолетья обеспечить советское руководство важнейшей военно-политической, научно-технической и экономической информацией и тем самым внесла весомый вклад в достижение Великой Победы[136].

Фотографии

Яков Голос — первые годы в США

Нью-Йорк. Здание «Амторга» на Пятой авеню

Вашингтон. Здание посольства России-СССР

Нью-Йорк. Генеральное консульство СССР, д. 7 на 61-й Восточной улице

Людвиг Мартенс (справа) и С. Нуортева

Яков Голос с женой Силией и сыном Мильтоном (Дмитрием). Приблизительно 1927 г.

Арнольд Финкельберг

Артур Артузов

Артур Адамс

Григорий Рабинович

Президент США Франклин Делано Рузвелт

Небоскреб «Утюг» в Нью-Йорке

Абрам Слуцкий

Петр Гутцайт

Элизабет Бентли

Гарри Голд

Павел Фитин

Шеф ФБР Джон Эдгар Гувер

Моррис Коэн

Леонтина Коэн

Бойцы интернациональной бригады в Испании

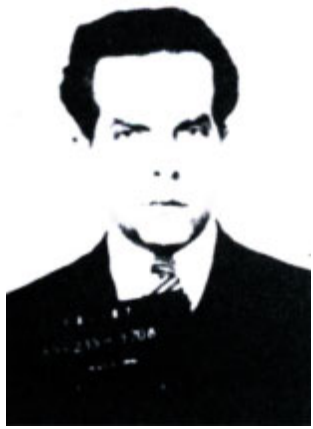
Александр Орлов в Испании

Яков Голос. 1938 г.

Семья посла В. Додда. Крайняя слева - Марта

Исхак Ахмеров

Гайк Овакимян



Гайк Овакимян в американской тюрьме

Семен Семенов

Александр Феликсов

Анатолий Яцков

Леонид Квасников

Григорий Хейфец

Уильям Донован — адвокат

Уильям Донован — генерал

Василий Зарубин

Елизавета Зарубина

Элджер Хисс

Натан Грегори Сильвермастер

Лоуклин Керри

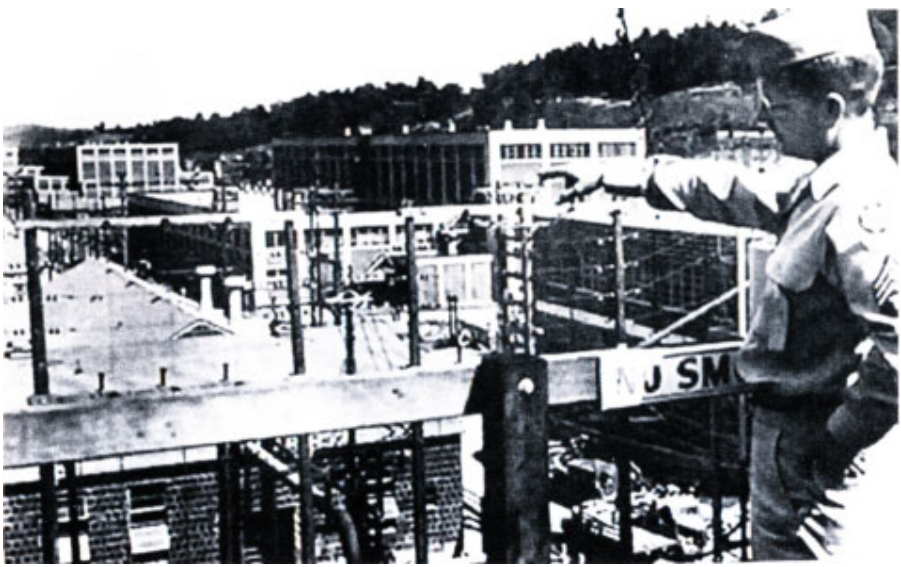
Гарри Декстер Уайт

Виктор Перлоу перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности

Нью-Йорк. Нижний Бродвей

Юлиус Розенберг

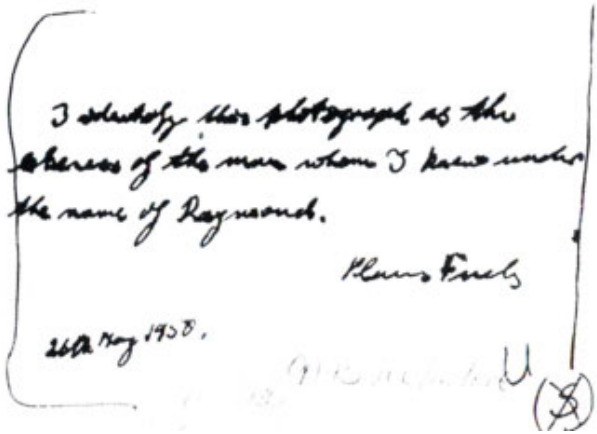
Этель Розенберг



КПП в атомном центре Ок-Ридж

Клаус Фукс в тюрьме

Гарри Голд (снято скрытой кинокамерой агентами ФБР)



По этой фотографии К. Фукс опознал «Раймонда»

Яков Голос. Последнее фото 1940 г.

Дмитрий (Мильтон) Голос. Приблизительно 1990 г.

Библиография

Анин Б. Радиоэлектронный шпионаж. — М., 2000.

Антонов В., Карпов В. Тайные информаторы Кремля. Нелегалы. — М., 2002.

Гладков Т. Жизнь Большого Билла. — М., 1960.

Гладков Т. Джон Рид. — М., 1966.

Даллес А. Искусство разведки. — М., 1992.

ДаллинД. Шпионаж по-советски. — М., 2001.

Дамаскин И. Разведчицы и шпионки. — М., 1999.

Долгополов Н. Они украли бомбу для Советов. — М., 2000.

Де Грамон С. История шпионажа. — Смоленск, 2002.

История российской внешней разведки: очерки: в 6 т. — М., 2014.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. — СПб.; М., 2004.

Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ приказано ликвидировать. — М., 2004.

Колпакиди А., Прохоров Д. Спецоперации советской разведки. — М., 2000.

Лайнер Л. «Венона» — самая секретная операция американских спецслужб. — М., 2003.

Найтли Ф. Шпионы XX века. — М., 1994.

Очерки истории российской разведки: в 6 т. Т. 3. — М., 1997.

Павлов В. Операция «Снег». — М., 1996.

Павлов В. Трагедии советской разведки. — М., 2000.

Позняков В. В. Советская разведка в Америке. 1919—1941. — М., 2005.

Полмар П., Аллен Т. Б. Энциклопедия шпионажа. — М., 1999.

Прохоров Д., Лемехов О. Перебежчики. — М., 2001.

Сейере М., Кан А. Тайная война против Америки. — М., 1947.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1996.

Фетисов А. Признание разведчика. — М., 1999.

Холловэй Д. Сталин и атомная бомба. — Новосибирск, 1997.

Чертопруд С. Научно-техническая разведка. — М., 2002.

Чиков В. Нелегалы: в 2 т. — М., 1996.

Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII—XX века. — М., 2001.

Энциклопедия секретных служб России. — М., 2003.

Albright, Joseph & Kunstel, Mareia. Bombshell: The Secret Story of America's Unknown Atomic Spy Conspiracy. N.Y., 1997.

Andrew, Christopher & Mitrokhin, Vasil The Mitrokhin Archive.

Penguin Group. London, 1999.

Bentley, Elizabeth. Oat of Bondage. N.Y., 1951.

Brown, Anthony Cave & MacDonald, Charles B. On a Field of Red. The Communist International and the Coming of World War II. N.Y., 1981.

Brysac, Shareen Blair. Resisting Hitler. N.Y., 2000.

Cook, Fred J. The FBI Nobody Knows. London, 1965.

Corson, William R., Crowley, Robert T. The New KGB. Engine of Soviet Power. N.Y., 1986.

Haynes, John Earl, Klehr, Harvey. Venona: Decoding Soviet Espionage in America. Yale University, 1999.

Kessler, Lauren. Clever Girl. N.Y., 2003.

Klehr, Harvey, Haynes, John Earl, Firsov, FI. The Secret World of American Communism. Yale University, 1995.

Lamphere, Robert & Schachtman Tom. The FBI-KGB War. A Special Agent's Story. N.Y., 1986.

Olmsted, Kathryn S. Red Spy Queen. A Biography of Elizabeth Bentley. North Carolina, 2002.

Pilat, Oliver. The Atom Spies. N.Y., 1952.

Romerstein, Herbert. The KGB Against the «Main Enemy*. Canada, 1989. *Romerstein, Herbert & Breindel, Eric.* The Venona Secrets. Washington, 2000. *Schneir, Walter & Schneir, Miriam.* Invitation to the Inquest. N.Y., 1968.

Toledano de, Ralph. The Greatest Plot in History. N.Y., 1977.

Weinstein, Allen & Vassiliev, Alexander. The Haunted Wood. N.Y., 1999.

Wright, Peter. Spycatcher. N.Y., 1988.

Об авторе

Гладков Теодор Кириллович (1932–2012) — член Союза писателей России, Международного союза журналистов, Общества по изучению истории отечественных спецслужб, действительный член Академии изучения проблем национальной безопасности. В 1955 году окончил философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Работал в центральной печати, на радио и телевидении. Неоднократно выезжал в «горячие точки» во Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Эфиопию и другие страны. Автор более тридцати литературных произведений, телевизионных и радиопередач. Был также консультантом многих художественных и документальных фильмов.

notes

Примечания

1

Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1996. — С. 259.

2

Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 3. — М., 1997. — С. 180–190.

Там же. — С. 189–190.

4

Павлов Б. Трагедии советской разведки. — М., 2000. — С. 145–147.

5

В 1926 году Екатеринослав был переименован в Днепропетровск, в честь первого председателя ЦИК Украины Г. И. Петровского. В октябре 1905 года Петровский руководил в городе всеобщей забастовкой, переросшей в вооруженное восстание. В 1912 году большевик Петровский был избран от рабочих Екатеринослава депутатом IV Государственной думы.

6

До суда Я. Рейзен год с небольшим содержался в тюрьме.

7

В США все штаты и некоторые города имеют неофициальные названия, девизы, песни, а также символы: растения, животные, рыбы, цветы и т. п. Так, Нью-Йорк называют Городом большого яблока (изображение яблока встречается даже на автомобильных номерах). Калифорнию называют Золотым штатом. Один из символов Калифорнии — гигантская секвойя. Техас — Штат одинокой звезды, символ-насекомое штата Миссисипи — пчела и т. д.

8

Примечательно, что лучший советский литературно-художественный и публицистический журнал «Новый мир», основанный в 1925 году, перенял не только название газеты, но и — один к одному! — ее логотип.

9

Настоящее имя — Михаил Вениаминович Хилкович. В семнадцать лет вместе с родителями эмигрировал в Америку из России.

10

Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. — 2-е изд. — М.: Иностранная литература, 1955. — С. 527–528.

11

Чарльз Рутенберг скончался в тюрьме в 1927 году. Согласно завещанию его прах был привезен в Москву и захоронен у Кремлевской стены.

12

Джон Рид скончался в Москве в октябре 1920 года от брюшного тифа в возрасте тридцати трех лет. Его прах также захоронен у Кремлевской стены.

13

Арнольд Финкельберг является дедушкой автора данной книги. — Прим. ред.

14

Академик А. В. Винтер был не только крупнейшим теоретиком в своей области, но и практиком. Он, в частности, возглавлял строительство Шатурской ГРЭС, Днепрогэса и многих других электростанций.

15

Установить, кто именно информировал Советское правительство об этих художествах Бахметьева, сегодня не представляется возможным. Скорее всего, по мнению автора, этим «разведчиком» был кто-то из сотрудников посольства, сочувствующий советской власти.

16

Лишь 30 июня 1922 года правительство США уведомило «посла» Бахметьева о прекращении его полномочий. Прошло одиннадцать лет. Новый, только что избранный тридцать второй президент США Франклин Делано Рузвельт инициировал восстановление дипломатических отношений между США и СССР. 20 ноября 1933 года уже известный тогда дипломат Александр Трояновский был назначен полпредом (послом) СССР в США и занял кабинет в столь долго пустовавшем особняке… Уже на следующийдень (вместо обычных трех недель) он был принят президентом Рузвельтоми вручил ему свои верительные грамоты.

17

СТО был органом по руководству хозяйственным строительством и обороной. Возглавлялся В. И. Лениным.

Вскоре, однако, оно свою деятельность возобновило. После образования в декабре 1922 года СССР стало именоваться «Информационное бюро Советского Союза».

19

Как уже было сказано выше, для перевода А. Адамса в Разведупр требовалось решение «инстанции». По поручению Я. Берзина его заместитель А. Артузов 25 октября 1934 года обратился в ЦК ВКП(б) с ходатайством: «Просим откомандировать в распоряжение Разведуправления РККА т. Адамса Артура Александровича…» Санкция была получена.

20

Введенные в 1935 году персональные воинские звания «корпусный командир» (комкор) и «корпусный комиссар» примерно соответствовали нынешнему званию «генерал-лейтенант».

21

Особо значителен вклад А. Адамса в решение атомной проблемы. Занимаясь ею, помимо других дел, «Ахилл» отправил в Москву несколько тысяч (!) листов документов. Из Разведупра их немедленно передавали наркому химической промышленности СССР М. Г. Первухину, непосредственно занимавшемуся созданием советской атомной бомбы. Нарком, в свою очередь, направлял их в обезличенной форме академику И. В. Курчатову. Кроме того, «Ахилл» переслал в Москву флакон так называемой тяжелой воды, кусок урана в цинковой оболочке, два маленьких кусочка урана, один маленький кусочек бериллия… Наконец, в середине 1944 года А. Адамс стал обладателем совершенно секретной информации, которая не была тогда доведена до сведения даже вице-президента США Гарри Трумэна. А именно: что узкий круг руководства страны, даже еще не имея атомного оружия, уже планирует сбросить первые атомные бомбы на японские города! Какиеименно — будет окончательно решено в зависимости от количества изготовленных смертоносных изделий…

Даллин Д. Шпионаж по-советски. — М., 2001. — С. 373.

23

Долгое время советские дипломатические миссии за границей назывались полномочными представительствами (полпредствами), а их главы, соответственно, полпредами. Это создавало массу трудностей по части соблюдения строгостей дипломатического протокола. Лишь в мае 1941 года полпредства СССР стали именоваться, как это принято во всем мире, посольствами, а их главы — послами.

24

Командарм второго ранга И. Халепский, в 1937–1938 годах нарком связи СССР, расстрелян в 1938 году. Посмертно реабилитирован. А. Туполев провел в тюрьме, работая в «шарашке», несколько лет. П. Баранов погиб в 1933 году в авиакатастрофе.

25

Советское руководство сделало определенные выводы после ликвидации АИК. Впредь — никаких автономных предприятий! Иностранные инженеры и высококвалифицированные рабочие теперь приглашались в СССР на определенный срок лишь как наемные специалисты, так называемые спецы.

26

Своего рода эвфемизм: термин «инстанция» применялся только по отношению к ЦК ВКП(б), позднее к ЦК КПСС.

27

Орграспредотдел ЦК ведал тогда назначением и перемещением номенклатурных, то есть ответственных партийных, работников.

Были и другие, более отдаленные страшные последствия сталинской коллективизации и репрессий. Многие сотни тысяч бывших раскулаченных, а также их детей и иных репрессированных соотечественников, не простив ничего советской власти, добровольно в годы Великой Отечественной войны служили немцам в полиции, во власовской армии, да и самом вермахте…

29

Примечательно, что все попытки засадить в тюрьму знаменитого гангстера Аль Капоне за многочисленные тяжкие преступления, в том числе убийства, провалились. Однако его все же упрятали в тюрьму на десять лет за доказанную… неуплату налогов с преступно нажитых миллионов!

30

Я.-А. Тылтынь в 1937 году был репрессирован и умер в заключении в 1942 году. М. Тылтынь уже после возвращения из США самостоятельно работала в Финляндии с нелегальных позиций. Была арестована, осуждена и умерла в заключении в 1938 году в возрасте сорока двух лет.

31

М. С. Штерн репрессирован в 1938 году. Умер в заключении в 1954 году.

32

Немногим ранее звания Героя Российской Федерации был удостоен еще один выдающийся военный разведчик — Ян Петрович Черняк. «Золотую Звезду» ему вручили в госпитале за неделю до кончины. До этого его единственной наградой также была медаль «За победу над Германией».

33

Автору довелось в 60-е годы минувшего века, годы агрессии США во Вьетнаме, видеть в действии американские беспилотные самолеты-разведчики.

Старший сын Фред также был советским разведчиком и трагически погиб в годы войны в Африке.

35

См., в частности: *Дамаскин И.* Семнадцать имен Китти Харрис. — М., 1999.

36

Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 3. — М., 1997. — С. 185.

37

Этот паспорт хранится в досье Орлова в архиве Службы внешней разведки Российской Федерации.

38

О жизни и деятельности выдающегося советского разведчика см. книгу Теодора Гладкова в серии «ЖЗЛ» изд-ва «Молодая гвардия» «Коротков» (М., 2005). О необычной жизни и судьбе Александра Орлова см. книгу Олега Царева и Джона Костелло «Роковые иллюзии» (М., 1995).

39

Даллин Д. Шпионаж по-советски. — М., 2001. — С. 379.

Brown, Anthony Cave & MacDonald, Charles D. On a Field of Red. The Communist International and the Coming of World War II. N.Y., 1981.

41

Это специальное звание соответствовало званию командарма второго ранга в РККА (четыре ромба в петлице). А А Слуцкий скоропостижно скончался 17 февраля 1938 года от приступа острой сердечной недостаточности, находясь на приеме в кабинете замнаркома НКВД М. П. Фриновского, что породило версию о его отравлении по приказу наркома Н. И. Ежова.

42

П. Д. Гутцайт в 1938 году был отозван в Москву и назначен начальником НТР Центра внешней разведки. Вскоре арестован и 21 февраля 1939 года приговорен к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян. В 1956 году реабилитирован.

43

В те годы в мире три человека носили официально титул «вождь»: фюрер Германии Гитлер, дуче Италии Муссолини и каудильо Испании Франко. По окончании Второй мировой войны в мире было лишь три генералиссимуса: Иосиф Сталин в СССР, Чан Кайши в Китае и… Франсиско Франко в Испании.

44

Маккензи, Вильям Лайон (1795–1861) — журналист шотландского происхождения, поднявший в 1837 году восстание против канадского правительства, завершившееся поражением.

45

Папино, Луи-Джозеф (1786–1871) — лидер канадцев французского происхождения в Нижней Канаде (ныне Квебек). Также активный участник неудавшегося восстания 1837 года.

46

Спустя много лет, уже после окончания Второй мировой войны и в разгар холодной, паспортные службы Госдепартамента США с ужасом установили, что советские разведчики успешно пользуются подлинными американскими паспортами. Тогда они пошли на беспрецедентный и дорогостоящий шаг: спешно заменили старые загранпаспорта в красной обложке на новые — уже в обложке зеленого цвета.

47

Монро, Джеймс (1758–1831) — пятнадцатый президент США Автор ставшей одиозной доктрины Монро. Российский посол в США А. Кассини в телеграмме в МИД от 5 февраля 1904 года так изложил ее суть: «Федеральное правительство… стремится применять ее принципы только в свою пользу. Не допуская ничьего вмешательства во все, что касается Американского материка, оно одновременно с этим, особенно за последнее время, выказывает стремление вмешиваться в вопросы, касающиеся исключительно Европы и Азии…» Похоже, что с 1823 года, когда была провозглашена доктрина Монро, во внешней политике США не изменилось ничего.

48

В США «Твен» привлек к сотрудничеству свыше двадцати агентов, в том числе весьма ценных. В частности, через них были получены важные сведения по взрывчатым веществам, радиолокации, авиации, атомному оружию. В конце 1943 года перед реальной угрозой разоблачения был отозван в Москву. В 1944 году направлен во Францию как заместитель резидента по НТР. В 1930 году, в период печальной борьбы с «космополитизмом», из МГБ уволен без пенсии. Работал по гражданской профессии на фабрике переводчиком технической литературы. Лишь в 70-х годах по приказу Ю. В. Андропова С. М. Семенов восстановлен в кадрах разведкис присвоением заслуженной пенсии подполковника.

49

По возвращении в США участники всех трех американских батальонов XV Интернациональной бригады создали общественное объединение, которое назвали «Ветераны бригады имени Авраама Линкольна». Это иногда вносит путаницу в историческую литературу. На самом деле бригады под таким названием в Испании никогда не было. Так назывался лишь один из трех батальонов.

50

Маршалы США — вовсе не обладатели высшего воинского звания. Такового в вооруженных силах США вообще не существует. Высшее воинское звание там, соответствующее званию Маршала Советского Союза, или ныне России, — это звание генерала армии (в просторечии — «пятизвездного генералам, то есть с пятью звездами на погонах и пилотке). Присваивается только в военное время. Маршалы же США — это федеральные служащие, выполняющие функции, сходные с функциями шерифов, они обеспечивают охрану свидетелей, выполняют некоторые другие обязанности судебных приставов и т. п.

51

Большое жюри — коллективный орган предварительного изучения дела. Формируется по тому же принципу, что и коллегия присяжных. Однако в отличие от последней не решает вопрос о виновности подследственного. Оно отвечает лишь на вопрос: имело ли место нарушение закона и, следовательно, должно ли дело быть передано в суд или прекращено.

52

Обычная практика американского правосудия, означающая следующее. К примеру, подсудимому вынесен приговор: от года до трех лет тюремного заключения. Через год, следовательно, он может быть освобожден досрочно за хорошее поведение. А может просидеть и полтора, и два, но не более трех лет. В данном случае срок был вынесен условный, но это не меняет сути дела.

53

Американцы почему-то (как и англичане) называют Джорджией также… Грузию. Однако упомянутый штат получил свое наименование не в честь далекой страны на Кавказе, о существовании которой тогдашние его жители и не подозревали, и не в честь Святого Георгия, но в честь английского короля Георга 11.

Франклин Д. Рузвельт при этом руководствовался отнюдь не только гуманными соображениями, но и сугубо политическими: в эти дни его гостем был заместитель предсовнаркома СССР и нарком иностранных дел Вячеслав Молотов, второе лицо в партийно-государственной иерархии Советского Союза после Иосифа Сталина.

Существенные расхождения в законодательствах различных штатов существуют и по сей день. Так, более чем в половине штатов сохраняется смертная казнь в виде умерщвления на электрическом стуле, повешения, газовой камеры, расстрела или смертельной инъекции. По выбору, то есть свободному волеизъявлению приговоренного. Что, безусловно, демократично и гуманно…

Даллин Д. Шпионаж по-советски. — М., 2001. — С. 363.

Правда, после смерти «Звука» Силия Голос получила в Москве пенсию, а также была поставлена на медицинское и иное обслуживание как вдова полковника органов госбезопасности.

58

Молодому читателю будет интересно узнать, что в СССР вплоть до его распада во всех учреждениях на праздники все пишущие машинки сносились в одно помещение, которое опечатывалось. Кроме того, образцы шрифтов всех машинок хранились в соответствующих отделах НКВД-МГБ-КГБ.

59

В США первая ученая степень присваивается лицам, окончившим колледж или четыре курса университета.

60

Не все россияне знают, что Нью-Йорк расположен на 40° северной широты. Это уровень Бухары, много южнее Баку и Еревана. В сентябре здесь жарко!

61

Эйб — сокращенно от Абрахам. Поэтому в США купюру в пять долларов, на которой изображен президент Абрахам Линкольн, называют в обиходе «эйбом».

62

Де Граамон. История шпиона. — Смоленск: Русич, 2002. — С. 117.

63

Чиков В. Нелегалы. Досье КГБ № 13676. — М., 1997. — Т. 2. — С. 272.

Чиков В. Нелегалы. Досье КГБ № 13676. — М., 1997. — Т. 2. — С. 278.

Судя по некоторым признакам, А. Граур, направленный на работу в НКВД в 1938 году, был изначально заражен вирусом подозрительности и поисков «врагов народа». В 1953 году полковник А. Граур в возрасте всего сорока восьми лет был уволен на пенсию по состоянию здоровья. Еще через три года он с признаками явного психического расстройства покончил с собой.

Чиков В. Нелегалы. Досье КГБ № 13676. — М., 1997. — Т. 2. — С. 287.

Дамаскин В. А. Сталин и разведка. — М., 2004. — С. 205.

68

Принята Вторым Континентальным конгрессом в ходе Войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 годов. Провозглашала отделение колоний от метрополии — Великобритании и образование самостоятельного государства — США.

69

Мужчин, точнее небольшое количество солдат-ветеранов, в Вассар стали принимать лишь после Второй мировой войны. Он и по сей день остается преимущественно женским высшим учебным заведением. В числе наиболее известных выпускниц Вассара, к примеру, знаменитая киноактриса Джейн Фонда.

70

Так называли принятую в 1919 году Восемнадцатую поправку к Конституции США о запрещении производства, продажи и транспортировки спиртных напитков. Эта поправка была отменена лишь в 1933 году принятием Двадцать первой поправки к Конституции.

Примечательно, что после падения в Италии фашистского режима и окончания Второй мировой войны в обновленной демократической Италии мафии в стране возродились как ни в чем не бывало!

72

В американской литературе имя Голоса пишется и читается, естественно, в английском варианте — Jacob — Джейкоб, уменьшительно — Джейк (библ. Иаков). В данной книге автор будет придерживаться, конечно, русского написания — Яков и Яша.

Эта историческая фраза уже сама по себе объясняет, почему именно Гарри Трумэн стал тем президентом великой страны, который недрогнувшей рукой подписал приказ об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, когда всему миру было очевидно, что Япония войну проиграла.

Lend-lease (англ.) — сдача в аренду, взаймы и т. п.

75

Президент Трумэн патологически ненавидел Советский Союз. По его распоряжению уже 20 сентября 1945 года, то есть всего через две недели после капитуляции Японии, Соединенные Штаты прекратили поставки по ленд-лизу в СССР. Бывший министр финансов Генри Моргентау писал впоследствии, что правительство США проявило тем самым настоящую жестокость, «отрезав наших союзников от помощи в то время, когда они еще были изуродованы и искалечены войной».

Анфилов В. А, Анфилов Ф. И. Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами. — М., 2003. — С. 482.

Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. — М., 1947; *Сейерс М., Кан А.* Тайная война против Америки. — М., 1947. Справедливость требует заметить, что свою первую книгу авторы писали, основываясь на тогдашних официальных публикациях, освещавших, к примеру, те же известные Московские процессы с позиций их организаторов. Это, конечно, сегодня значительно снижает ее ценность.

Миллер Т. Наплывы времени. История жизни. — М., 1998. — С. 73.

Там же. — С. 87.

Удивительное дело! Спустя семьдесят лет у сына Якова Голоса Дмитрия все еще хранится один из сувениров, полученных его отцом на том знаменательном приеме, — подарочный буклет «Нормандии»!

81

Дмитрий Голос участвовал в самых тяжелых боях все долгие месяцы, что длилась беспримерная оборона Ленинграда, в кольце жестокой блокады великого города. Здесь он получил свое первое — легкое — ранение и первую награду — солдатскую медаль с гордой надписью, отчеканенной на серебре, исключающей какое-либо иное толкование — «За отвагу», здесь получил еще три ранения, уже тяжелых Вскоре после прорыва блокады, в феврале 1944 года, был комиссован по инвалидности и кружным путем вернулся в Москву. Впоследствии окончил институт, многие годы работал переводчиком в различных государственных учреждениях. Работал и с членами правительств — советскими и зарубежных стран… Орденские планки прикалывает к пиджаку лишь разв год — 9 мая. Из многих знаков отличия выделяет скромный, сегодня уже, увы, очень редкий — «Ветеран морской пехоты Балтийского флота»…

82

В советской и российский печати почему-то иногда появлялись утверждения, что тридцать второй президент США Франклин Делано Рузвельт приходился близким родственником двадцать шестому президенту страны Теодору Рузвельту. На самом деле близкой родственницей — племянницей Теодора Рузвельта — была супруга Франклина Рузвельта Элеонора. По тем временам Элеонора Рузвельт была весьма активной общественной деятельницей, а не только первой леди. В 1941 году она даже была назначена заместителем директора Управления гражданской обороны США В последующие годы была делегатом США на сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1946), председателем Комиссий ООН по правам человека (1947–1951), представителем США на ГенеральнойАссамблее ООН (1949–1952). Посему информация из окружения ЭлеонорыРузвельт всегда представляла определенный интерес даже после смерти ее мужа.

83

Аббревиатура от «Коммунистический Интернационал Молодежи», в который входил и советский комсомол.

По странному совпадению, последние годы своей жизни Овакимян жил на Большой Мещанской улице, ныне проспект Мира, в том же доме, где сейчас живет Дмитрий Голос! Уже в звании генерал-майора Овакимян занимал высокую должность заместителя начальника внешней разведки по линии НТР. В 1947 году неожиданно для многих он был из системы МТБСССР уволен. Его немедленно пригласил на работу в крупный НИИ министр химической промышленности М. Г. Первухин, который хорошо знал Овакимяна по совместным делам еще с довоенных времен, а затем и атомным, к которым имел непосредственное отношение и сам Михаил Георгиевич. Скончался заслуженный разведчик в 1967 году.

Удивительное дело: в Советском Союзе также имела место подобная практика, когда так называемого номенклатурного работника, то есть определенного иерархического уровня члена партии, могли назначить послом в азиатскую страну, о существовании которой тот ранее и не подозревал, министром, начальником строительства крупного завода без наличия профессионального образования или хотя бы практического опыта в данной сфере.

86

Звание генерал-майора в армии США, как второе генеральское, соответствует званию генерал-лейтенанта в Красной (Советской), ныне Российской армии. Соответственно звание генерал-лейтенанта США соответствует званию генерал-полковника, звание генерала — званию генерала армии. Звание генерала армии в США, соответствовавшее званию Маршала Советского Союза, присваивалось только в военное время. По мнению автора — это логично и правильно. В документах советской разведки Бюро координатора информации проходило под криптонимом «Рация», Управление стратегических служб — как «Изба».

87

Войну Дункан Ли закончил в звании подполковника.

88

Объединенный комитет начальников штабов — высший оперативный и административный орган вооруженных сил США, а также консультативный орган президента. Создан также в 1942 году. В настоящее время состоит из председателя и членов — начальников штабов армии, ВВС, ВМС и так называемого коменданта морской пехоты.

89

В октябре 1945 года УСС, как полностью выполнившее свою задачу в ходе Второй мировой войны, было упразднено. Еще в начале 1942 года Донован предложил президенту Рузвельту по окончании войны создать новую разведывательную организацию для деятельности уже в мирное время. Однако только в сентябре 1947 года уже при президенте Гарри Трумэне было учреждено и ныне существующее Центральное разведывательное управление — ЦРУ.

90

Настоящее имя Денниса (1904–1961) — Фрэнсис Уолдрон. Как функционер Коминтерна работал на Филиппинах, в Южной Африке и в Шанхае. Имя Юджин Деннис принял в 1935 году. Оперативный псевдоним «Райан». Впоследствии сменил Браудера на посту генерального секретаря Компартии США.

Подобных высказываний Донована оказалось достаточно, чтобы президент Трумэн и не подумал о возвращении генерала на пост руководителя созданного 26 июля 1947 года нынешнего Центрального разведывательного управления — ЦРУ.

Оба стали крупными, заслуженными разведчиками. Александру Семеновичу Феклисову в 1996 году было присвоено звание Героя России (скончался в 2007 году). Анатолию Антоновичу Яцкову, ушедшему из жизни в 1993 году, звание Героя России было присвоено в 1996 году посмертно.

Именно В. Зарубин и Е. Зарубина стали прообразами героев известного романа Варткеса Тевекеляна «Рекламное бюро господина Кочека».

94

3 февраля 1941 года из НКВД СССР был выделен Наркомат государственной безопасности СССР. Наркомом НКГБ был назначен Всеволод Меркулов. 20 июля 1941 года НКГБ и НКВД были слиты в единый СССР. Наркомом НКВД остался Л. Берия. В. Меркулов снова стал его первым заместителем. 4 апреля 1943 года НКГБ был опять выделен из состава НКВД СССР. Наркомом НКГБ СССР вторично был назначен В. Меркулов.

Феклисов А. Признание разведчика. — М., 1999. — С. 83–84.

96

В 1996 году Леониду Романовичу Квасникову посмертно было присвоено звание Героя России.

Через несколько недель В. Павлов получил назначение резидентом в Канаду.

Моргентау, Генри-мл. (1891–1967) — министр финансов СШАв 1934–1945 годах. Гопкинс, Гарри Ллойд (1890–1946) — ближайший помощник и доверенное лицо президента Франклина Д. Рузвельта. Икее, Гарольд Ле-Клер (1874–1952) — министр внутренних дел в 1933–1946 годах. Уэллес, Самнер (1892–1961) — первый заместитель госсекретаря США.

Неточность. Липман действительно как ведущий политический обозреватель имел давние связи с Донованом, как и с сотнями других видных государственных, политических и промышленных и финансовых деятелей США, но разведчиком он не был.

Записаны также были и шифровки, которые исходили и поступали в адрес посольства и торгпредства СССР, «Амторга», резидентур ГРУ. Все они пользовались собственными кодами и шифрами. Их мы не будем касаться.

101

Заинтересованный читатель может обратиться к книге Льва Лайнера «“Венона”. Самая секретная операция американских спецслужб». — М., 2003.

Во всяком случае, на 2000 год.

103

Программу «Венона» вело Агентство безопасности армейской связи, предшественник нынешней АНБ — Агентства национальной безопасности. Данные, полученные АБАС, были засекречены даже для ЦРУ! Забавно, что Москва узнала о них в 1947 году, на пять лет раньше, нежели ЦРУ! Их предоставил наш агент Уильям Вейсбанд (оперативный псевдоним «Жора»). Сын русских эмигрантов, он… работал в Агентстве в качестве русского лингвиста!

Даллес А. Искусство разведки. — М., 1992. — С. 120–124.

105

Американская аптека, где кроме лекарств можно купить газеты, сладости, отдать в проявление фотопленку, выпить кофе, съесть мороженое.

Внимательный читатель может заметить, что, в частности, вышеназванные данные передавали и другие источники. Это хорошо, сравнение помогало проверить информацию, уточнить цифры и т. п.

107

Интересующимся рекомендую книгу Нила Никандрова «Григулевич» (М., 2005).

108

Увы, в СССР тогда применялся гораздо более дешевый способ добычи драгоценного желтого металла. Руками десятков тысяч заключенных на приисках Колымы… Меж тем идея американского изобретателя витала в воздухе. Она даже нашла отражение в знаменитом научно-фантастическом романе Г. Адамова «Тайна двух океанов».

109

«Виктор» — оперативный псевдоним П. М. Фитина.

110

День Благодарения — один из самых любимых гражданских праздников американцев. Отмечается в четвертый четверг ноября. Первоначально — праздник в честь окончания уборки урожая.

111

В США, как и во многих европейских странах, первый этаж называется бельэтажем, а фактически второй считается первым. Соответственно, третий этаж в Нью-Йорке в Москве считается четвертым.

112

По-английски International Workers Order — Союз левых профсоюзов, противостоявший конгрессам профсоюзов, контролируемых фактически предпринимателями, а порой даже и мафией.

113

«Клим» — один из оперативных псевдонимов Б. Павлова.

Феклисов А. Признания разведчика. — М., 1999. — С. 138.

115

Там же. — С. 141–142.

См.: *Чиков В.* Нелегалы: в 2 т. — М., 1996; Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 4. — М., 1999; *Антонов В., Карпов В.* Разведчицы. — М., 2004; *Антонов В., Карпов В.* Тайные информаторы Кремля. Женщины в разведке. — М., 2002; *Долгополов Н.* Они украли бомбу для Советов. — М., 2000.

117

В Бруклине — самом населенном из пяти боро (районов) Нью-Йорка значительное число жителей — евреи, поэтому коренные бруклинцы, даже другого этнического происхождения, говорят с заметным акцентом.

Отдельные, очень редкие случаи имели место и в 20-е, и в 30-е годы.

Это в известной степени объясняет, почему вскоре после 9 мая 1945 года некоторые источники информации тихо, без объяснения причин, прекратили свое сотрудничество с советскими спецслужбами.

120

4 ноября 1944 года свыше восьмидесяти сотрудников органов госбезопасности были удостоены правительственных наград. Орденами Красной Звезды были награждены и агенты внешней разведки, в том числе Элизабет Бентли, Натан Сильвермастер, Гарри Голд, Джозеф Катц…

В то время орденоносцы получали ежемесячное денежное довольствие (в зависимости от ранга ордена), они имели право бесплатно пользоваться городским транспортом, раз в год бесплатно ездить к месту отдыха или лечения, имели налоговые льготы и т. п. Вскоре после окончания войны из-за огромного количества награжденных эти льготы были отменены. Могли лишь учитываться в случае оформления персональной пенсии.

122

Неправительственная и некоммерческая организация, основанная в 1910 году мультимиллионером Эндрю Карнеги для содействия международным исследованиям в интересах мира. Фонд издает книги, сборники документов, журнал Foreign Policy. В 1993 году в Москве открыто зарубежное отделение Фонда. Штаб-квартира Фонда Карнеги находится в Вашингтоне.

В 1969 году этот орган был переименован в Комитет палаты представителей по внутренней безопасности, а в начале 1975 года по решению палаты прекратил свое существование.

Эта поправка позволяет обвиняемому не давать показания против себя. Такая норма, позволяющая отказываться от дачи показаний против себя и своих близких, ныне узаконена и в России.

125

Позняков В. В. Советская разведка в Америке. 1919–1941. — М., 2005. — С. 341.

126

Контакт В. Павлова с Уайтом был обозначен во внешней разведке как «Операция “Снег”». Цит. по книге: *Павлов В.* Операция «Снег». — М., 1996. — С. 41. Генерал-лейтенант Виталий Григорьевич Павлов скончался в 2005 году.

127

Автор напоминает читателю известное и мудрое выражение У. Черчилля, что «нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка».

Дамаскин И. А. Сталин и разведка. — М., 2004. — С. 317.

129

Чин в иерархии ФБР — специальный агент, руководящий работой 10–15 простых агентов. Следующие ступени — помощник старшего специального агента и старший специальный агент. Последний руководил деятельностью ФБР в большом городе или регионе.

130

Судья Ирвинг Р. Кауфман был евреем, как, впрочем, и прокурор. Некоторые обозреватели в США полагали, что он вынес явно несправедливый смертный приговор Этель из опасения показаться слишком милосердным по отношению к соплеменнице. Примечательно, что шеф ФБР Эдгар Гувер считал приговор Этель Розенберг необоснованно жестоким.

131

Яковлев Н. Н. ФДР — человек и политик. — М., 1988. — С. 186.

132

Судоплатов А. Тайная жизнь генерала Судоплатова. — М., 1999. — С. 136–138.

Яковлев В. Н. Указ. соч. — С. 336.

134

Очерки истории внешней разведки России: в 6 т. Т. 4. — С. 203–204.

Шальков В. А. Манхэттенский проект. — М., 1995. — С. 32.

Карпов В. Н. Чекисты за океаном: Внешняя разведка в США в годы войны / / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М., 2006. — С. 271–294.